

1146 В. НАЛИВКИНЪ и М. НАЛИВКИНА.

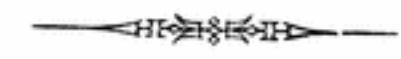
198

ОЧЕРКЪ

БЫТА ЖЕНЩИНЫ

ОСЪДЛАГО ТУЗЕМНАГО НАСЕЛЕНІЯ

ФЕРГАНЫ.



Р.30-1843

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета  
1886.

Цензурою дозволено. Казань, 4 июля 1886 г.

КНИГА ИМЕЕТ  
ДЕФЕКТ ОРИГИНАЛА  
И  
ДЕФЕКТ ПЕРЕПЛЕТА

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Малое сравнительно знакомство Русскихъ съ бытомъ какъ всего вообще туземнаго населенія, такъ главнымъ образомъ и съ бытомъ здѣшной женщины, подало намъ мысль подѣлиться съ читающей публикой результатами тѣхъ наблюдений, которыя намъ удалось произвести, проживъ нѣсколько лѣтъ среди сартовъ Ферганской области, при чемъ внѣшняя обстановка тогдашней нашей жизни была тоже вполне сартовская.

Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ знаніемъ языка, въ значительной мѣрѣ облегчило для насъ дѣло сближенія съ туземнымъ обществомъ.

Удалось ли намъ достаточно вѣрно и наглядно изобразить картину данной жизни и остаться достаточно же объективными — объ этомъ пусть судить самъ благосклонный читатель.

Мы будемъ вполне удовлетворены, если, не смотря на замѣченные имъ недостатки, промахи и упущенія, читатель скажетъ всетаки, что нашъ скромный трудъ представляетъ для него нѣкоторую долю интереса.

**Авторы.**

## КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ.

Фергана представляет собою долину, идущую въ направлении съ сѣверо-востока на юго-западъ и окруженную со всѣхъ сторонъ горными хребтами, разомкнутыми лишь въ югозападномъ углу послѣдней, у г. Ходжента.

Длина долины между Ходжентомъ и Узгѣнтомъ (въ проекціи) равняется приблизительно 300 верстамъ. Наибольшая ширина между подошвами предгорій около 130, а наименьшая (у Махрама) около 30 верстъ. Въ продольномъ направлении Фергана рѣжется теченіемъ Сыръ - Дарьй, образующейся изъ слиянія Нарына и Кара - Дарьй въ нѣсколькихъ верстахъ на югъ отъ Намангана. Съ горныхъ хребтовъ сбѣгаетъ значительное число рѣчекъ и потоковъ, воды которыхъ, частью въ предгорьяхъ, а главнымъ образомъ по выходѣ изъ послѣднихъ въ долину, расходятся по громадной сѣти *арыковъ*, искусственныхъ оросительныхъ канавъ.

Главнѣйшіе, наиболѣе населенные, торговые и промышленные пункты — города — суть: Коканъ, Маргеланъ, Андижанъ, Наманганъ, Ошъ и Чустъ. Кромѣ этихъ городовъ, по числу которыхъ теперешняя Ферганская область дѣлится на шесть соответствующихъ уѣздовъ, существуютъ *кишлаки* (селенія) изъ коихъ нѣкоторые, вродѣ Исфары и Риштана кокандскаго уѣзда, Шарихана и Ассакѣ — маргеланскаго и Узгѣнта — андижанскаго, по своимъ размѣрамъ и количеству населенія отнюдь не уступаютъ такимъ городамъ, какъ Ошъ и Чустъ.

Въ зависимости отъ мѣстныхъ климатическихъ условій воздѣлываніе всѣхъ вообще культурныхъ растений (зерновыя растенія, овощи, фруктовыя и не фруктовыя древесныя породы) возможно только при условіи искусственнаго орошенія почвы, а потому воздѣланныя, культурныя земли, насаж-

денія древесныхъ породъ и осѣдлость встрѣчаются тамъ только, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ возможно было провести арѣки.

Если лѣтомъ взглянуть на Фергану à vol d'oiseau, то поверхность ея дна представится изсѣра-желтымъ фономъ песчаныхъ и солончаковыхъ, почти лишенныхъ пыль растительности степей, испещренныхъ зелеными пятнами самой разнообразной величины. Пятна эти — культурные оазисы, ютящіяся на большихъ и малыхъ системахъ мѣстной ирригаціи, красы и величія средней Азии.

Главнѣйшія, характерныя черты отдѣльныхъ оазисовъ настолько сходны между собою, что послѣдніе въ сущности различаются другъ отъ друга только по величинѣ. Въ общемъ каждый изъ большихъ оазисовъ, заключающій въ своихъ предѣлахъ городъ (или большой базарный кишлакъ), имѣетъ приблизительно такой видъ.

По наружному обводу (оазиса) находятся сравнительно большіе отдѣльные участки незагороженныхъ полей, на которыхъ производятся посѣвы преимущественно хлѣбныхъ, зерновыхъ растеній, люцерны, хлопчатника и марены. По мѣрѣ приближенія къ центру оазиса отдѣльные участки земли становятся меньше; обработка ихъ замѣтно улучшается; все чаще и чаще встрѣчаются поля, огороженные невысокими въ  $1\frac{1}{2}$  — 2 аршина (высотой) глинобитными заборами, изъ-за которыхъ высятся тутъ (шелковица), тополь и др. деревья, а къ названнымъ выше посѣвамъ присоединяются овощи (дыни, арбузы, морковь и лукъ), табакъ и изрѣдка виноградники. Далѣе незагороженныхъ полей почти нѣтъ; каждый отдѣльный участокъ по его обводу обсаженъ большимъ или меньшимъ числомъ деревьевъ, обыкновенно въ одинъ, много въ два ряда. По преимуществу это тутъ, тополь, таль и джигдъ. Мѣстами темнѣютъ большія, раскидистыя кроны карагачей и грецкихъ орѣховъ. Хлѣбныя растенія почти совсѣмъ вытѣсняются овощами, люцерной и виноградниками; по дорогѣ все чаще и чаще встрѣчаются арбы, пустыя и съ кладью, конные и пѣшіе люди; по сторонамъ на каждомъ шагу виднѣются сады съ виноградниками, гранатами, яблонями, грушами, сливами, черешней, орѣхами, тутовыми, тополевыми и карагачевыми деревьями; наконецъ начинается и самый городъ.

Улицы всегда очень не широки; нерѣдко двѣ арбы или разъѣзжаются съ очень большимъ трудомъ, задѣвая концами осей за заборы и стѣны домовъ, или же и совсѣмъ не могутъ разъѣхаться, такъ что одной изъ встрѣтившихся арбъ приходится осаживать лошадь назадъ до перваго переулка, въ который она и въѣзжаетъ, давая такимъ образомъ возможность проѣхать другой арбѣ. И такъ улицы узки. По обѣимъ сторонамъ ихъ сѣрые, глинобитные стѣны одноэтажныхъ, по большей части, домовъ съ плоскими земляными крышами и безъ оконъ на улицу; такіе же глинобитные заборы; маленькіе ворота и калитки; городскія горлицы, очень похожія на египетскихъ голубей; худыя, подозрительнаго вида и нерѣдко опаршивѣвшія собаки на улицахъ, на крышахъ домовъ и иногда даже на заборахъ, откуда онѣ лаять на проходящихъ и проѣзжающихъ. Полунагіе, чумазы и всетаки нерѣдко прехорошенькіе ребятишки обонхъ половъ играютъ въ уличной пыли, и если ихъ не давятъ ежедневно десятками, то потому только, что у сартовъ не принято ѣздить большими аллюрами. Женщины-сартянки съ лицами закрытыми черной волосяной сѣткой, въ сѣрыхъ *паранджѣ*, халатахъ съ узкими длинными рукавами, накидываемыхъ на голову, при чемъ подолъ и концы рукавовъ волочатся или по крайней мѣрѣ достигаютъ до земли, по одной, по двѣ, съ ребятами на рукахъ, съ узлами шелковичныхъ коконовъ на головѣ двигаются плавной, слегка торопливой походкой, напоминая своей сѣрой фигурой скорѣе мумій, чѣмъ живыя человѣческія существа.

Сарты въ ситцевыхъ, тиковыхъ и рѣже шелковыхъ халатахъ или же въ бѣлыхъ и полосатыхъ рубахахъ на манеръ халата изъ мѣстной бумажной матеріи, въ чалмахъ и въ тюбетейкахъ, босикомъ и въ ичигахъ съ калошами, пѣшкомъ, верхомъ и на арбахъ; евреи — красильщики въ такихъ же приблизительно костюмахъ, но съ длиннѣйшими пейсами и съ вѣчно синими отъ краски руками; два-три индуса; киргизъ въ мѣховой шапкѣ на маленькой, худенькой клячкѣ съ нѣсколькими верблюдами въ поводу; маленькій арыкъ поперекъ улицы, черезъ него вмѣсто мостика небольшая каменная плита. На лѣво мечеть съ плоской же земляной крышей, открытая съ восточной стороны, внутри выштукатуренная бѣлымъ алебастромъ, съ пирами въ стѣнахъ, съ рѣз-

ными столбами и цестро раскрашеннымъ потолкомъ; на дворикѣ прудъ обсаженный большими, тѣвистыми карагачами; входная калитка внизу на аршинъ отъ земли задѣлана рѣшеткой, дабы въ мечеть не забѣгали животныя, могущія осквернить это священное для мусульманина мѣсто; входя сюда, правовѣрные бывають принуждены перелѣзати черезъ эту рѣшетку. **Базаръ.** Еще издали слышится неприятный, острый запахъ кунжутаго масла, на которомъ тутъ же, на базарѣ, приготовляются разныя сѣбди; гуль нѣсколькихъ сотъ, если не тысячъ, голосовъ торгующагося люда, стукъ кузнечныхъ молотовъ и ржаніе коней. Изрѣдка откуда-то выносятся рѣзкій ревъ верблюда. На базарѣ улицы значительно шире, чѣмъ въ остальной части города. По сторонамъ ихъ лавки и лавочки обыкновенно очевъ небольшихъ размѣровъ; у большинства съ наружной стороны маленькіе навѣсы изъ камышевыхъ плетенокъ на тоненькихъ подпоркахъ изъ таловыхъ жердей; здѣсь работаютъ и торгуютъ кузнецы, шорники, сѣдельники, портные, серебрянники и мѣдники; въ перемѣшку съ ними *касѣбы* (мясники) и *бакѣлы* (мелочные лавочники) продають мясо, дыни, морковь, перецъ, лукъ, масло, рисъ и табакъ. Вотъ лавочка съ книгами; рядомъ съ ней варятъ и продають цельмени и пирожки; дальше выдѣлываютъ шубы; вотъ *кудуциаръ* толстой карагачевой колотушкой отбиваетъ яркій, съ замысловатымъ узоромъ атласъ; *мадда* весь въ поту, съ вытаращенными въ экстазѣ глазами, размахивая руками и ударяя себя кулакомъ въ грудь, ходитъ большими шагами взадъ и впередъ и не своимъ голосомъ выкрикиваетъ біографію какого-то мусульманскаго святого. Далѣе цѣлый рядъ лавокъ съ войлоками, волосяными арканами, шерстяными мѣшками и др. подобными же издѣліями; продавецъ халвы во все горло оретъ: „*шакѣръ-дѣкъ*!“ (какъ сахаръ); съ другой стороны, какъ бы въ отвѣтъ ему несутся: „*музъ-дѣкъ! шарбатъ!*“ (шербетъ! холодный какъ ледь!) На углу въ *чай-ханѣ* нѣсколько хорошо одѣтыхъ сартовъ сидятъ полукругомъ, лицомъ къ базару съ *батчѣй*, смазливимъ, разряженнымъ мальчикомъ по серединѣ, пьютъ чай и курятъ *чилиъмъ*, мѣстный кальянъ съ длиннымъ тростниковымъ чубукомъ. Далѣе длинные, крытые ряды лавокъ съ краснымъ товаромъ — ситцы, кумачи, тики, платки—все по преимуществу самыхъ яркихъ цвѣтовъ; це-

редь одной изъ лавокъ цѣлая компанія юродивыхъ—*диванѣ* въ высокихъ коническихъ изъ краснаго сукна шапкахъ—*куля*, съ длинными посохами, съ горлянками у пояса вмѣсто нашихъ нищенскихъ сумъ, нестройнымъ пѣніемъ выпрашиваетъ подаенія; лавочникъ старается не смотрѣть на нихъ и затѣваетъ разговоръ съ однимъ изъ проходящихъ мимо его сартовъ. По другой сторонѣ *исырки*, тоже юродивый, спуетъ въ толпѣ, окуриваетъ проходящихъ вонючимъ дымомъ травы—*исырка*, дабы охранить ихъ отъ приближенія шайтана и тоже выпрашиваетъ себѣ подаеніе. На лѣво цѣлый рядъ лавокъ съ развѣшанными по стѣнамъ кусками атласа, канауса, *итаркака*, *адрыса* и др. шелковыхъ матерій; далѣе сидятъ *амтары* съ пуговицами, тесемками, лекарствами, зеркальцами, косметиками и др. мелочью; нѣсколько лавочекъ съ тюбетейками различнѣйшихъ цвѣтовъ и узоровъ. Въ кучкѣ зѣвакъ авгапецъ заставляетъ плясать ученую обезьяну, показывающую, какъ солдатъ ходитъ съ ружьемъ, какъ охотникъ крадется къ дичи и проч. Въ большіе, открытые ворота видна внутренность каравансарая, просторнаго двора со сплошнымъ рядомъ маленькихъ *худжрѣ*, келій вдоль стѣнъ, съ громадными вѣсами, съ ворохами кожъ, желѣза, котловъ и кошемъ, съ пузатыми купцами—сартами; съ юркими, благообразными прикащиками; съ возчиками киргизами и наконецъ съ русскимъ чиновникомъ въ форменной фуражкѣ и съ толстой тетрадью въ рукахъ.

Гдѣ нибудь не подалеку отъ базара или *урдѣ*, гдѣ прежде помѣщался *бекъ* или *хакимъ*, управлявшій даннымъ вилаѣтомъ, или цитадель, гдѣ теперь на барбетѣ стоитъ мѣдное, стараго образца орудіе и часовой въ бѣлой рубахѣ съ погонами и бѣлой же фуражкѣ. Далѣе изъ-за ряда густыхъ таловъ и стройныхъ тополей выглядываютъ окна и бѣлыя стѣны русскихъ домиковъ. Офицеръ въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ направляется къ цитадели; баба-солдатка несетъ куда-то на головѣ узелъ съ вымытымъ и накрахмаленнымъ бѣльемъ; русская барыня съ дочкой, въ шляпкахъ, подъ зонтиками; извозчикъ сартъ съ необычайно трясучей пролеткой; нѣсколько солдатъ; русская лавка въ два окна съ вывѣской: „*Торговля бакалейными товарами*“; наискосокъ другая: „*Продажа питья на выносъ*“; почтовая станція съ двумя казеннаго цвѣта фонарными столбами; телеграфъ; ма-

лююдныя улицы, густо обсаженныя съ обѣихъ сторонъ деревьями; въ концѣ одной изъ нихъ длинная бѣлая казарма; тишь, а надо всѣмъ этимъ прозрачно-голубое небо, солнце яркое на столько, что на сѣрме, глинобитные заборы долго смотрѣть нельзя — такъ сильно блестятъ они, отражая жгучіе, почти отвѣсныя лучи, и въ заключеніе всего въ полдень  $+41^{\circ}$  Ц. въ тѣни.

Кишлячные, деревенскіе базары, конечно, гораздо меньше городскихъ; торговля ведется на нихъ главнымъ образомъ хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства; остальные товары всегда въ крайне ограниченномъ количествѣ, а многихъ изъ нихъ, предметовъ туземной роскоши, даже и совсѣмъ не встрѣчается. За исключеніемъ Кокана и Маргелана базарные дни бываютъ разъ въ недѣлю. Въ теченіи остальныхъ шести дней кромѣ мясныхъ и овощныхъ лавочекъ, а также *чай-ханъ*, небольшое число другихъ лавокъ бываетъ открыто только въ городахъ.

Въ городахъ же съ заката и до восхода солнца на базарѣ могутъ оставаться одни только караульщики. (Мусульманская религія не совѣтуетъ торговать ночью, дабы не было конкуренція съ тѣми торговцами, которые не могутъ почему либо торговать по ночамъ, во первыхъ, а во вторыхъ требуется, чтобы товаръ продавался при такихъ условіяхъ, когда онъ можетъ быть безпрятственно измѣренъ и осмотренъ).

Число базарныхъ кишляковъ сравнительно велико. Такъ напр. въ намаганскомъ уѣздѣ на площадь приблизительно въ 5600 кв. верстъ и около 100,000 душъ населенія число базаровъ—5.

Выше мы сказали уже, что существованіе культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осѣлости прежде всего здѣсь обуславливается возможностью проведенія арыковъ, а это послѣднее въ свою очередь зависитъ одинаково какъ отъ присутствія или отсутствія такихъ источниковъ, воды которыхъ могли бы эксплуатироваться съ цѣлями ирригаціи, такъ равно и отъ конфигураціи данной мѣстности. Но тѣмъ же причинамъ какъ величина оазисовъ, такъ равно и разстоянія между ними очень различны.

Преобладающіе размѣры кишляковъ колеблются между 100—200 дворовъ. Тамъ, гдѣ главную массу населенія со-

ставляютъ кипчаки, каракалпаки, курама и недавно еще осѣвшіе киргизы, кишляки сравнительно рѣдки и мѣсто ихъ заступаютъ отдѣльные *куртанчи*, хутора, окруженные высокими, перѣдко зубчатыми, съ бойницами глинобитными стѣнами, которымъ въ былое, смутное время не разъ приходилось играть роль маленькихъ крѣпостей, отчего, собственно говоря, и получило ихъ названіе. (*Куртанъ* — крѣпость. *Куртанчи* — крѣпостца).

Здѣсь же скажемъ нѣсколько общихъ словъ о климатологіи описываемой нами страны. Весна вмѣстѣ съ началомъ полевыхъ работъ въ среднемъ наступаетъ въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Въ вегетативномъ отношеніи она начинается появленіемъ нѣкоторыхъ травъ (пырей, *Iris*), а равно цвѣтеніемъ миндальныхъ и урюковыхъ (абрикосовыхъ) деревьевъ. Въ маѣ начинаются уже жары и наибольшая прибыль воды въ Дарьѣ и въ главнѣйшихъ горныхъ рѣчкахъ, обуславливающаяся усиленнымъ таяніемъ снѣга въ горахъ. Около этого же времени поспѣваютъ ягоды тута, урюкъ и ячмень. Въ іюнѣ снѣтъ пшеница. Въ іюлѣ виноградъ и кукуруза. Въ іюнѣ и іюлѣ ночи обыкновенно очень душны, и эта духота тѣмъ болѣе невыносима, что ночью же воздухъ кишитъ міриадами москитовъ и комаровъ. Въ августѣ жары начинаютъ понемпогу спадать, ночи становятся прохладными, а москиты мало по мало пропадаютъ. Съ начала октября наступаетъ теплая и по большей части сухая осень. Къ концу этого же мѣсяца окончателно поспѣваютъ *джу-гаръ* (сорго), хлопчатникъ и рисъ.

Зима съ температурою ниже  $0^{\circ}$  начинается обыкновенно въ концѣ ноябрю или началѣ декабря и продолжается до половины или конца февраля. Въ годы холодныхъ зимъ температура нерѣдко падаетъ до  $23^{\circ}$  Ц.; въ общемъ же среднія температуры декабря и января мѣсяцевъ колеблются между  $5^{\circ}$  и  $15^{\circ}$  Ц.

Все сказанное относится исключительно ко дну долины (Намаганъ — 1340 фут. надъ уровнемъ моря; Маргеланъ — 1480; Коканъ — 1300; Андижанъ — 1512 ф. См. Карту Ферг. Обл. Изд. 1879 г.).

По мѣрѣ приближенія къ горамъ и постепеннаго повышенія мѣстности надъ уровнемъ моря, продолжительность лѣта и среднія температуры какъ его самого, такъ и цѣлаго

года уменьшаются. На высотѣ 4000 фут. джугаръ, рисъ, дыни, виноградъ, гранаты и хлопчатникъ уже не вызрѣваютъ, а въ сѣвооборотъ входятъ такія растенія, какъ лёнъ и просо, посѣвы которыхъ на днѣ долины почти не производятся вслѣдствіе малой сравнительно ихъ доходности.

Начиная съ этой же высоты, въ горахъ сѣвернаго хребта встрѣчаемъ березу, а далѣе, на 7—8000 ф. ель и рябину. На 10.000 ф. снѣгъ сходитъ не ранѣе конца апрѣля; снова начинаетъ выпадать (но обыкновенно растаиваетъ) съ половины сентября, а окончательно ложится въ половинѣ или въ концѣ октября.

Наибольшее количество атмосферныхъ осадковъ всегда приходится на горы. Какъ бы ни была тепла зима въ долинѣ, въ горахъ нижняя, предѣльная линія снѣга всегда лежитъ не выше 5—6000 ф.

Въ горахъ наименьшее количество осадковъ приходится обыкновенно на июль и августъ, а въ долинѣ, послѣ теплыхъ, безснѣжныхъ зимъ на май, июнь, июль, августъ, сентябрь, а иногда даже и октябрь мѣсяцы.

Прежде чѣмъ перейти къ населенію Ферганы, мы попросимъ читателя сѣсть на лошадь и сдѣлать съ нами маленькое путешествіе.

Теперь половина іюня и вы на Джайкѣ, въ горахъ, верстахъ въ 75 на сѣверъ отъ Намангана. Горы разступились и образовали Джайкѣ, широкую, зеленую долину, перерѣзанную съ востока на западъ двумя небольшими ручьями, впадающими въ Падшаату. Быстрая и прозрачная, она шумно бѣжитъ по каменистому дну у самыхъ горъ вдоль западной стороны долины. Березы, шиповникъ, аса-мусъ и барбарисъ разрослись по берегу; у нѣсколькихъ березъ подмыло корни; онѣ накренились и нижними вѣтвями окунулись въ воду. Съ востока и запада то крутя, то пологія, зеленыя высоты, мѣстами поросшія кустарникомъ, образовали *сай*, овраги, смотрящіе устьями въ долину. Почти отвѣсная каменная гряда заперла Джайкѣ съ сѣвера, треснула по срединѣ и въ эту трещину, саженой 10 шириною, такъ называемый *Капчигай* пропустила Падшаату, которая шумитъ здѣсь, нѣжится объ береговые утесы и торчащіе со дна валуны, гроздитъ на нихъ обломки принесенныхъ съ верху елей и

березъ и, перескочивъ черезъ послѣдній порогъ, шумно вылетаетъ изъ тѣснаго Капчигая на широкую долину Джайка.

Вонъ изъ-за Капчигая виднѣются гравитныя громады съ темными пятнами по уступамъ и бѣлыми снѣговыми верхами. Тамъ верховья Кашка-сү и Мингъ-Илкы, а темныя пятна, это еловыя и другія рощи. Тамъ альпійская флора съ ползущей по землѣ арчей, похожей на нашъ можжевельникъ, съ цѣлыми пространствами дикаго лука и мелкихъ, ярко-зеленыхъ альпійскихъ травъ въ перемѣшку съ громадами скалъ, съ медленно тающимъ подъ ними снѣгомъ, съ уларами и дикими козами, ихъ единственными почти обитателями.

Не много ниже, по ологимъ скатамъ раскинулись громадные ковры роскошной зелени съ самыми яркими и прихотливыми узорами горныхъ вѣтвонъ, а по склонамъ темнѣютъ рощи раскидистой арчи и стройной ели въ перемѣшку съ рябиною.

Еще ниже береза, кленъ, яблоня, барбарисъ, малина и смородина, аса-мусъ, шиповникъ и другіе кустарники перемѣшались на днѣ глубокой и узкой лоцины, обступивъ и закрывъ собою шумный, холодный потокъ, скачущій между обросшихъ мохомъ каменьевъ.

Но вернемся къ Джайку. По всей долинѣ раскинулись киргизскіе аулы по 5—6 и болѣе кибитокъ. Полдень. Почти жарко. *Турдуйки*, боковыя кошмы, подняты и подоткнуты подъ *курдуй*, арканъ, опоясывающій кибитку. По вечерамъ здѣсь все оживлено; вездѣ группы киргизъ, разсѣвшихся кружками на травѣ и слушающихъ рассказы своихъ краснобаевъ; ребята—подростки ловятъ и привязываютъ телятъ къ приколамъ и козлятъ къ аркану съ привязанными къ нему ошейниками, протанутому между двумя низенькими, вбитыми въ землю колышками. Бабы съ маленькими деревянными ведерочками торопливо доятъ козъ и коровъ. Отовсюду доносится говоръ, ржаніе подогнанныхъ къ ауламъ лошадей, ревъ рогатаго скота и бляеніе козъ и барановъ — словомъ полное оживленіе. Теперь ничего этого нѣтъ. Тишина. Мужчины спятъ по кибиткамъ; дѣти или тоже спятъ, или же играютъ гдѣ нибудь по рѣчкѣ, и только бабы не покидаютъ своего вѣчнаго веретенца съ пучкомъ овечьей или верблюжьей шерсти.

На самомъ верху ближней горы, понуря головы и отмахиваясь хвостами отъ мухъ, стоитъ табунъ лошадей; ниже по полугоръ между кустами мелькаютъ неугомонныя козы, а внизу, у самой рѣчки, тяжело дыша, съ полузакрытыми глазами лежатъ отъѣвшіеся на привольѣ быки и коровы.

Переждавъ жаръ, садитесь на лошадь и ѣдете въ Наманганъ.

Дорога плоха и камениста, а потому, сдѣлавъ долиною, по берегу рѣчки верстъ 20. доѣдете только до кишлака Нанай, гдѣ заночуете у общаго знакомаго Мулла-Ташъ-бая. У него просторная, высокая *михманъ-ханъ* (комната для гостей на переднемъ дворѣ) и хорошенкій, молодой садикъ съ большимъ арыкомъ чистой и холодной падишаатинской воды.

Теперь, впрочемъ, въ нанайскихъ садахъ мало хорошаго. Всѣ деревья, за исключеніемъ такъ называемой осеней красной яблони отцвѣли, а черешня и урюкъ здѣсь еще не поспѣли. Черешня только что начала желтѣть, а урюкъ поспѣеть не ранѣе двухъ-трехъ недѣль.

До Наная дорога, какъ мы уже сказали, идетъ долиной, то по самому берегу рѣчки, то уходитъ немного въ сторону, обходя заросли тальника, облепихи и др. кустарниковъ, болотца и пашни, вперемѣшку тянущіеся до самого Наная.

Справа и слѣва горы, сначала высокія и покрытыя по сѣвернымъ склонамъ кустарникомъ, ближе къ Нанайю становятся все ниже и безжизненнѣе и наконецъ у самаго кишлака постепенно сливаются съ широкой равниной Караванъ-дала, идущей на югъ отъ Наная верстъ на 8. вплоть до горъ Боснұ и Унгара.

Начиная съ Карамашата (урочище верстахъ въ 12 выше Наная) вамъ попадаться пашни; вы видѣли наливающейся ячмень, пшеницу въ цвѣту, только что начинающей зацвѣтать лёнъ, кукурузу всего съ аршинъ высотой и еще безъ всякихъ намековъ на початки, и всходы проса. Два-три киргиза попались вамъ по дорогѣ въ бѣлыхъ войлочныхъ остроковечныхъ шапкахъ и желтыхъ изъ верблюжей шерсти халатахъ, на маленькихъ, заѣзжанныхъ лошаденкахъ.

Въ одномъ мѣстѣ четыре человека окучивали кетменями (мотыками) кукурузу; когда вы поровнялись съ ними, они подняли головы, обернулись, долго смотрѣли на васъ и по-

томъ всѣ четверо сразу громко о чемъ-то заговорили. Ближе къ Нанайю въ двухъ-трехъ мѣстахъ вы видѣли людей босикомъ, съ засученными выше колѣнъ штанами, съ подоткнутыми длинными рубахами и съ кетменями въ рукахъ; они разводили пущенную изъ арыка воду на посѣвы льна и кукурузы.

*Чимдинъ*, маленькія горныя мухи, беспокоили вашу лошадь; она отчаянно мотала головой всю дорогу, вырывала у васъ изъ рукъ поводъ и такъ васъ замучила, что вы какъ убитый засыпаете въ саду подъ тихій шепотъ листвы и быстраго арыка. Спите спокойно. Ни комаровъ, ни мошекъ, ни скорпионовъ, ожидающихъ васъ дальше, здѣсь нѣтъ. Подъ утро будетъ свѣжо, но заботливый хозяинъ давно уже приготовилъ для васъ туземное, ватное одѣяло.

На слѣдующее утро, позакусивъ, садитесь на лошадь и дальше. Жарко. скакать не приходится, а потому плетитесь шагкомъ.

Отъ Наная до подошвы Унгара дорога вьется по равнинѣ Каравана между полями пшеницы, проса, льна и пара. Если-бъ не Унгаръ съ его гранитными скалами и зеленой верхушкой, вы забылись бы и вообразили бы себя ѣдущимъ по русскому проселку. Тѣже поросшія травой межн бѣгутъ отъ дороги и теряются въ посѣвахъ; таже изрытая колесами, малоѣзжая дорога; тотъ же трескъ кузнечиковъ; тѣже васильки выглядываютъ изъ пшеницы; тѣже перепела и жаворонки.

Обогнувъ кишлакъ Мамай по подошвѣ Унгара, вы переѣзжаете каменистое, съ версту шириной, русло Падишааты, разбившейся здѣсь на нѣсколько арыковъ и, оставя вправо Заркентъ, по все болѣе и болѣе пыльной дорогѣ выѣзжаете на ровную, голую, опаленную солнцемъ Искаватскую степь. Чѣмъ дальше, тѣмъ становится все жарче и жарче. Скоро полдень; вѣтеръ почти совсѣмъ стихъ; у васъ начинается болѣть голова и глаза слипаются.

Передъ вами два киргиза, пѣший и конный, гонятъ стадо курдючныхъ барановъ; вытянувъ шею и тыкаясь мордами въ землю, они подняли цѣлую тучу столбомъ стоящей, тончайшей лёссовою пыли. Это купеческій гуртъ. Онъ пришелъ изъ Аулія-ата изъ Токмака черезъ горы. Два—три



жирныхъ барана, захромавшихъ въ дорогѣ, на каменистомъ горномъ перевалѣ, ковыляють на трехъ ногахъ.

Крехтя и кашляя отъ пыли, ваша лошадь обогнала стадо рысцей и опять пошла шагомъ. Все жарче да жарче. По сторонамъ ровная, поросшая *шудкомъ* степь; ни дерева, ни другой тѣни, гдѣ можно было бы отдохнуть. Влѣво Яланчагъ, а прямо Искаватъ кажутся висящими на воздухѣ.

Мѣстами желтѣють поля пшеницы—*лутчакъ* съ темнымъ, почти коричневымъ колосомъ совсѣмъ безъ ости. Вонъ вдали мелькнули три—четыре бѣлыя точки. Это *уракчи*—жнецы; здѣсь уже начали жать пшеницу. Но вотъ Искаватъ спустился на землю; вотъ онъ все ближе и ближе; вотъ первое встрѣченное вами, темнозеленое поле высокой, похожей на тропическій тростникъ широколиственной джугары.

Вотъ начались низенькіе, глинобитные, мѣстами развалившіеся заборы *хайтовъ*, огороженныхъ отъ скота мѣсть, съ люцерной или другимъ посѣвомъ внутри, обсаженныхъ вдоль стѣнъ урюками, тѣтомъ или тополями.

А вотъ и собственно кишлакъ начался. Пошли высокіе заборы съ маленькими воротами и калитками.

Вонъ направо изъ-за забора взвился цѣлый рядъ стройныхъ кокандскихъ тополей; надъ старымъ раскидистымъ персикъ перекинулся черезъ заборъ своими запыленными сучьями съ зелеными еще, жесткими плодами; вонъ рядомъ съ нимъ коренастый урюкъ со спѣлыми оранжевыми ягодами. Вы остановились подъ его вѣтвями у забора лошадь, поднялись на стремянахъ, чтобы сорвать ближнюю ягоду и неосторожно дернули вѣтку; красивый, переспѣвшій урюкъ оторвался, шлепнулся на землю и превратился въ грязную лепешку. Но вотъ и *раватъ* (постоялый дворъ).

Почти у самой дороги квадратный, саж. 2—3 въ сторонѣ, прудъ, обсаженный густыми талами. Подъ ними *сутъ*, земляное возвышеніе, вѣчто вродѣ большой лежанки, съ разостланными кошмами и паласами для сидѣнья. Кругомъ навѣсы и конюшни на случай непогоды, а все это обнесено съ трехъ сторонъ высокой, глинобитной стѣной; изъ-за нея слышенъ плачь ребенка и крикливый женскій говоръ. Тамъ *ичкари*, внутренний дворъ, гдѣ живетъ скрытая

отъ постороннихъ глазъ семья хозяина. А вотъ и онъ самъ въ тюбетейкѣ и длинной, на манеръ халата рубахѣ, подпоясанной широкимъ, въ нѣсколько разъ обмотаннымъ вокругъ живота синимъ, бумажнымъ поясомъ.

Занскиваяще улыбаясь, онъ привѣтствуетъ васъ обычнымъ *саламомъ*, складывая руки на животѣ, затѣмъ хватается подъ уздцы вашу лошадь и, наскоро привязавъ её, усаживаетъ васъ на кошму. Сказавъ еще одно привѣтствіе: „*хдишъ килѣбъ сызъ*“, равнозначущее нашему „*милости просимъ*“ и справившись о вашемъ здоровьѣ, онъ бѣжитъ въ *ичкари* за *кутаномъ* чая и подносомъ съ лепешками, урюкомъ, яйцами и пр.

Въ его отсутствіи вы захотѣли напиться, зачерпнули чашкой воды изъ пруда, но тамъ инфузорій оказалось больше, чѣмъ воды. Въ этомъ отношеніи Искаватъ отвратительное мѣсто, вода по очереди пускается сюда изъ Падшааты разъ въ 10 дней, а ключей нѣтъ.

Передохнувъ, закусивъ и распрощавшись съ хозяиномъ, который долго ломался, не соглашаясь якобы взять съ васъ денегъ, ѣдете далѣе.

За Искаватомъ пыль еще невообразимѣе, и идетъ она верстъ 5—6 до Булакъ-башы и Наукѣнта включительно. Здѣсь вы въѣзжаете въ культурный оазисъ, тянущійся по дну широкаго оврага вплоть до самаго Намангана.

Вотъ вы миновали ключи, переѣхавъ ихъ воды по мостику съ земляной настилкой и вѣчной дырой по серединѣ. Потянулись поля джугары, хлопчатника и кукурузы, сады и хайты.

Изрѣдка начинаютъ попадаться виноградники съ лозами, обвившими большія, въ сажень и болѣе высокой, дуги, соединенныя между собою жердями. Вотъ и Наукѣнтъ, небольшой кишлакъ, гдѣ когда-то жилъ Худояръ — Хановскій бекъ, правившій народомъ. Дома, какъ и вездѣ въ Азіи, внутри дворовъ, при чемъ на улицу смотрятъ только глинобитные заборы и стѣны съ маленькими воротцами или калитками. Вотъ скрипитъ *джуазъ*, маслѣнка допотопной конструкции; вотъ мелочная лавочка съ сушенымъ урюкомъ, рисомъ, *насадемъ* — табакомъ вродѣ нашего нюхательнаго, который туземецъ кладетъ за щеку; льнянымъ или кувжут-

нымъ масломъ въ узкогорлой горлянкѣ и не поддающимся описанію хламомъ въ дальнемъ углу.

Вотъ неустанно шумящая, маленькая туземная водяная мельница; вотъ мечеть, большой навѣсъ внутри дворика съ прудомъ, обсаженнымъ карагачами, а дальше безконечныя сѣрые заборы, высокіе и низенькіе, съ выглядывающими изъ за нихъ деревьями.

На каждомъ шагу большіе и малые аркы съ мостиками и безъ мостиковъ, а вдали, по сторонамъ, голыя, изжелта-сѣрыя высоты.

Пшеница здѣсь сжата уже и стоитъ или въ копнахъ, или въ большихъ стогахъ, около которыхъ мѣстами приготовлены *хирманы*, круглыя, расчищенные и обильно политыя водой площадки, на которыхъ будутъ молотить этотъ хлѣбъ. Вотъ навстрѣчу вамъ понадается цѣлый рядъ арбъ съ запыленными лошадьми и арбаками. Это везутъ дыни; въ Наманганѣ и дальше къ Дарѣ онѣ уже поспѣли. Везутъ ихъ въ Искаватъ, гдѣ ихъ мало сѣютъ за недостаткомъ воды, въ Мамай, Нанай и предгорья, гдѣ онѣ вовсе не рождаются за недостаткомъ жара.

Хлѣбъ съ урюкомъ и хлѣбъ съ дынями— это почти исключительная лѣтняя пища здѣшняго осѣдлаго населенія.

А вонъ влѣво, на полугорѣ, кто-то ужъ началъ молотить ячмень или пшеницу. Часть стога разостлана на *хирманъ* слоемъ въ аршинъ толщиной; мальчишка лѣтъ 8—9 верхомъ на высокой, худой лошади ѣздитъ вокругъ *хирмана*, волоча за собою *валъ*, треугольный плетень аршина 4 въ сторонѣ съ набросанными на него, для большей тяжести, снопами.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ чаще и чаще попадаются виноградники, а синіе изъ грубой туземной бумажной матеріи халаты все быстрѣе и быстрѣе смѣняются русскимъ ситцемъ, *сумсамдой* и *адрысомъ*.

Вонъ молодой загорѣлый сартъ перепыхиваетъ маленькое поле убранной уже пшеницы. Здѣсь поспѣютъ морковь, и она успѣетъ вырасти къ началу или срединѣ октября. Пара худыхъ, старыхъ воловъ медленно тянетъ немудрый туземный плугъ, не обращая вниманія на пруть и поминутное покрикиваніе: „*хо-дишь, ходишь, калъ!*“ Вечерѣетъ. Жаръ начинается смѣняться духотой южной ночи. Вы вѣзжаете

въ Наманганъ, потонувшій въ садахъ, въ пыли и въ смрадѣ удушливаго дыма полыни, на которой готовятъ вечернюю трапезу.

Пожелать вамъ спокойной ночи сегодня, значить зло посмѣяться надъ вами. Дорога, зной и тряская киргизская лошаденка, кажется, уже въ конецъ разбили васъ; повидимому, вамъ стоитъ только лечь, чтобы тотчасъ же заснуть, но не тутъ-то было. Страшная духота и мириады москитовъ не дадутъ уснуть вамъ, только что покинувшему прохладныя горныя пастбища.

Туземное населеніе Ферганы въ бытовомъ отношеніи подраздѣляется на двѣ большихъ группы: *осѣдлое*, обитающее въ долинѣ и *кочевое*— главнымъ образомъ въ горахъ и предгорьяхъ, гдѣ кромѣ скотоводства оно имѣетъ еще и запашки, почему правильнѣе было бы называть его не кочевымъ, а полукочевымъ, такъ какъ зимовки съ находящимися при нихъ запашками всегда постоянныя, а лѣтомъ аулы выходятъ изъ года въ годъ на одни и тѣже горныя пастбища.

Въ настоящее время осѣдлые составляютъ значительное большинство. Такъ напр. въ намаганскомъ уѣздѣ на 13,500 домовъ (осѣдлыхъ) приходится только 3000 киргизскихъ юртъ или кибитокъ.

Въ расовомъ или племенномъ отношеніи осѣдлое населеніе Ферганы, носящее общее названіе *сартовъ*, состоитъ изъ *узбековъ* (или тюрковъ) и *таджиковъ* (\*).

Сарты-узбеки, говорящіе на тюркскомъ языкѣ, суть прежніе кочевники узбекскихъ родовъ Кыргызъ, Багышъ, Кипчакъ, Каракалпакъ, Курама, Мингъ, Юзъ, Кыркъ и др., осѣвшіе здѣсь въ разное время и принявшіе земледѣльческій культъ мѣстныхъ аборигеновъ таджиковъ. [Замѣтимъ между прочимъ, что осѣданіе это въ силу совокупности разнаго рода причинъ непрестанно продолжается и въ настоящее время]. Въ предѣлахъ Ферганы въ численномъ отношеніи сарты-узбеки значительно преобладаютъ надъ таджиками. Немногочисленныя

(\*). Кромѣ этихъ двухъ главныхъ народностей есть еще небольшое число евреевъ, цыганъ и индусовъ.

сравнительно поселенія послѣднихъ, говорящихъ на нарѣчїи персидскаго языка (Касанъ, Чустъ, Камышь-Курганъ, Канибадамъ, Исфара, Варухъ, Сохъ и др.) лежатъ вдоль подножья окружающихъ долину хребтовъ и указываютъ на тѣ пункты, изъ которыхъ какъ изъ центровъ, происходило постепенное разрастаніе существующихъ нынѣ культурныхъ оазисовъ долины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время вся разница между осѣдлыми узбеками и таджиками заключается, собственно говоря, только въ одномъ языкѣ. Религія, образъ жизни, привычки и обычаи, все это настолько одинаково, что далѣе мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ осѣдлую женщину—узбечку, называя её общимъ именемъ *сартъки*, т. е. такъ, какъ это принято между русскими, живущими въ средней Азїи.

Воспринявъ земледѣльческій культъ таджика, узбекъ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ таджика же персидскія названія многихъ кушаній, большей части теперешней его утвари, разнаго рода инструментовъ, орудій, строительныхъ терминовъ — словомъ всего того, что отсутствовало въ прежнемъ кочевомъ быту узбека, а потому не имѣло и названій на его узбекскомъ, тюркскомъ языкѣ.

Въ тоже самое время не меньшее количество персидскихъ словъ внесла въ современный намъ сартовскій (тюркскій) языкъ и принятая имъ персидская литература <sup>(1)</sup>, а принятіе ислама ввело массу арабскихъ словъ (преимущественно названія отвлеченныхъ предметовъ, юридическіе и богословскіе термины, а равно и большинство собственныхъ именъ).

Такимъ образомъ въ современномъ намъ сартовскомъ (тюркскомъ) языкѣ половина почти словъ персидскія и арабскія.

Постепенно соприкасаясь съ таджиками, читая почти исключительно на персидскомъ языкѣ, хвастаясь знаніемъ этого языка и его литературы и, наконецъ, въ значительной

<sup>(1)</sup> Большинство книгъ на персидскомъ языкѣ. На немъ же до прихода сюда Русскихъ писалась большая часть разнаго рода документовъ и оффиціальныхъ бумагъ.

степени смѣшавшись съ таджиками путемъ браковъ, узбекъ, особенно городской житель, да если онъ при томъ еще и *мулла* (грамотный) значительно смягчилъ твердое произношеніе своего родного языка, а пойдя далѣе, отчасти и исковеркалъ его.

Кыргизъ говоритъ *кымылдайды* (шевелится); сартъ *кымиллайды*, но зато вмѣсто правильнаго *иднз* (хлѣбъ), сартъ часто говоритъ *иднз*; вмѣсто *чай* — *чдй* и т. п.

Преимущественнымъ занятіемъ осѣдлаго туземца въ Фергави до сихъ поръ было земледѣліе.

Главнѣйшими причинами этого слѣдуетъ считать: во-первыхъ, значительную сравнительно доходность мѣстнаго земледѣльческаго труда, являющуюся въ результатъ продолжительности вегетативнаго періода, высокихъ температуръ лѣта, и существованіе искусственнаго орошенія почвы; во вторыхъ, отсутствіе тѣхъ положительныхъ знаній и др. условій, безъ которыхъ невозможно развитіе широкой и достаточно доходной индустріи; въ третьихъ сравнительную незначительность жизненныхъ потребностей туземца, зависящую, какъ отъ климатическихъ условій, такъ равно и отъ крайне слабаго и прогрессивнаго движенія народнаго ума, что въ свою очередь происходитъ на столько-же подъ вліяніемъ религіи и народныхъ привычекъ, на сколько и въ слѣдствіе географическихъ условій, отдѣлившихъ эту страну, да и всю Среднюю Азїю, тысячами верстъ песчаныхъ степей отъ болѣе цивилизованнаго міра. Правда, что частичка этого послѣдняго волею историческихъ судебъ перенесена сюда, но пока она внесла еще очень и очень мало того, что могло бы серьезно вліять на прогрессивную сторону туземной жизни. Это понятно, впрочемъ. Перенесенные сюда элементы далеко не изъ тѣхъ, которые могли бы дѣйствовать въ данномъ направленіи прямо и активно. Вліяніе ихъ, по большей части, косвенно.

Такое активное вліяніе могутъ современемъ оказать только тѣ элементы, которые принесутъ съ собою знаніе и капиталъ, а этого можно ожидать не равнѣе того времени, когда колонія будетъ связана со своей метрополіей удовлетворительными, по жизненнымъ условіямъ вѣка, путями сообщенія.

Четвертою причиной главенства земледѣлія слѣдуетъ признать религію иля, вѣрнѣе, тѣ взгляды, которыя она устанавливаетъ на этотъ родъ труда. Въ *шаріатѣ*, напр. упоминается между прочимъ, что земледѣльцы, живущіе исключительно земледѣліемъ и лично обрабатывающіе землю, при условіи исполненія ими нравственныхъ заповѣдей (*фѣрзъ*), лежащихъ на пахарѣ, и аккуратнаго вноса установленныхъ исламомъ податей, именуются *аирѣф-уль-аирѣфъ* (благороднѣйшіе изъ благородныхъ), при чемъ въ *меджлисахъ* (сборищахъ, засѣданіяхъ) они имѣютъ право сидѣть по правую руку Султана, рядомъ съ учеными и судьями, тогда какъ всѣ вообще чины административныя и военныя помѣщаются по лѣвую руку своего повелителя.

Есть маленькая, сама по себѣ очень не мудрая, книженка, носящая названіе: „*Рисалъ—и—диқанчликъ*“ — земледѣльческая рисалъ (*рисалъ* — посланіе, трактатъ). Въ рисалѣ этой, кромѣ изложенія земледѣльческаго завѣта, тѣхъ нравственныхъ обязанностей (вродѣ правдивости, щедрости и пр.), которыя лежатъ на земледѣльцѣ, говорится еще и о томъ, что земледѣліе имѣетъ за собой божественное происхожденіе; что первый плугъ былъ сдѣланъ Ангеломъ Гавріиломъ изъ райскаго дерева *туби*; что оттуда же были выведены первые быки и былъ вырѣзанъ первый хлыстъ изъ кустарника *каурѣнъ*; говорится тамъ, что Гавріиль провелъ нѣсколько первыхъ бороздъ самъ и потомъ передалъ плугъ въ руки перваго пророка Адама; что земледѣліе — лучшее изъ занятій человѣческихъ, такъ какъ, предаваясь ему, человѣкъ легче можетъ сохранить свою нравственность; оно велико уже по одному тому, что плодами рукъ земледѣльца питаются равно и бѣдные, и богатые, и слабые и сильные, и малые и великіе.

Книжка сама по себѣ очень не мудрая, а въ концѣ даже нѣсколько подловатаго направленія, ибо составлявшіе еѣ *улемы* (книжники; богословы), не забывая и себя, стращаютъ богобоязненныхъ всякими ужасами ада, не исключая и подобія свиньи, предстоящаго на томъ свѣтѣ тѣмъ злочестивымъ, которые не захотятъ давать имъ, духовенству, *какъ-уль-у*, небольшую часть урожая; но тѣмъ не менѣе было значеніе этой рисалъ далеко не малое.

Теперь, когда житейская роль многихъ сторонъ ислама въ средѣ мѣстнаго населенія рушится на нашихъ глазахъ

настолько, что не замѣчать этого могутъ только очень близорукіе, рисалъ въ загонѣ и еѣ не всегда даже можно раздобыть, но прежде, и сравнительно еще очень недавно, за нѣсколько лѣтъ до прихода сюда русскихъ, каждый маломальски солидный земледѣлецъ, прежде чѣмъ вывести въ первый разъ весной плугъ на работу, варилъ *палау*, кормилъ имъ домочадцевъ и работниковъ, читалъ послѣднимъ, или заставлялъ кого либо читать, вслухъ рисалю, мазалъ льнянымъ масломъ рога воловъ, дабы предохранить ихъ отъ разныхъ болѣзней и тогда только приступалъ уже къ работѣ.

Какъ бы то ни было, но за земледѣліемъ до сихъ поръ еще очень прочно держится роль главенствующаго занятія осѣдлаго туземца, на столько прочно, что напр. въ сферѣ наиболѣе состоятельныхъ мѣстныхъ торговцевъ, имѣющихъ дѣла даже и съ Россіей, нѣтъ почти ни одного такого, который вполне отрѣшился бы отъ земли, при чемъ возрастаніе капитала въ большинствѣ случаевъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, на сколько расширеніе торговыхъ аферъ, на столько же и увеличеніе площади, обладаемой даннымъ лицомъ, земли.

Замѣтимъ здѣсь же, что это же самое возрастаніе капитала у громаднаго большинства крайне мало вліяетъ на улучшеніе обстановки и образа жизни. Самыя незначительныя улучшенія въ домашней, повседневной пищѣ; лишняя прислуга и нѣсколько приживающихся; нѣсколько лишней мѣдной и фарфоровой посуды, подушекъ, ковровъ и одѣялъ; лишняя шелковая рубаха и халатъ (или бешметъ) у жены; значительное расширеніе одного только гостепримства, да и то не всегда, — вотъ и все.

Есть масса купцовъ, имѣющихъ дѣсятки тысячъ наличнаго капитала и не отличающихся ни по внѣшности и костюму, ни по образу обыденной жизни, отъ самаго зауряднаго мужика.

Врядъ-ли половина лицъ, непосредственно занятыхъ земледѣліемъ, т. е. обрабатывающихъ землю своими руками, имѣетъ свои же собственные участки, такіе по крайней мѣрѣ, которые могли-бы достаточно обезпечивать своихъ хозяевъ приносимымъ ими (участками) доходомъ.

Большинство землепашцевъ обрабатываетъ чужую землю въ качествѣ частью временныхъ, однолѣтнихъ, рабочихъ (*чай-*

рикёръ или кошчй), частью-же въ качествѣ болѣе или менѣе долгосрочныхъ арендаторовъ—керандѣ.

Поденный трудъ при земледѣльческихъ работахъ эксплуатируется исключительно въ пригородныхъ мѣстностяхъ и городахъ и никогда почти въ кишлакахъ. Чайрикёръ или кошчй въ большинствѣ случаевъ предлагаетъ свой личный трудъ, имѣя отъ владѣльца земли зерно, плугъ и воловъ, или лошадей. На его обязанности лежатъ: пахать, поливка и надворъ за посѣвами, ихъ молотба и окончательная уборка, а также уходъ за рабочимъ скотомъ. Окучиваніе дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника производится обыкновенно особыми рабочими — около городовъ поденщиками, а въ кишлакахъ, по большей части, взаимной помочью (ашаръ). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ расходы несетъ или одинъ хозяинъ, или пополамъ съ чайрикёромъ.

Жнитво также не лежитъ на обязанности послѣдняго и производится всегда особо нанимаемыми жнецами (1) Трудъ ихъ оплачивается чайрикёромъ и владѣльцемъ земли изполу и всегда почти зерномъ. Уплата производится послѣ уборки, а во время жатвы жнецы всегда получаютъ пищу.

Между прочимъ замѣтимъ, что жнецы приходятъ иногда очень издалека, жнутъ у незнакомыхъ имъ людей, уходятъ, по окончаніи работы, во свояси, являются за уплатою лишь въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени, не заключивъ предварительно никакихъ письменныхъ условій, и, не смотря на все это, въ теченіи шести почти лѣтъ, проведенныхъ среди этого люда, намъ ни разу не приходилось наткнуться на какое нибудь мошенничество, или надувательство.

Во время жнитва каждый жнецъ имѣетъ право ежедневно брать въ свою пользу по одному снопу, а по окончаніи этой работы на всѣхъ не огороженныхъ поляхъ каждый, а главнымъ образомъ неимущіе могутъ собирать оставшіеся на полѣ колосья (башакъ или машакъ. Отсюда собиратели этихъ колосьевъ—башакчй или машакчй).

(1) Это по большей части бѣдные горожане, не занятые въ данный моментъ какимъ либо дѣломъ и тѣ кишлачные жители, которымъ въ текущемъ году не удалось почему либо пристроиться къ землѣ въ качествѣ чайрикеровъ.

Чайрикёръ, въ особенности если онъ семейный, живетъ у себя на дому, а въ вознагражденіе за свой трудъ получаетъ отъ пшеницы  $\frac{1}{4}$  всего урожая, за выдѣломъ  $\frac{1}{5}$  въ подать и платы жнецамъ, а отъ джугары и хлопка— $\frac{1}{5}$  урожая за тѣмъ же выдѣломъ, что и выше. Кромѣ того во время работъ чайрикёръ получаетъ отъ хозяина еще и пищу, но только для себя лично, а не для всего своего семейства. Часто эта дача пищи замѣняется одновременною выдачею нѣкотораго количества муки и зерна (рисъ или джугара).

Керандѣ, мало чѣмъ отличающійся отъ чайрикёра, живетъ по большей части на обрабатываемой имъ землѣ, или въ хозяйскомъ помѣщеніи, или въ построенномъ имъ самимъ, при чемъ нерѣдко усадебное мѣсто пріобрѣтается имъ на разныхъ условіяхъ въ собственность.

Если зерно и инвентарь онъ получаетъ отъ хозяина, то условія тѣ-же, что и для чайрикёра; въ противномъ случаѣ урожай, за слѣдуемыми выдѣлами въ подать и жнецамъ, дѣлится между керандѣ и землевладѣльцемъ поровну.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться въ томъ смыслѣ, что въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы вышеприведенныя условія нѣсколько измѣняются въ зависимости отъ доходности земли, предложенія рабочихъ рукъ и проч., почему мы привели одни лишь среднія нормы, такъ какъ вдаваться въ подробности было бы, пожалуй, и неумѣстнымъ.

Поденная плата въ настоящее время въ городахъ не превышаетъ 40 к., а въ кишлакахъ колеблется между 10 и 20 к. с.,

Въ кишлакахъ, ближайшихъ къ городамъ, большая половина населенія въ собственности имѣетъ одни только усадебные участки; въ остальныхъ затѣмъ селеніяхъ процентъ безземельныхъ (не имѣющихъ полевого надѣла) домовладѣльцевъ нѣсколько уменьшается, но тѣмъ не менѣе нѣтъ, кажется, ни одного такого кишлака, гдѣ-бы совсѣмъ не было безземельныхъ, общее число которыхъ съ теченіемъ времени несомнѣнно возрастаетъ.

Количество земли, обладаемой однимъ лицомъ, колеблется отъ  $\frac{1}{4}$  шанана (шананъ = 400 кв. саж.) до 200—250 десятинъ. Отдѣльные участки свыше 200 десятинъ составляютъ рѣдкія исключенія.

(Въ Наманганскомъ уѣздѣ есть одно туземное хозяйство въ 1000 десятинъ, но участокъ этотъ сплошь состоитъ изъ перелоговъ, т. е. такихъ земель, на орошеніе всей площади которыхъ воды не хватаетъ, а потому ежегодно воздѣлывается только часть ихъ, въ данномъ случаѣ около  $\frac{1}{3}$ ).

Изъ результатовъ организационныхъ и межевыхъ работъ, производившихся въ 1876 — 1881 годахъ, при введеніи здѣсь новой податной системы, видно, что средней душевой надѣль для наманганскаго уѣзда можетъ быть принять лишь около  $\frac{1}{3}$  дес. Такимъ образомъ соотношеніе между количествомъ удобной, культурной земли (для орошенія которой воды имѣется въ достаточномъ количествѣ) и количествомъ населенія далеко не грандіозное; можно даже сказать, что Фергана страдаетъ скорѣе малоземельемъ, чѣмъ обиліемъ почвы, вполне удобной для полеводства и лѣсоразведенія.

Цѣна на землю, находящаяся въ зависимости отъ свойства почвы, высоты надъ уровнемъ моря, а слѣдовательно и возможности, или невозможности, производить наиболѣе доходные посѣвы риса, джугары и хлопчатника, отъ большей или меньшей удаленности отъ городовъ и другихъ базарныхъ пунктовъ, отъ большей или меньшей ровности и горизонтальности поверхности почвы, что облегчаетъ способы ея орошенія, и отъ количества той воды, которая можетъ орошать данную землю,—колеблется отъ 6 до 400 р. за десятину.

Доходность земли различна, конечно, въ разныхъ пунктахъ Ферганы, а потому мы приведемъ среднія-же базарныя на нихъ цѣны, выведенныя за послѣдніе годы для наманганскаго уѣзда, который, во первыхъ, по своимъ почвеннымъ, ирригационнымъ и другимъ условіямъ, можетъ быть принять тоже за средней, а во вторыхъ, намъ лично знакомъ гораздо болѣе остальныхъ уѣздовъ области.

НАЗВАНІЕ ПОСѢВОВЪ.	Урожай съ десятины въ пудахъ.	Цѣны за пудъ.	
		Р.	К.
Пшеница . . . . .	50,5	—	55
Ячмень . . . . .	62,5	—	36

НАЗВАНІЕ ПОСѢВОВЪ.	Урожай съ десятины въ пудахъ.	Цѣна за пудъ.	
		Р.	К.
Рисъ . . . . .	105,5	—	46
Джугара . . . . .	138,5	—	33
Хлопчатникъ . . . . .	58,5	—	90
Ленъ—(зерно) . . . . .	28,5	—	65
Просо . . . . .	41	—	27
Люцерна (жнутъ 3—5 разъ) .	300	—	12

Танапъ ( $\frac{1}{3}$  дес.) сада даетъ годового дохода около 40 р.  
Танапъ — — виноградника . . . . . 20 р.

Быть можетъ, для читателя не безынтереснымъ будетъ знать приблизительный хотя бы, валовой доходъ земледѣльца. Земледѣлецъ одиночка (хозяинъ, жена и 2-3 дѣтей подростковъ, непринимающихъ еще непосредственнаго участія въ работѣ), имѣющій достаточное количество своей собственной земли и пару воловъ, успѣваетъ засѣвать около 3 дес. озимой пшеницы, около  $1\frac{1}{2}$  дес. джугары, хлопчатника, или кукурузы, что, при приведенныхъ выше нормахъ урожайности и цѣнъ, даетъ валового дохода около 192 руб. сер., а, за вычетомъ  $\frac{1}{3}$  этого дохода въ подать,—154 руб. сер. Исходя изъ того-же предположенія, для *чайрикѣра*, получающаго отъ хозяина землю, зерно и инвентарь, получимъ годового дохода около 43 руб. сер.

Вездѣ тамъ, гдѣ населеніе густо, а земли дороги, нельзя не изумляться умѣнью сарта выжать изъ земли все, что только возможно при его средствахъ и знаніяхъ. Ни одного самаго крошечнаго клочка земли не остается невоздѣланнымъ. Каждый прутикъ, каждая травка, если только еѣ нель-

вя съѣсть самому или продать, будетъ: или искормлена скоту, или сожжена подъ котломъ. Экономія изощрена на столько, что, переходя свои обычные предѣлы, прямо таки вступаетъ въ сферу такъ называемаго пѣикоснпмательства. Добро-бы еще, если бы это снимательство было принадлежностью мелкихъ, недостаточныхъ хозяйствъ; мы встрѣчаемъ его вездѣ и повсюду, не въ одномъ только сельскомъ хозяйствѣ и не у одного только бѣднаго населенія. Оно сдѣлалось отличительной чертой сарта, характеристикой общаго народнаго хозяйства, народной привычкой. Можно думать, что явленіе это есть результатъ, во первыхъ, крайняго недостатка практическихъ знаній, возможности широкой эксплуатаціи другихъ естественныхъ богатствъ страны (соль, нефть, желѣзо, мѣдь и проч.), изворотливости и знанія житейской ариметики, а во вторыхъ, тѣхъ отношеній, которыя установились у туземца къ понятію о благосостояніи. А отношенія эти довольно своеобразны.

Слово *яхшй* одинаково обозначаетъ и *хорошій*, и *богатый*, и это далеко не простая случайность. Гостепріимство, напр., одна изъ высочайшихъ добродѣтелей мусульманина, тѣмъ доступнѣе для послѣдняго, чѣмъ лучше его матеріальныя средства.

Религія совѣтуетъ туземцу зарѣзать въ одинъ изъ трехъ дней праздника *Курбанъ* (воспоминаніе жертвы Авраамовой) жертвеннаго барана или козла и накормить его мясомъ бѣдныхъ <sup>(1)</sup>.

Бѣдныхъ, положимъ, кормятъ рѣдко; обыкновенно угощаютъ своихъ знакомыхъ, но такъ или иначе, а каждый, кому религія это разрѣшаетъ, рѣжетъ на Курбанъ барана или козла, рѣжетъ всегда собственноручно, вѣруя, что этотъ

<sup>(1)</sup> «Хорошихъ и тучныхъ животныхъ мы назначили для жертвенныхъ вашихъ приношеній Богу; за нихъ вамъ будетъ добро. Произнесите имя божіе надъ ними, когда они стоятъ стреноженныя; когда они, упавши, перестанутъ дышать, тогда ѣшьте мясо ихъ и накормите имъ бѣднаго, просящаго у васъ, и ницаго, не смѣющаго просить. Мы покорили ихъ (животныхъ) вамъ, предполагая, что будете благодарны. Не мясо, не кровь ихъ восходятъ къ Богу; восходить къ Нему ваше благочестіе». Коранъ. Глава 22 ст. 37 — 38.

баранъ поможетъ впоследствии пройти черезъ *сыратъ*, мостъ тонкій, какъ волосъ и острый, какъ мечъ; грѣшники визвергнутся съ него въ адъ, а праведники съ быстротой молніи пройдутъ по нему въ райскія обители. Желая быть участниками этой благодати, жена и дѣти держатъ жертвеннаго барана за ноги, пока его рѣжутъ и потрошатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзать барана на Курбанъ могутъ тѣ только (мужчины и женщины), состояніе которыхъ, обремененное отъ долговъ, не менѣе 20 *тиллѣй* (76 руб. сер.).

Такимъ образомъ для туземца благосостояніе является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ быть *хорошимъ*, благочестивымъ, праведнымъ.

Вездѣ и всегда, впрочемъ, благосостояніе и нравственность находились въ болѣе или менѣе близкой, естественной зависимости. Вся разница заключается въ томъ только, что сартъ понимаетъ и признаетъ дѣйствительность такой зависимости, а другіе отъ пониманія этого уклоняются.

Главнѣйшими *подспорьями* туземнаго сельскаго хозяйства являются: откармливаніе убойнаго скота; тканье *матъ*, *калямй* и другихъ бумажныхъ матерій; приготовленіе войлоковъ и витъе аркановъ, а равно и тканье грубыхъ шерстяныхъ матерій; очистка хлопка отъ коробочекъ и зеренъ и пряжа витока; шелководство; извозъ; собираніе осенью и зимой, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, степныхъ сорныхъ травъ и кустарниковъ на топливо и продажа ихъ на ближайшихъ базарахъ; поденщина въ ближайшихъ городахъ и большихъ селеніяхъ; гоньба льнянаго или кунжутнаго масла; мѣстами рыболовство, вообще, впрочемъ, очень мало распространенное.

Ружейная и другая охота въ средѣ земледѣльческаго населенія совсѣмъ не распространена, ибо осѣдлое, и главнымъ образомъ земледѣльческое, населеніе относится къ охотѣ, какъ къ запятію, несомнѣнно ведущему челоуѣка по стезѣ оскуднѣнія. Какъ забава, охота знакома только въ наиболѣе зажиточныхъ классахъ туземнаго общества, преимущественно въ классѣ бывшаго служилаго ханскаго люда. (Какъ промыселъ, охота практикуется здѣсь преимущественно кочевниками).

Кстати, упомянувъ о классахъ, замѣтимъ, что, за исключеніемъ прямыхъ потомковъ ханскаго рода (въ настоящее

время не имѣющихъ уже никакого общественнаго значенія) въ средѣ осѣдлаго туземнаго населенія никакихъ ни дворянскихъ, ни другихъ привиллигированныхъ сословій нѣтъ. Есть *ходжи*, ведущіе свою родословную или отъ пророка, или отъ первыхъ четырехъ халифовъ; при ханахъ они пользовались нѣкоторыми льготами въ податномъ отношеніи, но теперь лишились и этой привиллегіи, а потому ровно ничѣмъ не отличаются отъ остальнаго населенія, развѣ тѣмъ только, что избѣгаютъ отдавать ему въ замужество своихъ дочерей. (Сами-же женятся безразлично на дочеряхъ, какъ *ходжа*, такъ и *карача*). Оттого здѣсь высота общественнаго положенія туземца опредѣляется: или тѣмъ служебнымъ постомъ, который онъ занимаетъ, или принадлежностію его къ разряду ученыхъ, или же, и главнымъ образомъ, размѣрами его состоянія.

Послѣ земледѣлія слѣдуютъ: садоводство и лѣсоразведеніе; сушеніе фруктовъ; а изъ производствъ: тканье бумажныхъ, полушелковыхъ и шелковыхъ матерій; выдѣлка кожъ; приготовленіе обуви; гончарное дѣло, кузнечное, ножевое, сѣдельное, шорное, кожевенное и красильное (нитки); приготовленіе мѣдной посуды; литье мѣстнаго чугуна, въ общемъ развитое очень слабо; выдѣлка серебряныхъ и золотыхъ украшеній; плотничество; извозъ; токарное дѣло; приготовленіе арбъ, плуговъ, вилъ и лопатъ; вывариваніе смолы — *мѣмъ* изъ нефти; обжиганіе древеснаго угля; изготовленіе камышевыхъ плетенокъ. Вотъ въ сущности почти и все. Металлы, стекло, сукна, ситцы, фарфоровая посуда, значительная часть столярныхъ инструментовъ, котлы, гвозди, иглы, наперстки, зеркала, чай, сахаръ, частью писчая бумага, все это привозится изъ Россіи.

Фабрикъ, заводовъ и всякаго вообще крупнаго индустриальнаго производства нѣтъ; всѣ существующія носятъ исключительно кустарный характеръ.

Все, что выдѣлывается здѣсь, выдѣлывается отдѣльными лицами или на дому, или же въ особыхъ лавкахъ — мастерскихъ (*дуканг*), находящихся обыкновенно при домѣ же (ткацкія; арбы; обувь; ножи; посуда) и рѣже на базарѣ (кузнецы, токари, мѣдники, серебряники).

Въ большинствѣ случаевъ отдѣльные мастера, занимающіеся однимъ и тѣмъ же производствомъ, избираютъ изъ

своей среды старшину — *аксакала*, который играетъ лишь роль маклера, отыскивающаго работу, берущаго на себя разнаго рода поручительства и пр., за что онъ получаетъ при заключеніяхъ условій и расплатахъ нѣкоторое денежное вознагражденіе, такъ наз. *шериканд*.

Кузнецъ, работающій отъ себя и не имѣющій подмастерья, добываетъ въ день чистаго дохода отъ 20 до 40 к.; красильщикъ отъ 40 до 60 к.; ткачъ бумажныхъ матерій отъ 15 до 30 к.; ткачъ шелковыхъ матерій отъ 20 до 40 к.; кожевникъ отъ 40 до 70 коп.; плотникъ и штукатуръ отъ 50 к. до 1 р.; *джуазкешъ*, гонящій масло, — отъ 15 до 30 к.

Въ большинствѣ кустовъ мастеръ-хозяинъ (*хамфа*; *устакаръ*) имѣетъ работников-подмастерій (*нимкѣрг*), нанимаемыхъ имъ на разныхъ условіяхъ: очень часто понедѣльно, отъ базара до базара, или помѣсячно. Кромѣ пищи такой *нимкѣрг* получаетъ отъ 40 к. до 1 р. 20 к. въ недѣлю. Еженедѣльный же доходъ самого хозяина-мастера для разныхъ производствъ колеблется отъ 2 до 4 р.

Торговля существуетъ одинаково, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, ввозная и вывозная.

Предметами внутренней торговли главнымъ образомъ служатъ, разумѣется, продукты тѣхъ производствъ, о которыхъ было уже упомянуто выше. Наиболѣе прибыльными считаются: торговля въ городахъ хлѣбомъ, а въ кишлакахъ — мясомъ.

На хлѣбѣ барыши получаютъ благодаря ежегоднымъ колебаніямъ цѣнъ. Въ концѣ лѣта и осенью, когда хлѣбъ новаго урожая только что обмолоченъ и охотно продается бѣднымъ населеніемъ, нуждающимся въ деньгахъ для уплаты податей и для потребностей домашняго обихода, зерно скупается торговцами и перепродается ими же въ концѣ зимы, или весною, по значительно возвысившимся уже цѣнамъ.

Не смотря на то, что религія относится къ мясничеству, также какъ къ акушерству, ремеслу цирульничьему и нѣкоторымъ другимъ занятіямъ, крайне неодобрительно, называя ихъ *макрѣхъ* (презрѣнные; неодобряемые), торговля мясомъ чрезвычайно распространена: нѣтъ ни одного почти кишлака, гдѣ не было бы мясника — *касаба* и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ *касаба* не процвѣтаетъ такъ, какъ въ захолуст-



ныхъ, исключительно земледѣльческихъ кишлакахъ, имѣющихъ большія, сравнительно, запашки.

Мясо, по большей части, съ половины мая и по ноябрь, т. е. со времени поспѣванія ячменя и по конецъ полевыхъ работъ, продается по обыкновеннымъ, мѣстнымъ базарнымъ цѣнамъ, но въ уплату за него берутся не деньги, а зерно, при чемъ послѣднее оцѣнивается мясникомъ всегда значительно ниже существующихъ базарныхъ цѣнъ и еще ниже, если покупатель беретъ мясо и сало въ кредитъ. Этого рода торговля для отдѣльнаго лица недопускаетъ особенно большихъ нормъ оборотнаго капитала, такъ какъ въ кишлакѣ мясникъ рѣдко бываетъ одинъ, но за то въ продолженіи лѣта въ подходящихъ селеніяхъ *касѣбъ* наживаетъ капиталъ на капиталъ.

(Средній оборотный капиталъ кишлачнаго мясника можно считать колеблющимся отъ 50 до 200 р. сер., причемъ капиталъ менѣе 100 р. успѣваетъ обернуться около 2 разъ).

Поѣдемте, читатель, опять въ Навай.

Жаркое послѣ—обѣда въ началѣ Августа. Мы подъѣзжаемъ къ Наваю съ западной стороны, со стороны Ахтама, по ровной, сплошь воздѣланной, *Бій-багъ-дала* (стѣнь безъ садовъ), на которой кромѣ хлѣбовъ и небольшого кишлака *Кукъ-яръ*, на самомъ берегу Падшааты; ровно ничего нѣтъ.

Въ верстѣ слѣва поднимаются предгорья; вправо желтая, зеленая и сѣрая *Бій-багъ-дала* съ маленькимъ *кукъ-яромъ*, а прямо передъ нами, сейчасъ-же за широкимъ, каменистымъ оврагомъ Падшааты, темнозеленымъ пятномъ стоитъ Навай, весь ушедшій въ густую листву урюковъ и таловъ, надъ которыми кое-гдѣ торчатъ высокіе, старыя тополя.

У самой Падшааты проѣзжаемъ мимо хирмана съ кучей провѣянной уже пшеницы. Съ боку гряда *самана* (мелкая солома), а около нея не выпряженная арба съ виноградомъ и дынями. Два человѣка на карточкахъ присѣли около зерва и вѣшаютъ его на туземныхъ деревянныхъ вѣсахъ, при чемъ вмѣсто гирь служитъ виноградъ, который здѣсь, въ Навай, продается на вѣсъ пшеницы.

Около нихъ двѣ мѣлодыхъ цыганки назойливо предлагаютъ иголки, наперстки и нитки угрюмому хозяину *хирмана*, не обращающему на нихъ ровно никакого вниманія.

Появился откуда-то *каляндѣръ*—нѣчто вродѣ нищенствующаго монаха—сказалъ обычное въ такихъ случаяхъ привѣтствіе „*хирманъ тулсунъ*“—да будетъ полонъ *хирманъ*, неистовымъ голосомъ причиталъ пожеланія хозяину всяческихъ благъ и получилъ нѣсколько пригоршней высѣвокъ.

По каменистой тропинкѣ спускаемся на Падшаату и переѣзжаемъ ее въ бродъ по дну, сплошь усѣянному крупными камнями; лошадь то и дѣло спотыкается и обрызгиваетъ впереди ѣдущаго крупными каплями холодной воды.

Поднявшись немного въ гору по крутой, малоѣзжей тропинкѣ, въѣзжаемъ въ узенькую, кривую улицу съ ея неизмѣнными здѣсь глинобитными стѣнами, съ выглядывающими изъ калитокъ ребятишками, съ арычками и навозомъ.

Цѣлая стая куръ бросилась отъ нашихъ лошадей во всѣ стороны, оставивъ маленькій токъ по серединѣ улицы, гдѣ, очевидно, кто-то молотилъ нѣсколько сноповъ пшеницы.

На право пустырь съ кучами навоза и остатками развалившихся стѣнъ. На лѣво кузница съ мѣхомъ, съ кетменями и серпами, развѣшанными по стѣнѣ и съ кузнецомъ въ кожаномъ фартукѣ, сосредоточенно отбивающимъ старый кетмень небольшимъ желѣзнымъ молотомъ.

Здоровый, рослый парень ѣдетъ на встрѣчу намъ на шустромъ, сытенькомъ 2-хъ годовомъ жеребчикѣ, навьюченномъ 4-мя большими снопами пшеницы, въ одинъ изъ которыхъ заткнутъ серпъ.

По серединѣ улицы, передъ калиткой, баба въ бѣлой матовой рубахѣ и бѣломъ же, распущенномъ по плечамъ, грубомъ кисейномъ платкѣ молотитъ палкой два снопа пшеницы. Занявшись работой, она увидѣла насъ тогда только, когда мы съ ней поровнялись; бросила палку и какъ шальная метнулась въ калитку, забывъ на улицѣ, крошечнаго, благимъ матомъ заревѣвшаго, мальчугана. А вотъ и *узѣръ*, маленькій кишлачный базарчикъ и клубъ въ тоже время.

На лѣво, подъ большими старыми талами, лавка съ навѣсикомъ и *сундой*, прилѣпившейся съ боку, у арыка. Черезъ разобранныя досчатыя двери видна внутренность лавки: къ передней, закопченной дымомъ, стѣнѣ придѣлана въ сажень длиной плаха съ торчащими изъ нея длинными, желѣзными гвоздями, на которыхъ висятъ части разобранной бараньей туши. *Касѣбъ* (мясникъ) съ жирной шельмоватой рожей, въ

засаленномъ халатѣ поджидаетъ вечернихъ покупателей и отъ нечего дѣлать убираетъ въ мѣшокъ пшеницу, ссыпанную прямо на земляной полъ въ дальнемъ, правомъ углу лавки.

На *сунѣ* расположились только-что пріѣхавшіи изъ города *сатукчій*; подъ таломъ стоитъ его сильно вспотѣвшая, узкогрудая лошаденка подъ неуклюжимъ вьючнымъ сѣдломъ; она притащила и хозяина и большой, изъ толстой бумажной матеріи, *хурджунъ* съ разнымъ мелочнымъ товаромъ.

*Сатукчій* разостлалъ затасканный коврикъ и разложилъ тѣхъ червячковъ, на коихъ должна будетъ ловиться рыба, именуемая пшеничкою.

Справа помѣстилось нѣсколько кусковъ мѣстныхъ грубыхъ бумажныхъ матерій: *матъ*, *калямъ* и *алѣка*. Слева нѣсколько аршинъ розоваго ситца съ крупными, аляповатыми разводами, а въ серединѣ тотъ нестрый хламъ, безъ котораго трудно представить себѣ какой бы то ни было, даже и не туземный, базаръ. Три крошечныхъ оловянныхъ зеркальца облокотились спинами на положенный сзади ихъ кусокъ *матъ* и внимательно осматриваютъ проходящій мимо людъ; впереди ихъ выстроились въ рядъ десять — двѣнадцать конусообразныхъ кусковъ вонючаго сартовскаго мыла, а за ними, ближе къ краю, перемѣшались: оловянная колечки, нѣсколько кусковъ халвы и сахару, *сакъчъ* (древесная смола, которую очень любятъ жевать женщины и дѣти), широкія и узкія тесьмы — *джійкъ*, иголки, очкуры, пуговики, бусы и прочая дрянь, на которую глазѣгъ цѣлая куча чумазыхъ ребятъ; не безъ трепета взираютъ они на молчаливаго *сатукчій* и шепотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія.

На другой сторонѣ улицы, противъ мясника, еще двѣ лавки съ такими же маленькими навѣсками. Одна изъ нихъ наглухо заперта; въ другой рисъ, льняное масло, мыло, на-свай и дыни, перекупленные у арбакешей, а у дверей, на старой потрепанной кошмѣ, спитъ хозяинъ лавки, — молодой, сухощавый сартъ съ жиденькой бородкой.

Пять-шесть здѣшнихъ стариковъ сидятъ подъ навѣсомъ пустой лавки противъ *сатукчій*; по временамъ то тотъ, то другой, тяжело вздыхая, отрывочно, въ полъ голоса, произносятъ: „*Алла!*“ или „*й, Каримъ!*“. Говорить имъ и не о

чемъ и охоты вѣтъ; постъ теперь, *руза*; они съ раннего утра ничего не пили и не ѣли, — какая тутъ бесѣда.

Со стороны Намангана подъѣзжаютъ двѣ арбы съ дынями; беззвучно останавливаютъ мокрыхъ, запыленныхъ лошадей осовѣвшіе отъ голода, жажды и усталости арбакѣши. „*Ас-селѣмъ алейкюмъ!*“ протяжно привѣтствуютъ они стариковъ, нѣсколько времени неизвѣстно зачѣмъ сидятъ на тяжело водящихъ боками лошадяхъ, вопросительно поглядывая то на стариковъ, еле отвѣтившихъ имъ „*алейкюмъ-ас-селѣмъ*“, то на безлюдную улицу; медленно слѣзаютъ они съ лошадей и еще медленнѣй распрягаютъ и привязываютъ ихъ подъ талами.

„*Баракъ-алла, баракъ-алла*“, привѣтствуетъ пріѣзжихъ всхрапнувшій сухонарый лавочникъ, выйдя подъ навѣсъ изъ *дукана* съ помятой со сна и постной физиономіей.

Торопливой, дробной походкой проходитъ мимо баба, закрытая по здѣшнему не *паранджй*, а наброшеннымъ на голову маленькимъ дѣтскимъ халатикомъ. Медленно, медленно прошла она мимо *сатукчій*, искоса разглядывая его товары, затѣмъ опять припустила и живо, почти бѣгомъ, скрылась за угломъ мечети.

Минуть черезъ десять изъ за того же угла показался рослый, опрятно одѣтый, сартъ лѣтъ подъ сорокъ; тяжелой, медленной походкой подошелъ онъ къ *сатукчій*, долго толковалъ съ нимъ о чемъ то въ полъ — голоса, затѣмъ размоталъ конецъ длиннаго матоваго кушака и высыпалъ изъ него нѣсколько пригоршней пшеницы. *Сатукчій*, свѣсивъ пшеницу, ссыпалъ еѣ въ мѣшокъ и подаль мужику кусокъ мыла, съ которымъ онъ также тяжело, медленно, какъ и пришелъ, скрылся за угломъ мечети.

Красивый парнишка, лѣтъ 12-ти, въ грязной матовой рубахѣ, вошелъ къ мяснику и подаль ему узелокъ пшеницы, завязанной въ старый ситцевый платокъ. Очевидно, болѣе порученной ему покупки, парнишку заинтересовалъ *сатукчій*, на походную лавочку котораго онъ смотрѣлъ все время, пока мясникъ вѣшалъ пшеницу, долго раздумывалъ, отъ какого бы именно куска отрѣзать, долго рассчитывалъ, сколько слѣдуетъ отпустить мяса, очень быстро отвѣсилъ, завернулъ въ платокъ и отдалъ мальчишкѣ.

Больше и больше проходит по улицѣ народа, возвращающагося съ поля пѣшкомъ и верхомъ: кто съ серпомъ, кто съ кетнемъ, кто съ пучками *бишда*. Одни проходятъ мимо; другіе заглядываютъ къ мяснику; третьи останавливаются поболтать со стариками.

Одинъ за другимъ начинаютъ являться съ пшеницей покупатели и къ мяснику, и къ арбакешамъ, привезшимъ дыни, и къ сухопарому лавочнику.

Около стариковъ и арбъ съ дынями мало по малу образовалась цѣлая компанія, шумно толкующая въ ожиданіи скорого ужина о разныхъ нанайскихъ и намаганскихъ разностяхъ. Одинъ изъ стариковъ, по моложе другихъ, но уже съ бѣлой длинной бородой, медленно поднялся съ мѣста, поправилъ на головѣ чалму, взялъ стоявшую у стѣны длинную палку изъ колѣчатой *асъ-мусъ* и степенно направился къ сосѣдней мечети. За нимъ поднялось еще человѣкъ пять—шесть, кто постарше, а черезъ три—четыре минуты въ вечернемъ воздухѣ звонко раздались протяжно выкрикыемые слова *азана*: „*Аллахъ акбаръ, аллахъ акбаръ*“....!

Стадо пришло. Мимо лавокъ и арбъ съ дынями густой толпой потянулись всевозможныхъ мастей, худыя по большей части, коровы, телята и козы.

Зарѣзанный сегодня мясникомъ баранъ разошелся почти весь; половина дынь разобрана, а другую завтра повезутъ по хирманамъ.

*Гузаръ* по немногу пустѣетъ. Всѣ расходятся по домамъ; скоро уже и слѣдующій *намазъ ахшамъ*, послѣ котораго проговѣрныя могутъ наполнять свои отощавшіе желудки.

Завтра опять привезутъ и дынь, и винограду; опять *сатукій* разложитъ свой хламъ; мясникъ зарѣжетъ барана, а разные пояса, платочки, *хурджумы* и торбочки потащутъ на *гузаръ* пшеницу. Такъ завтра, послѣ завтра и далѣе, до тѣхъ поръ, пока будутъ возить разныя соблазнительныя вещи и пока мясникъ будетъ рѣзать скотину; а будетъ онъ еѣ рѣзать до поздней осени, до тѣхъ поръ, пока благомысленныя главы семей не положатъ чадамъ своимъ строжайшаго запрещенія на тайное и явное тасканіе хлѣба *мутагъмамъ* (міроѣдамъ) и пока голь не перетаскаетъ имъ бѣднейшей части собранной ею пшеницы, льна и иныхъ благодатей, послѣ чего для голи этой начнется продолжительный сезонъ зимнихъ и весеннихъ голодовокъ.

Такимъ манеромъ между мужичьихъ рукъ неизменно проскакиваетъ не малая доля хлѣба, благодаря тому, что есть желаніе поѣсть сытно, по человѣчески хоть нѣсколько дней въ году; есть услужливые люди, которые привезутъ всякую всячину какъ разъ въ то время, когда въ мужичьихъ рукахъ заводятся деньги въ видѣ новаго хлѣба и, что самое главное, есть у этого мужика привычка слишкомъ мало думать о будущемъ, о голодовкахъ, къ периодичности которыхъ онъ привыкъ также, какъ привыкъ къ мысли о томъ, что лѣтомъ тепло, а зимой будетъ холодно; можетъ быть и очень даже холодно, но, если суждено прожить, проживу, и какъ ни какъ, а ни съ холоду, ни съ голоду не подохну.

Великое множество народа занимается мелкимъ торгашествомъ и барышничествомъ. Торгуютъ и барышничаютъ всѣмъ. Перепродаютъ лошадей и другой скоть, небольшія количества зерна, бумажныхъ матерій, цѣны на которыя понижаются и повышаются по нѣскольку разъ въ годъ и пр.; берутъ у оптовыхъ торговцевъ ситець, кумачъ и др. матеріи и развозятъ ихъ по базарамъ; снуютъ изъ кишлака въ кишлакъ, съ базара на базаръ, клянутся, божатся, надуваютъ, обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ и въ концѣ концовъ нерѣдко добываютъ чистаго барыша не болѣе 10—20 к. въ дець.

Контингентъ этого мелкаго торгашества рекрутируется по преимуществу или безземельными горожанами, или же кишлачниками, отбившимися почему либо отъ земли.

Наибольшіе обороты по внутренней торговлѣ, доходящіе для отдѣльныхъ лицъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, относятся къ хлѣбнымъ операціямъ и внутренней же перепродажѣ барановъ.

Изъ продуктовъ, получаемыхъ отъ зарѣзаннаго животнаго, туземецъ отдаетъ главное предпочтеніе салу, а не мясу. Для него сало—одинъ изъ основныхъ элементовъ всякой вообще хорошей пици, какъ напр. *палау*, а мясо служитъ скорѣе украшеніемъ кушанья, чѣмъ элементомъ питанія. Въ домашнемъ быту средняго и бѣднаго классовъ мясныхъ блюдъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. такихъ, главнымъ основаніемъ которыхъ было бы мясо, мы почти не встрѣчаемъ.

Въ народной кухнѣ есть правда нѣсколько блюдъ вродѣ *каурмы* (мелко изрѣзанная баранина, изжаренная въ котлѣ

на салѣ), но такія блюда приготовляются преимущественно для гостей и никогда почти для своего, домашняго стола.

Вслѣдствіе такихъ отношеній къ мясу, требованія туземца отъ убойнаго скота выражаются главнымъ образомъ въ желаніи получить отъ него возможно большее количество сала, а такимъ требованіямъ лучше другихъ животныхъ удовлетворяетъ здѣшній курдючный баранъ; хорошо откормленный, онъ даетъ сала по вѣсу столько же, сколько и мяса, а при особенно хорошихъ условіяхъ даже и больше.

Такимъ образомъ потребность въ убойныхъ баранахъ большая, а удовлетворить еѣ своими средствами, по разнымъ причинамъ, Фергана не можетъ; это-то и послужило началомъ развитія весьма широкой торговли съ кочевымъ населеніемъ Ауліэ-ата, Токмака, Вѣрнаго и даже съ западно-сибирскими киргизами.

Главнѣйшіе скотопроговные пути пролегаютъ по горамъ намаганскаго уѣзда и здѣсь ежегодно проходятъ не менѣе 50,000 головъ.

Торговля эта, установившаяся, повидимому, очень давно, приняла, и до сихъ поръ носитъ, почти исключительно мѣн-вой характеръ. Изъ Ферганы въ обмѣнъ барановъ вывозятся главнымъ образомъ мѣстные бумажныя и полунешковья матеріи; частью сушеные фрукты, обувь мѣстнаго приготовленія, ватныя одѣяла и ножи. Не болѣе трети или четверти пригоняемыхъ въ Фергану барановъ покупается въ Семирѣчьѣ или Западной Сибири на деньги. При благопріятности всѣхъ условій операція эта въ рукахъ туземнаго торговца даетъ никакъ не менѣе 50% ежегоднаго барыша, а число барановъ, пригоняемыхъ однимъ лицомъ колеблется отъ 50 до 4000 головъ.

Предметами общей вывозной торговли служатъ: бумажныя и полунешковья матеріи въ Семирѣчьѣ и Западную Сибирь; шелкъ и хлопокъ въ Россію; сушеные фрукты въ Семирѣчьѣ, Сибирь и частью Оренбургъ; строевой лѣсъ (тополь) въ Перовскъ и Казалѣ; въ незначительномъ количествѣ мѣха въ Россію.

По внутренней торговлѣ значительная часть сдѣлокъ ведется въ кредитъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ не пишется ни росписокъ, ни другихъ какихъ либо документовъ;

сдѣлка совершается на словахъ, но всегда при свидѣтелях<sup>(1)</sup>. Такое предпочтеніе свидѣтелямъ передъ документомъ является результатомъ того, что по мусульманскому законодательству документъ, скрѣпляющійся не подписью дателя, а печатью *казы*, признается дѣйствительнымъ тогда только, когда подлинность и дѣйствительность его или признается самимъ отвѣтчикомъ, или же удостоверяется двумя свидѣтелями мусульманами.

Мѣстомъ купли и продажи (по внутренней же торговлѣ) для большинства продуктовъ служатъ преимущественно базары, отдѣльныя лавки и каравансарай.

На дому какъ продажа, такъ равно и всѣ вообще торговыя сдѣлки совершаются очень рѣдко, такъ такъ религія, во первыхъ, требуетъ, чтобы продаваемый товаръ во время совершенія сдѣлки былъ на лицо: во вторыхъ, совѣтуетъ избѣгать такихъ условій или обстоятельствъ продажи, при которыхъ одинъ изъ торгующихся можетъ находиться въ невѣденіи о существующихъ на базарѣ цѣнахъ и, въ третьихъ, рекомендуетъ приглашать двухъ свидѣтелей, которыхъ на дому не всегда можно найти.

По тѣмъ же причинамъ временемъ продажи религія назначаетъ день, отъ утренней зари до заката, послѣ котораго большинство базарныхъ лавокъ дѣйствительно и закрывается.

Въ общемъ отношенія къ торговлѣ ислама, являющаго собою настолько же религію, насколько и юридическій, государственный кодексъ, очень строги.

Продаваться можетъ только частная собственность и при томъ такая, которая можетъ быть осмотрѣна, измѣрена или пересчитана, можетъ принести покупателю какія либо выгоды и можетъ быть передана изъ рукъ въ руки. Оттого недозволяется напр. продавать предмета, не находящагося на лицо; не дозволяется продавать что либо оптомъ безъ измѣренія; нельзя продавать хлѣба на корню и пр. При продажѣ участка земли, дома, сада и др. недвижимой собственности

(1) «Если будутъ между вами какія либо на лицо торговые обороты (или сдѣлки), то на васъ не будетъ вины, если вы не будете давать росписокъ въ нихъ. Поставьте свидѣтелей, когда дадите условія между собою»..... Коранъ Глава. 2. Ст. 282.

первенство въ правѣ на приобрѣтеніе продающагося принадлежитъ сосѣдямъ, называемымъ въ данномъ случаѣ *шанѣ* или *шафѣ*; только послѣ отказа ихъ приобрѣсти продающагося за объявленную цѣну право купли переходитъ уже и къ постороннимъ лицамъ. Продающій самъ долженъ указывать на недостатки своего товара и стараться избѣгать запрашиванія высокихъ цѣнъ.

По заключеніи условій свидѣтели должны обратиться къ продающему съ вопросомъ „продали ли вы?“ и къ покупающему „купили ли вы?“ Утвердительный отвѣтъ съ обѣихъ сторонъ, выраженный непременно въ прошедшемъ времени, дѣлаетъ куплю и продажу совершившимися.

Однакоже большинство этихъ, также какъ и многихъ другихъ, постановленій ислама соблюдается, особенно въ настоящее время, очень рѣдко, больше по наружности и тогда только, когда это почему либо выгодно для одной изъ сторонъ.

Прежде, во времена хановъ, соблюдение подобнаго рода положеній религіи было, правда, строже, но соблюдение это держалось только палкою.

Палка эта была двухъ родовъ: вещественная и нравственная. Въ лицѣ первой являлся *Казѣ-райса*, въ лицѣ второй—общественное мнѣніе, надъ которымъ чѣмъ то вродѣ Дамоклова меча висѣлъ тотъ же *райса*, а надъ нимъ самимъ сонмъ княжниковъ и фарисеевъ, о которыхъ вкратцѣ упомянемъ ниже.

На обязанности *райса* (должность эта упразднилась съ занятіемъ ханства Русскими) лежало главнымъ образомъ наблюденіе за правильностью вѣсовъ и др. мѣръ, за соблюденіемъ жителями даннаго города постовъ, ежедневныхъ моленій—*намазъ* (ихъ 5) и правилъ мусульманской нравственности, а также и палочная расправа на мѣстѣ преступленія надъ провинившимися.

Вотъ тотъ краеугольный камень, на которомъ въ теченіи вѣковъ держалось зданіе наружной нравственности и чистоты нравовъ и наружнаго же уваженія къ основамъ религіи.

Стоило только выдернуть этотъ камень, упразднить *райса*, и часть зданія сама собой стала рушиться. На базарахъ въ очію стали обмѣривать и обмѣшивать; куски матеріи

стали дѣлаться все короче и короче, а пьянство, проституція и индеферентныя отношенія къ обрядамъ религіи все шире и шире.

Выше мы упомянули уже о томъ что при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ религія совѣтуетъ торгующимся приглашать не менѣе двухъ свидѣтелей. Совѣтъ этотъ и по сіе время исполняется туземцами самымъ тщательнымъ образомъ. Не говоря уже о продажѣ гурта барановъ, большой партіи матеріи, участка земли, дома и пр. два—три, а иногда и четыре свидѣтеля нерѣдко присутствуютъ при продажѣ лошади, коровы, теленка, барана или козы, играя въ тоже время и роль маклеровъ, устанавливающихъ цѣну и приводящихъ торгующихся къ соглашенію, за что они, маклера (*далая*), получаютъ *шериканѣ*, размѣры которой отъ одной *чекѣ* доходятъ до нѣсколькихъ рублей или даже десятковъ рублей.

Привычка къ присутствію свидѣтелей—маклеровъ сдѣлалась настолько велика, что нерѣдко продажа не можетъ состояться только за ихъ отсутствіемъ, благодаря которому обѣ стороны никакъ не могутъ сговориться.

На любомъ, въ особенности же конномъ или бараньемъ, базарѣ вы всегда встрѣтите нѣсколькихъ сартовъ подозрительнаго вида, съ хищнымъ и въ тоже время несомнѣнно голоднымъ выраженіемъ лица. Снуя въ толпѣ, они высматриваютъ, не затѣвается ли гдѣ нибудь торгъ, вырастаютъ какъ изъ земли, не вмѣшиваются, а буквально врываются между торгующимися, уговариваютъ ихъ придти къ соглашенію, которое для нихъ маклеровъ, во всякомъ случаѣ не только выгодно но и необходимо, дабы имѣть возможность получить *шериканѣ*, подчасъ даже и выругаютъ, если торгъ слишкомъ затягивается, соединяютъ руки торгующихся водно, произносятъ традиціонные вопросы: „продали ли?“ и „купили ли?“, съ нѣсколько надменнымъ видомъ получаютъ три—четыре *чекѣ* гонорара и затѣмъ переходятъ далѣе, къ другому телѣнку или къ другой кобылѣ.

Есть артисты, для которыхъ *далаячиликъ* (занятіе подобнаго свидѣтеля—маклера) сдѣлался почти профессіей, по меньшей мѣрѣ однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ существованія. Иногда и жалъ, и смѣшно смотрѣть на сарта, который отсчитываетъ *чекѣ*, часто не зная хорошенько кому и за что собственно онъ платитъ, но въ тоже время вельзя

отрицать и того, что въ виду приведенныхъ выше мусульманскихъ законоположеній и народныхъ привычекъ туземца, сложившихся подъ влияніемъ ислама, за *даллемъ* есть кое что реальное, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ нужды онъ не имѣетъ права отказываться отъ безвозмезднаго отправления своихъ обязанностей, какъ свидѣтеля (1).

Розничная продажа мяса, хлѣба, овощей, обуви, матерій и пр. цѣны на которыя болѣе или менѣе общеизвѣстны, производятся всегда безъ посредниковъ, ибо иначе это было бы уже черезъ чуръ отяготительно.

Туземныхъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій не существуетъ. Всѣ операціи этого рода находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, по большей части ростовщиковъ сартовъ же и индусовъ. Послѣдніе въ числѣ 5—10, а иногда и болѣе, человекъ имѣются въ каждомъ изъ мѣстныхъ городовъ и промышленяютъ здѣсь исключительно ростовщичествомъ.

Коранъ относится къ этой профессіи крайне неодобрительно, но жизнь беретъ свое и лихва—*сидъ* взимается ростовщиками въ громадныхъ процентахъ (2).

Ростовщическія операціи ведутся преимущественно на деньги и на зерновой хлѣбъ; очень не рѣдко, особенно въ городахъ, подъ залогъ вещей. Индусы оперируютъ исключительно на деньги, при чемъ на каждыя 16 *тенегъ* = 3 р. 20 к. въ теченіи 20 недѣль берутъ 4 *тенгъ* = 80 к. процентовъ. Уплата производится еженедѣльно въ размѣрѣ одной *тенгъ* = 20 к.; такимъ образомъ въ теченіи 20 недѣль выплачиваются и капиталъ и проценты.

Сарты при мелкихъ займахъ съ каждой *миллѣй* = 3 р. 80 к., въ мѣсяцъ берутъ по  $\frac{1}{2}$  *тенгъ* = 10 к. При крупныхъ займахъ на годъ, вмѣсто взятыхъ четырехъ *миллѣй*

(1) «Свидѣтели не отказывались бы, когда призываемы будутъ». Коранъ. Глава 2. Ст. 282.

(2) «Тѣ, которые жады къ лихвѣ, воскреснутъ такими, какими, воскреснутъ тѣ, которыхъ обезумилъ сатана своимъ прикосновеніемъ..... Богъ позволилъ прибыль въ торговлѣ, а лихву запретилъ..... бойтесь Бога и оставьте то, что достается вамъ лихвой..... Если онъ человекъ отягощенный бѣдностью, то ждате, когда его состояніе улучшится; но обращеніе вами долга въ милость будетъ лучше для васъ.....» Коранъ. Глава 2. Ст. 276—281.

возвращается пять или вмѣсто взятыхъ пяти возвращается шесть.

Безпроцентные займы между знакомыми и родственниками бывають, конечно, но сравнительно очень рѣдко.

Замѣчательно, что прежде, это помнятъ люди которымъ теперь 40—50 лѣтъ, при заключеніи большей части долговыхъ обязательствъ росписка довалась не должникомъ заимодавцу, а, наоборотъ, заимодавцемъ должнику.

Въ подобнаго рода роспискѣ писалось: такой то долженъ мнѣ, такому то, столько то; процентъ и срокъ уплаты такіе то.

Сама росписка до уплаты долга находилась въ рукахъ должника какъ обезпеченіе въ томъ, что съ него не будетъ взыскано больше того, что онъ долженъ въ дѣйствительности.

## РЕЛИГІЯ И ДУХОВЕНСТВО.

Какъ осѣдлое, такъ равно и кочевое населеніе Ферганы исповѣдуетъ мусульманскую религію, суннитскаго толка, секты *Ханафій* или *Азамі*.

Въ основаніи мусульманской религіи, какъ извѣстно, конечно, читателю, лежитъ Коранъ, заключающій въ себѣ 114 главъ разной величины, изъ коихъ каждая состоитъ изъ большаго или меньшаго числа стиховъ.

Такъ какъ Коранъ писался Магометомъ въ разное время и несомнѣнно подъ различными впечатленіями, то не только между отдѣльными главами, но даже и между стихами одной и той же главы очень часто нѣтъ никакой логической связи; вмѣстѣ съ тѣмъ названія отдѣльныхъ главъ, по большей части очень странныя, никогда почти не соотвѣтствуютъ содержанію послѣднихъ.

Кромѣ того, нѣкоторыя изъ послѣдующихъ стиховъ являются противорѣчіемъ соотвѣтствующимъ имъ предыдущимъ, что заставило пророка сдѣлать оговорку: „Когда Мы отмѣняемъ какое либо знаменіе или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другое, лучшее того или равное ему.“ (Коранъ. Глава 1. Ст. 100).

Чрезвычайная сжатость изложения Корана послужила причиной того, что применение его къ жизни вызвало необходимость разъяснения массы затрогиваемых имъ вопросовъ.

Разъясненія эти, дѣлавшіяся разными представителями мусульманской науки, начиная съ первыхъ Халифовъ, большей части записывались и впоследствии были сведены въ книги, посвяція въ настоящее время общее наименование *шаріата*, что въ переводѣ съ арабскаго языка означаетъ— *прямой путь*.

Провозглашенные Кораномъ главнѣйшіе, основные догматы религіи суть:

- 1) Единобожіе, отрицаніе идолопоклонства и Троицы.  
„— не допускайте какихъ либо божествъ равныхъ Богу. . . .“ . Глава 2. ст. 20.  
„Богъ вашъ — Богъ единый: нѣтъ другого Бога, кромѣ Его, милостиваго, милосердаго“. Гл. 2. ст. 158.  
„Читающіе Писаніе! не допускайте излишества въ вашу вѣру; . . . . Мессія Иисусъ, сынъ Маріи, есть только посланникъ Бога, есть Слово Его, низведенное Имъ въ Марію, есть Духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланниковъ Его, и не говорите: троица. — не можетъ быть, чтобы у Него были дѣти. . . .“ . Глава 4. ст. 169.  
„Не можетъ статься, чтобы Мессія считалъ для себя униженнымъ быть рабомъ Ему, какъ и приближенные къ Нему ангелы“. Гл. 4. ст. 170.
- 2) Магометъ послѣдній и высшій пророкъ. (Печать пророковъ).  
„Магометъ не есть отецъ кому либо изъ васъ; онъ только посланникъ Бога и печать пророковъ“. Глава 33. ст. 40.  
„Прежде тебя (Магомета) ни одному человѣку мы не давали вѣчной жизни; потому, если ты умрешь, то ужели имъ быть безсмертными?“. Глава 21. ст. 36.  
„Я (Магометъ) такой же человѣкъ, какъ и вы: мнѣ открыто, что Богъ вашъ единый Богъ“. Глава 18. ст. 110.

- 3) Признаніе Корана послѣднимъ и совершеннѣйшимъ откровеніемъ Божиимъ, причемъ не отвергаются какъ книги Вѣтхаго Завета, такъ равно и Евангеліе.

„Это писаніе, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, руководство благочестивымъ“. Глава 2. ст. 1.

„Скажи: его (Коранъ) свыше ниспослалъ Тотъ, Кто знаетъ тайны на небесахъ и на землѣ“. Глава 25. ст. 7.

„Мы уже дали Моисею Писаніе; вслѣдъ за нимъ Мы велѣли идти другимъ посланникамъ; потомъ Иисусу, сыну Маріи, Мы дали ясныя указанія. . . .“ . Глава 2. ст. 81.

„По ихъ стопамъ слѣдовать велѣли Мы Иисусу, сыну Маріи, подтвердившему то, что предъ нимъ было въ Законѣ и Мы дали ему Евангеліе; въ немъ правда и свѣтъ. . . .“ . Глава 5. ст. 50.

„. . . . дали ему (Иисусу) Евангеліе; въ сердца послѣдователей его Мы вложили добродушіе и состраданіе. . . .“ . Глава 57. ст. 27.

- 4) Богъ управляетъ міромъ и судьбою человѣка.

„Слава Богу, Господу міровъ. . . .“ . Глава 1. ст. 1.

„Никакое бѣдствіе не совершается ни на землѣ, ни въ васъ, если оно не было *предопредѣлено* въ книгахъ прежде того, какъ Мы творимъ его. . . .“ . Глава 57. ст. 22.

„Онъ Тотъ, Кто сотворилъ васъ изъ глины и опредѣлилъ для каждаго *срокъ жизни*“. Глава 6. ст. 2.

- 5) Существованіе Ангеловъ и діавола.
- 6) Воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судъ.

„Прозвучитъ труба и все, что на небесахъ и на землѣ, изомретъ, какъ умираетъ пораженный молніей, кромѣ тѣхъ, которыхъ оставить живыми захочетъ Богъ; потомъ прозвучитъ ояа въ другой разъ, и вотъ они возстанутъ, озираясь кругомъ себя. 69. Земля озарится свѣтомъ Господа твоего, положена будетъ книга, приведутся пророки и мученики и разсудятся они праведно, . . . .“ . Глава 39.

- 7) Невѣрные, не признавшіе ислама; не могутъ рассчитывать на спасеніе.



„Невѣрныхъ, толпами, погонять къ геенѣ, и когда они подойдутъ къ ней, отверзнутся врата ея“. Глава (39) Толпы. ст. 71.

8) Рай и адъ.

„Вѣрующуихъ и добродѣтельныхъ обрадуй благой вѣстью, что для нихъ будутъ сады, по которымъ текутъ рѣки. . . .“. Глава 2. ст. 23.

„Вотъ очеркъ рая, который обѣщанъ благочестивымъ. Въ немъ рѣки изъ воды, не имѣющей смрада; рѣки изъ молока, котораго вкусъ не измѣняется; рѣки изъ вина, пріятнаго для пьющихъ; 17. рѣки изъ меда очищеннаго. Тамъ для нихъ плоды всякаго рода и отъ Господа ихъ прощенье грѣховъ. Есть ли что подобное этому у тѣхъ, которые будутъ въ огнѣ, которыхъ будутъ пить кипящею водой, терзающей ихъ внутренности“. Глава 47.

„—приближенные къ Богу. 12. Они будутъ въ садахъ сладости. . . . . 15. на украшенныхъ дорогими камнями сѣдалищахъ; . . . . . 17. вѣчно юные отроки будутъ носить вокругъ ихъ кубки, кружки, чаши съ напиткомъ, отъ котораго они не одурѣютъ, не опьянѣютъ; 20. съ плодами. . . . . 21. съ мясами птицъ, какихъ пожелаютъ. 22. Чернозѣвичныя, велеокія, подобныя хранимымъ жемчужинамъ, 23. будутъ имъ воздаяніемъ за то, что они прежде дѣлали. . . . . 27. Они будутъ среди лотосовъ, не имѣющихъ шиповъ, 28. среди банановъ, на которыхъ висятъ ряды плодовъ; 29. въ тѣни, широко разстилающейся, . . . . . 34. А онѣ. . . созданы Нами особымъ созданіемъ: 35. Мы имъ положили быть дѣвами, 36. мужьямъ милыми, по возрасту равными“. Глава 56.

„Они (грѣшники) будутъ среди знойнаго самума и кипящей воды, 42. въ тѣни чернаго дыма“. Гл. 56.

„Жилищемъ ихъ (грѣшниковъ) будетъ геена. Какъ мучительно это ложе!“ Глава 3. ст. 196.

Кромѣ догматовъ религіи Коранъ вмѣщаетъ въ себѣ правила нравственности и религіозныхъ обрядовъ (моленія, омовенія и пр.), перечисленіе разнаго рода обязанностей, лежащихъ на мусульманѣ, а также и главнѣйшія, основныя государственныя законоположенія.

Оттого исламъ настолько же религія, насколько и юридической кодексъ; а въ книгахъ шаріата находятся указанія того, какъ долженъ поступать мусульманинъ въ различнѣйшихъ случаяхъ своей и общественной, и даже частной жизни.

Уклоненіе отъ этихъ указаній шаріата есть *кюфръ*—невѣріе, нечестіе, за которое въ будущей жизни предстоитъ, какъ мы видѣли выше, геена. Вотъ причины, почему жизнь мусульманина во всѣхъ ея даже самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ регулируется многотомнымъ зданіемъ шаріата,

Приведемъ примѣръ. Каждый мало мальски солидный туземецъ не только избѣгаетъ быстрыхъ и угловатыхъ движеній, пляски, пѣнія, свистанія и другихъ осуждаемыхъ религіей дѣйствій, но даже и особенно громкаго разговора. Это сдѣлалось чертою хорошаго тона, вошло въ привычку всѣхъ благовоспитанныхъ людей, а въ основаніи такой привычки легли слова Корана: „—походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ, потому что самый непріятный изъ голосовъ, есть голосъ ослонъ“. (Коранъ. Глава 31. ст. 18).

Спать туземецъ—мусульманинъ ложится лицомъ къ сторонѣ священной мечети (*Кааба*), ибо въ Коранѣ сказано: „Гдѣ бы вы ни были, обращайтесь лица ваши къ ней. . . .“. Глава 2. ст. 145.

Понятно, что въ совершенно такой же зависимости отъ шаріата находятся между прочимъ жизнь и права женщины; а такъ какъ въ основаніи религіи лежитъ Коранъ, то мы находимъ нелишнимъ привести здѣсь большую часть тѣхъ стиховъ, сущность которыхъ касается такъ или иначе женщины (1).

## Глава (2) Корова.

Ст. 183. Во время ночи поста разрѣшается вамъ совокупленіе съ женами вашими: онѣ одежда вамъ, а вы одежда имъ. . . . . Отъ зари же и до ночи исполняйте постъ; не сообщайтесь съ ними, предаваясь благочестивымъ думамъ въ мечетяхъ.

(1) Привода въ разныхъ мѣстахъ нашего труда стихи Корана, мы пользуемся русскимъ переводомъ Г. Саблукова. Изд. 1877 г.



- Ст. 220. Не женитесь на многобожницахъ, доколѣ не увѣ-  
руютъ онѣ. Вѣрующая невольница лучше многобож-  
ницы, хотя бы эта и правилась вамъ. Не выходите  
въ замужество за многобожниковъ, доколѣ не увѣ-  
руютъ они: вѣрующій рабъ лучше многобожника,  
хотя бы этотъ и правился вамъ.
- Ст. 222. Спрашиваютъ тебя о срочномъ кровотеченіи женъ.  
Скажи: это у нихъ время недуга; а потому удаляйтесь  
отъ женъ во время кровотеченія, и не сближайтесь  
съ ними, покуда онѣ не будутъ чисты. И когда онѣ  
очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ  
Богъ.
- Ст. 223. Жены ваши нива для васъ: ходите на ниву вашу,  
когда ни захотите, но предварительно дѣлайте что либо  
и въ пользу душъ вашихъ (омовеніе).
- Ст. 226. Тѣмъ, которые поклянутся не имѣть болѣе супру-  
жескихъ сообщеній со своими женами, выждать че-  
тыре мѣсяца. И въ это время, если они обратятся  
къ нимъ: то Богъ прощающій милосердъ.
- Ст. 227. Но если они неизмѣнно рѣшились развестись съ  
ними, то Богъ слышашій, знающій.
- Ст. 228. Тѣ, съ которыми сдѣланъ разводъ, переждутъ съ  
собою три срочныхъ кровотеченія; имъ не позволяется  
скрывать то, что создалъ Богъ во чревахъ ихъ, если  
онѣ вѣрують въ Бога и въ послѣдній день. Мужья  
ихъ въ этомъ случаѣ окажутъ болѣе справедливости,  
возвративши ихъ къ себѣ, если хотять сдѣлать доб-  
рое; а онѣ, подобно тѣмъ, отъ кого онѣ зависять,  
окажутъ справедливость, соглашаясь на благопри-  
стойное. Мужчины выше ихъ степеню своего до-  
стоинства. Богъ силенъ, мудръ.
- Ст. 229. Разводъ—двойкій: или удержать жену при себѣ съ  
благопристойностью; или отпустить еѣ отъ себя съ  
облагодѣяніемъ. Вамъ не дозволяется брать чего  
либо изъ того, что отдали вы имъ, развѣ только вы  
оба опасаетесь, что не исполните уставовъ Божіихъ.  
Если вы опасаетесь, что оба не исполните уставовъ  
Божіихъ, то на васъ не будетъ грѣха, если она за  
себя дастъ ему выкупъ. Таковы уставы Божіи, и не  
нарушайте ихъ; тѣ, которые нарушаютъ уставы Бо-  
жіи,—тѣ злочестивы.

- Ст. 230. Если онъ разведется съ нею, то она послѣ того  
уже не позволена ему (не можетъ опять вступить съ  
нимъ въ бракъ) дотолѣ, покуда она не выходила за  
другаго какого либо мужа; и когда этотъ другой раз-  
ведется съ нею, тогда обоимъ имъ не грѣхъ возвра-  
титься другъ къ другу, если они надѣются исполнить  
уставы Божіи.
- Ст. 231. Когда вы разведетесь съ женами и когда онѣ до-  
стигнуть до опредѣленнаго для нихъ срока: тогда  
или удерживайте ихъ благопристойнымъ образомъ,  
или отпускайте ихъ благопристойнымъ образомъ. Не  
удерживайте ихъ противъ ихъ воли, поступаая съ ни-  
ми несправедливо.....
- Ст. 232. Когда вы разведетесь съ женами и когда онѣ до-  
стигнуть до опредѣленнаго для нихъ срока: тогда не  
препятствуйте имъ вступать въ бракъ со своими (но-  
выми) мужьями, послѣ того, какъ они соглашаются  
между собою благопристойнымъ образомъ.
- Ст. 233. Родительницы грудью кормятъ дѣтей своихъ полные  
два года, если кто захочетъ, чтобы кормленіе грудью  
было законченное; а на родителѣ ихъ обязанность  
кормить ихъ, одѣвать ихъ благопристойнымъ обра-  
зомъ. Каждый обязывается только тому, что удобо-  
исполнимо для него: ни родительница да не подверг-  
нется огорченіямъ изъ-за дитяти своего, ни родитель  
изъ за-своего дитяти. Подобная этой обязанность и  
на наслѣдникѣ. Если оба они съ общаго согласія и  
совѣта захотять отнять отъ кормленія грудью матери,  
на нихъ не будетъ грѣха. И если захотите поручить  
ваше дитя кормилицѣ, то не будетъ на васъ грѣха,  
какъ скоро вы будете вѣрно платить то, что хотѣли  
доставить ей.
- Ст. 234. Кто изъ васъ умретъ и оставить супругъ: онѣ пе-  
реждутъ для себя четыре мѣсяца и десять дней.  
Когда достигнуть указаннаго для нихъ срока, тогда  
не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что поступать онѣ  
съ собою добровольно: Богъ вѣдаетъ ваши поступки.
- Ст. 235. Не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что вы пред-  
ложите сватовство за этихъ (разведенныхъ) женщинъ,  
или скроете это въ душахъ вашихъ: Богъ знаетъ,

что вы помните о нихъ; но не входите въ бесѣды съ ними тайно, развѣ только тогда, когда будете говорить съ ними добрымъ разговоромъ.

Ст. 236. Не рѣшайтесь на брачный союзъ, покуда не настанетъ предписанный для него срокъ.....

Ст. 237. Не будетъ на васъ грѣха, если разведетесь съ тѣми женами, къ которымъ вы не прикасались, или которымъ вы не давали определенной для приданого доли. Снабжайте ихъ,—зажиточный по своему достатку, бѣдный по своему достатку—снабжая въ благоприличной мѣрѣ, какъ подобаетъ людямъ благотворительнымъ.

Ст. 238. И если вы разводитесь съ ними прежде, нежели прикасались къ нимъ, и уже тогда какъ надѣлили ихъ определенной для приданого долей: то имъ половина того, что вы дали въ приданое имъ, развѣ только они (мужья) не уступятъ, или не уступитъ тотъ, въ рукѣ котораго брачный договоръ. А если вы уступите, это будетъ ближе къ благочестію. Не забывайте добрыхъ отношеній между собою.

Ст. 241. Тѣ изъ васъ, которые умираютъ и оставляютъ послѣ себя супругъ, должны завѣщать для своихъ супругъ надѣль, нужный въ одинъ годъ, безъ выхода изъ дома. А если онѣ выдутъ, то на васъ нѣтъ вины въ томъ, что сдѣлаютъ онѣ сами отъ себя, добровольно.

Ст. 282. Вѣрующіе! Когда вы другъ у друга дѣлаете долги на срочное время, то ..... Для засвидѣтельствованія пусть призовутъ двухъ свидѣтелей изъ мужчинъ между вами; а если двухъ мужчинъ не будетъ, то пусть будутъ свидѣтелями мужчина и двѣ женщины, какихъ вы заблагоразсудите, для того, чтобы, когда одна изъ нихъ ошибется, другая которая либо изъ нихъ напомнила.

### Глава (4) Жены.

Ст. 1. Читите Бога, которымъ вы упрашиваете другъ друга, также и утробы васъ носившія.

Ст. 2. Отдавайте сиротамъ имущество ихъ; не замѣняйте въ немъ добротнаго негоднымъ;.....

Ст. 3. Если боитесь, что не соблюдете справедливости въ отношеніи сиротъ, то женитесь на сиротахъ женскаго пола, какъ скоро онѣ нравятся вамъ,—на двухъ, на трехъ, на четырехъ, а если боитесь, что не можете равно быть правдивыми ко всѣмъ имъ, то—только на одной, или на той, которой завладѣли руки ваши; въ этомъ болѣе удобства не уклонитесь отъ справедливости. Съ добрымъ расположеніемъ души отдавайте женамъ приданое ихъ; и если онѣ захотятъ предоставить что нибудь изъ того вамъ, пользуйтесь тѣмъ въ удовольствіе, во благо себѣ.

Ст. 5. Испытывайте сиротъ, покуда не наступитъ для нихъ время вступить въ бракъ; и если замѣтите въ нихъ здравый смыслъ, то отдавайте имъ имущества ихъ.

Ст. 8. Мужчинамъ своя доля изъ того, что оставили послѣ себя ихъ родители или близкіе родственники; и женщинамъ своя доля изъ того, что оставили послѣ себя ихъ родители или близкіе родственники.....

Ст. 9. Когда при раздѣлѣ будутъ находиться близкіе родственники, сироты, бѣдные, то давайте имъ что нибудь на пропитаніе, и, говоря съ ними, говорите благопривѣтливо.

Ст. 12. Богъ въ отношеніи дѣтей вашихъ заповѣдуетъ вамъ: доля сына равна долѣ двухъ дочерей; если будетъ женъ болѣе двухъ, то имъ треть изъ оставшагося послѣ него имущества; если будетъ одна, то ей половина. И родителямъ его, каждому изъ нихъ, шестая часть изъ оставленнаго имъ имущества, если у него есть дѣти; а если не было у него дѣтей, то наследниками ему будутъ родители его, и въ этомъ случаѣ матери его—треть. Если у него есть братья, то матери его шестая часть изъ того, что останется послѣ выдачи того что въ завѣщаніи онъ завѣщалъ, или послѣ уплаты долга.....

Ст. 13. Вамъ половина того, что оставили жены ваши, если нѣтъ у нихъ дѣтей; а если есть у нихъ дѣти то вамъ четвертая часть изъ того, что оставили онѣ, послѣ выдачи по завѣщанію изъ того, что завѣщали онѣ кому либо, или послѣ уплаты долга.

- Ст. 14. Также имъ (женамъ) четвертая часть изъ того, что оставите вы послѣ себя, если нѣтъ у васъ дѣтей; а если есть у васъ дѣти, то имъ осьмая часть изъ того, что оставите вы послѣ себя, послѣ выдачи по завѣщанію вашему того, что завѣщаете кому либо, или послѣ уплаты долга.
- Ст. 19. Если которая изъ вашихъ женъ сдѣлаютъ гнусное дѣло (прелюбодѣяніе): то представьте изъ васъ четырехъ свидѣтелей о нихъ; и если они засвидѣтствуютъ, то держите ихъ въ домахъ вашихъ дотолѣ, какъ постигнетъ ихъ смерть; или Богъ положитъ для нихъ какой либо путь.
- Ст. 23. Вѣрующіе! вамъ не позволяютъ брать наслѣдство у женъ противъ ихъ воли, и также препятствовать имъ получать часть, какую вы предоставили имъ, развѣ только онѣ сдѣлаютъ явно какое гнусное дѣло. Обходитесь съ ними благопристойно;.....
- Ст. 24. Если вы захотите замѣнить которую либо супругу другой супругой и первой изъ нихъ дали талантъ; то никакъ не берите его назадъ. Ужели возьмете его къ своему посрамленію и дѣлая очевидное беззаконіе?
- Ст. 25. И какъ возьмете вы его послѣ того, какъ вы стали въ близкое отношеніе другъ къ другу, и когда онѣ вступили съ вами въ тѣсный союзъ?
- Ст. 26. Не вступайте въ бракъ съ тѣми женщинами, съ которыми вступали въ бракъ отцы ваши; потому что это—гнусное, срамное дѣло; это худой обычай.
- Ст. 27. Вамъ запрещается вступать въ бракъ съ матерями вашими, съ дочерьми вашими, съ сестрами вашими; съ тетками съ отцевой стороны, съ тетками съ материнной стороны; съ дочерьми брата вашего и съ дочерьми сестры вашей; съ матерями вашими, которые вскормили васъ грудью, съ сестрами вашими молочными; съ матерями женъ вашихъ; съ падчерицами вашими, живущими въ вашихъ домахъ, отъ вашихъ женъ, съ которыми вы вошли въ супружескія отношенія (но если вы не входили въ такія отношенія, то на васъ не будетъ грѣха жениться на нихъ); съ женами сыновъ вашихъ, которые отъ чреслъ вашихъ;

- запрещается имѣть женами вмѣстѣ двухъ сестеръ<sup>(1)</sup>;.....
- Ст. 28. Запрещается бракъ съ замужними женщинами, за исключеніемъ тѣхъ, которыми овладѣла десница ваша.
- Ст. 29. Кто изъ васъ не владѣетъ такимъ достаткомъ, чтобы могъ вступить въ бракъ съ воспитываемыми подъ строгой охраной дочерьми вѣрующихъ, то съ тѣми, которыми завладѣла десница ваша, съ вѣрующими служанками вашими..... вступайте въ бракъ съ ними съ позволенія семейства ихъ и отдавайте имъ вознагражденіе ихъ правдиво, коль скоро онѣ были честными, не распутными, не имѣвшими любовниковъ.
- Ст. 30. Если онѣ, послѣ того какъ жили честно сдѣлаютъ какую гнусность, то онѣ подвергаются половинѣ того наказанія, какому подвергаются воспитываемыя подъ строгимъ присмотромъ.....
- Ст. 38. Мужья стоятъ выше женъ, потому что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми и потому, что они изъ своихъ имуществъ дѣлаютъ траты на нихъ. Добрыя изъ нихъ покорны, во время ихъ отсутствія бережливы на то, что бережетъ Богъ; а тѣхъ, которыя опасны по своему упрямству, вразумляйте, отлучайте ихъ отъ своего ложа, дѣлайте имъ побой; если онѣ вамъ послушны, то не будьте несправедливы въ обхожденіи съ ними.....
- Ст. 39. Если вы опасаетесь разрыва между обоими, то призовите судью изъ его родственниковъ и судью изъ ея родственниковъ; если они оба захотятъ помириться, то Богъ устроитъ между ними согласіе.....
- Ст. 46. ... если вы больны, или въ дорогѣ, или когда кто изъ васъ пришелъ изъ отхожаго мѣста, или когда вы касались женъ и не найдете воды, то очищайте себя доброй пылью.....
- Ст. 123. А тѣ, которые дѣлаютъ доброе, мужчины ли, женщины ли будутъ они, были бы только вѣрующими, тѣ войдутъ въ рай и не будутъ обижены и на величину ямки въ финиковой косточкѣ.

<sup>(1)</sup> Разновременно же родныя сестры могутъ быть женами одного и того же лица.

- Ст. 127. Если жена видит притѣсненіе себѣ отъ мужа или его отвращеніе отъ нея, то не будетъ на нихъ грѣха помириться между собою искреннимъ миромъ: миръ есть доброе дѣло.
- Ст. 128. Вы не можете одинаково быть расположенными къ женамъ своимъ, хотя бы этого и желали вы; потому и не привязывайтесь къ нимъ всею привязанностью,.....
- Ст. 175. Если умретъ какой мужчина, у котораго нѣтъ дѣтей, а есть сестра, то ей половина оставшагося имущества. И онъ получаетъ наследство послѣ нея, если у нея не было дѣтей. Если ихъ двѣ, то имъ обѣимъ двѣ трети изъ оставшагося имущества.

### Глава (5) Трапеза.

- Ст. 7. Разрѣшается вамъ бракъ съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями вѣрующихъ, и съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями тѣхъ, которымъ прежде васъ дано Писаніе (христіане и евреи), когда дадите имъ вознагражденіе для нихъ и будете строго хранить себя, не распутничая, не держа любовницъ.
- Ст. 8. Вѣрующіе! Когда вы хотите совершить молитву, то умывайте свои лица и свои руки до локтей и отирайте ваши головы и ваши ноги до щиколотокъ.
- Ст. 42. Вору и воровкѣ отсѣкайте руки въ воздаяніе за то, что сдѣлали они, въ назиданіе отъ Бога.

### Глава (23) Вѣрующіе.

Счастливы *вѣрующіе* 2. тѣ, которые благоговѣйны въ молитвѣ, 3. которые воздержны отъ празднословія, 4. которые исполнительны въ очистительной милостыни, 5. которые осторожны въ отношеніи къ половымъ членамъ своимъ, 6. ограничиваясь своими женами и невольницами, какими завладѣла правая рука ихъ.....

### Глава (24) Свѣтъ.

- Ст. 2. Любодѣйцу и любодѣя подвергайте тѣлесному наказанію, давая каждому изъ нихъ по сту ударовъ. Со-

- жалѣніе о нихъ не должно овладѣвать вами при заповѣданномъ отъ Бога, если вы стали вѣрующими въ Бога и въ послѣдній день. Нѣсколько человекъ изъ вѣрующихъ должны присутствовать при наказаніи ихъ.
- Ст. 3. Любодѣй будетъ жениться только на любодѣйкѣ, или идолопоклонницѣ; и любодѣйка будетъ выходить замужъ только за любодѣя, или идолопоклонника. Но вѣрующимъ это запрещается.
- Ст. 4. Тѣхъ, которые будутъ клеветать на замужнихъ женщинъ и не представлять четырехъ свидѣтелей, наказывайте осмьюдесятью ударами, и никогда не допускайте ихъ къ свидѣтельству, какъ людей негодныхъ.
- Ст. 6. Обвиняющій своихъ женъ, не имѣя свидѣтелей кромѣ себя самого, въ свидѣтельство за себя сдѣлаетъ четыре-кратное увѣреніе Богомъ, что онъ справедливъ.
- Ст. 7. и въ пятый разъ — призваніе на себя проклятія Божія, если онъ лжетъ.
- Ст. 8. А та освобождается отъ наказанія, если сдѣлаетъ четыре раза призываніе Бога въ свидѣтельство того, что онъ лжетъ.
- Ст. 9. и въ пятый разъ призоветъ на себя гнѣвъ Божій, если онъ справедливъ.
- Ст. 23. Тѣ, которые клеветаютъ на честныхъ женъ, равнодушныхъ къ молвѣ, вѣрующихъ, прокляты въ этомъ и въ томъ свѣтѣ;.....
- Ст. 30. Скажи вѣрующимъ, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ чувственныхъ пожеланій....
- Ст. 31. Скажи также и вѣрующимъ женщинамъ, чтобы онѣ потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ половыхъ пожеланій; показывали только тѣ изъ своихъ нарядовъ, которые парюжу; накладывали бы себѣ на грудь покрывала; показывали бы свои наряды только своимъ мужьямъ, своимъ отцамъ, отцамъ своихъ мужей, своимъ сыновьямъ, сыновьямъ своихъ мужей, своимъ братьямъ, сыновьямъ своихъ братьевъ, сыновьямъ своихъ сестеръ, своимъ женщинамъ, невольницамъ, слугамъ, такимъ, которые не имѣютъ половыхъ побужденій, дѣтямъ, которые не распознаютъ еще женской наготы; погами своими не ступали бы онѣ такъ, чтобы выставлялись закрытые наряды ихъ.

- Ст. 32. Позвольте вступать въ бракъ безбрачнымъ между вами, добрымъ слугамъ и служанкамъ вашимъ.....
- Ст. 33. А тѣ, которые не вступили въ бракъ, должны жить воздержно, покуда Богъ не обогатитъ ихъ отъ щедротъ своихъ..... Для приобрѣтенія выгодъ въ здѣшнемъ мѣрѣ не принуждайте своихъ невольницъ къ распутству, тогда какъ онѣ хотятъ жить честно;.....
- Ст. 59. Постороннимъ женщинамъ, такимъ, которыя не надѣются вступить въ бракъ, не ставится въ вину снимать съ себя одежду, если онѣ не думаютъ при этомъ хвалиться своими нарядами.

### Глава (33) Соумышленники.

- Ст. 4. Онъ положилъ, чтобы ваши супруги, съ которыми разводитесь, назвавши ихъ хребтомъ матери, были вамъ матерями..... (1).
- Ст. 33. Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими нарядами,..... Совершайте молитву, давайте очистительную съ имущества милостыню;.....
- Ст. 48. Вѣрующіе! Когда вы женитесь на вѣрующей жене, и потомъ разводитесь съ нею прежде прикосновенія къ ней, тогда вамъ не слѣдуетъ обязывать ихъ къ сроку, какой считаете вы, а давайте имъ дары и отпускайте отъ себя благоприличнымъ отпускомъ.
- Ст. 49. Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары: невольницъ, какими владѣетъ рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по отцу; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по матери;... ..
- Ст. 55. На нихъ (женщинахъ) нѣтъ грѣха открываться при отцахъ своихъ и сыновьяхъ своихъ, при братьяхъ

(1) Жену, даже и въ шутку нельзя называть матерью, сестрой; также мужъ не можетъ быть учителемъ своей жены. Нарушеніе этого правила—одинъ изъ поводовъ къ разводу.

- своихъ и сыновьяхъ братьевъ своихъ и при сыновьяхъ сестеръ своихъ, при женахъ ихъ и при своихъ невольникахъ.
- Ст. 59. Пророкъ! скажи супругамъ твоимъ, дочерямъ твоимъ, женамъ вѣрующимъ: плотнѣе опускали бы онѣ на себя покрывала свои: при такомъ опусканьи онѣ не будутъ узнаваемы, и потому не будутъ оскорбляемы.
- Ст. 73. Богъ накажетъ лицемѣровъ и лицемѣрокъ, многобожниковъ и многобожницъ;.....

### Глава (46) Ахнафъ.

- Ст. 14. Человѣку мы заповѣдали дѣлать добро своимъ родителямъ. Мать его носить его во чревѣ съ трудомъ и рождаетъ его съ трудомъ: ношеніе его во чревѣ и кормленіе его грудью — тридцать мѣсяцевъ.

### Глава (49) Внутреннія комнаты.

- Ст. 4. Изъ тѣхъ, которые громко вызываютъ тебя изъ *внутреннихъ комнатъ*, очень многіе неблагоразсудительны.
- Ст. 5. Но если бы они ждали, когда ты выйдешь къ нимъ, то это было бы для нихъ лучше.....

### Глава (52) Гора.

- Ст. 21. Вѣрующимъ и потомкамъ ихъ, послѣдовавшимъ имъ въ вѣрѣ, мы дадимъ видѣться съ потомствомъ ихъ.

### Глава (60) Испытываемая.

- Ст. 11. Если которыя изъ вашихъ женъ убѣгутъ отъ васъ къ невѣрнымъ, то можете взять ихъ назадъ, какъ добычу; а за тѣхъ изъ женъ ихъ, которыя убѣгутъ отъ нихъ къ вамъ, отдавайте равное тому, что употребили они на содержаніе ихъ....

### Глава (65) Разводъ супруговъ.

- Ст. 1. Пророкъ! Когда разводитесь вы съ женами, то разводитесь съ ними въ отчисленный для нихъ срокъ, и

вѣрно считайте этотъ срокъ... Не высылайте ихъ изъ домовъ ихъ; онѣ тогда только пусть выйдутъ, когда сдѣлаютъ явное безпутство.

Ст. 2. Когда онѣ достигнутъ срочнаго времени, тогда вы или благоприсойно удержите ихъ, или благоприсойно разлучитесь съ ними; изберите въ свидѣтели людей правдивыхъ между вами,.....

Ст. 4. Тѣмъ изъ вашихъ женъ, которыя, хотя сами не ждутъ очищеній, но для васъ еще сомнительны, тѣмъ срокъ три мѣсяца, какъ и тѣмъ, у которыхъ еще не было очищеній. А беременнымъ срокъ, когда онѣ разрѣшатся отъ своего бремени.

Ст. 6. Давайте имъ жительство тамъ, гдѣ сами жительствоете, по своимъ достаткамъ; не огорчайте ихъ, давая имъ тѣсное помѣщеніе. Если онѣ беременны, доставляйте имъ содержаніе, покуда онѣ не разрѣшатся отъ бремени своего. И если вы возмете ихъ въ кормилицы вашимъ дѣтямъ, то давайте имъ плату; совѣтуясь съ ними, дѣлайте, что почтете лучшимъ.

Ст. 7. Достаточный пусть дѣлаетъ издержки по своему достатку; и тотъ, у кого жизненные потребности скудны, пусть дѣлаетъ издержки изъ того, что доставилъ ему Богъ.

Главнымъ хранителемъ религіи въ средѣ населенія является, конечно, духовенство. У мусульманъ оно не рукоположенное. Духовныя должности во время хановъ, также какъ и теперь, замѣщались или по назначенію отъ правительства, или по выбору гражданъ, т. е. также, какъ и должности административныя, безъ всякаго рукоположенія, или посвященія со стороны высшихъ духовныхъ лицъ.

Каждый грамотный, умѣющій читать и писать, носитъ званіе *муллы*, что по арабски значитъ — учитель. Умѣющіе читать только называются у туземцевъ *чалъ-мулла* (неполный, несовершенно мулла), перѣдко употребляютъ такія выраженія, какъ: очень мулла; не очень мулла; большой мулла; плохой мулла и пр.

Лица, изучавшіе, кромѣ чтенія и письма, еще и главнѣйшія изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ изложено толкованіе

догматовъ и обрядовъ религіи, а равно и права, носятъ общее названіе *улемъ*—ученый, богословъ.

Такимъ образомъ принадлежность къ сословію духовенства, будучи правомъ личнымъ, не переходящимъ наслѣдственно, обуславливается главнымъ образомъ знакомствомъ съ мусульманскою наукою, т. е. въ сущности съ мусульманскимъ богословіемъ (и правомъ), а относительное положеніе въ средѣ *муллъ* и *улемъ* зависитъ прежде всего отъ обширности обладаемыхъ даннымъ лицомъ знаній.

Въ общемъ все, официально существующее, туземное, мусульманское духовенство, принимающее непосредственное участіе въ общественной жизни населенія, можно подраздѣлить на четыре главнѣйшихъ разряда:

- 1) Причтъ мечетей.
- 2) Судебный институтъ.
- 3) Учителя визшей школы.
- 4) Преподаватели права и богословія.

Причтъ каждой отдѣльной мечети состоитъ изъ двухъ лицъ: *имъма* и *азанчй* (послѣдній называется также *муэд-зйномъ* или *суфй*).

Оба избираются или, вѣрнѣе, нанимаются гражданами даннаго прихода. Прежде *имъма* главнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ мечетей назначались ханами. На обязанности *имъма* лежитъ присутствовать ежедневно при всѣхъ пяти *намъзахъ* и читать тѣ молитвы, которыя положено читать ему вслухъ по уставамъ религіи.

*Азанчй* за нѣсколько минутъ до *намъза* кричитъ *азънъ*, призывъ на молитву и наблюдаетъ за чистотой въ мечети.

Въ кишлакахъ, какъ *имъму*, такъ и *азанчй*, уплата производится хлѣбомъ. Обыкновенно обоимъ *мишъкъ* (около 52 ф.) пшеницы въ годъ съ каждаго дома. На долю *имъма*  $\frac{3}{4}$  всего собраннаго хлѣба; остальное получаетъ *азанчй*. Состоятельные домохозяева платятъ нѣсколько больше условленной нормы. (Въ среднемъ приходѣ около 25 домовъ).

Годовой доходъ *имъма* въ кишлакѣ на деньги колеблется отъ 15 до 30 р. Въ эти цифры не входятъ, впрочемъ, частные доходы по случаю свадебъ, похоронъ, отчитыванія больныхъ и пр.

Въ городахъ уплата производится деньгами отъ 20 к. до 2 р. съ дома, смотря по состоятельности. *Азанчй* полу-

часть  $\frac{1}{4}$ , или  $\frac{1}{5}$  всего сбора и кромѣ того обыкновенно ему же отдаются прихожанами шкуры тѣхъ жертвенныхъ козловъ и барановъ, которые рѣжутся ими на праздникъ Курбанъ. Такихъ шкуръ онъ набираетъ, въ среднемъ, на одну *тилю* (3 р. 80 к.) въ годъ. (Относительно шкуръ тотъ же обычай и въ кишлакахъ). Причинами смѣщенія *имамъ*, или *азанчй*, считаются обыкновенно нерадѣніе, какой либо компрометирующій ихъ, какъ духовныхъ лицъ, поступокъ и пр.

Смѣщеніе и замѣна новымъ лицомъ производятся съ общаго согласенія или всего квартала (онъ же и приходъ), или только нѣсколькихъ, наиболѣе уважаемыхъ, или почему либо вліятельныхъ, стариковъ.

Туземное судебное учрежденіе, разбирающее дѣла по *шаріату*, состоитъ изъ трехъ лицъ: *казы*, *аглама* и *муфты*.

*Казы* являетъ собою инстанцію рѣшающую. Приложеніемъ его печати свидѣлствуются и закрѣпляются документы и постановленія суда.

*Агламъ* играетъ роль помощника и совѣтника *казы*; иногда замѣщаетъ послѣдняго во время его болѣзни, отсутствія и пр.

*Муфты* докладываетъ *казы* дѣла и подписываетъ въ шаріатѣ тѣ статьи, которыми слѣдуетъ руководиться въ данномъ случаѣ. (Такая статья закона называется *фетва* или *патва*).

Прежде всѣ эти должности замѣщались по назначенію отъ правительства; теперь онѣ выборныя. Число *казы* въ городахъ различно, смотря по величинѣ города; въ Наманганѣ напр. ихъ два. Въ городовахъ—по одному на волость.

Въ настоящее время суду казиевъ подсудны дѣла бракоразводныя, а также всѣ вообще гражданскіе иски не свыше 100 р. сер., одного только осѣдлаго туземнаго населенія. (Иски свыше 100 р., а также дѣла по апелляціоннымъ жалобамъ на рѣшеніе казиевъ, вѣдаются уѣздными слѣздами послѣднихъ).

Казіямъ, муфты и агламамъ отъ правительства никакого содержанія не полагается; вознагражденіе они получаютъ отъ истцевъ и отвѣтчиковъ или по таксѣ, утвержденной русской администраціей, или же по взаимному согласенію.

При каждой мечети имѣется приходская школа — *мактабъ*, гдѣ мальчики даннаго прихода, или квартала, обучаются чтенію и письму. Зданіе школы имѣетъ видъ комнаты, въ которой можетъ помѣститься отъ 10 до 30 дѣтей, сидящихъ близко другъ къ другу, поджавъ подъ себя ноги, и строится въ большинствѣ случаевъ тѣмъ же лицомъ, которое строило и самую мечеть. (Рѣже обѣ постройки сооружаются на общественный счетъ). Иногда школа помѣщается или въ частномъ домѣ, или въ самой мечети.

Учреждается школа, т. е. приглашается учитель, по согласенію или нѣсколькихъ, наиболѣе вліятельныхъ, лицъ, или цѣлаго прихода.

Учителемъ приглашается или *имамъ*, или *азанчй* той мечети, при которой школа находится, а въ случаѣ ихъ отказа, неспособности, или др. причинъ, постороннее лицо.

Учитель по большей части одинъ. При большомъ числѣ учащихся онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ, наиболѣе знающихъ, старшихъ учениковъ, приблизительно по одному на десять.

Въ кишлакахъ, отдаленныхъ отъ города, гдѣ грамотныхъ людей сравнительно мало, трудъ такого учителя — *дамулла* оплачивается довольно сносно и всегда почти хлѣбомъ. Онъ получаетъ условленной платы не менѣе пуда пшеницы въ годъ за cadaго учащагося и кромѣ того время отъ времени мелкіе подарки деньгами и продуктами.

(Учительница — *атунгъ*, обучающая дѣвочекъ на дому, въ этихъ же кишлакахъ, получаетъ тоже пшеницей, но вдвое менѣе).

Въ городахъ *дамулла* условленной платы по большей части не получаетъ. По четвергамъ каждый ученикъ приноситъ ему такъ назыв. *пейшамбелікъ* (*пейшамбѣ*—четвергъ)—деньги, хлѣбъ, рисъ, — размѣры котораго всегда зависятъ отъ благосостоянія той семьи, къ которой принадлежитъ учащійся. Кромѣ того, при окончаніи cadaго особаго отдѣла выучки, *дамулла* получаетъ отъ родителей не большіе подарки, а ежегодно, передъ наступленіемъ праздника *Рамазанъ*, школьники ходятъ вечеромъ по своему приходу *славить* и все собранное отдаютъ своему учителю. Этотъ обычай ведется теперь главнымъ образомъ въ кишлакахъ и носитъ названіе *рамазанлыка*. *Дамулла* составляетъ стихи *ра-*

*мазанлыка*; ученики заучивают их и декламируют на распѣвъ. (Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *рамазанлыкъ* декламируется только своимъ родителямъ. Тотъ же обычай и у дѣвочекъ). Вотъ образчикъ *рамазанлыка*:

„Прошелъ мѣсяць Рамазанъ;  
„Пришелъ праздникъ Рамазанъ;  
„Дайте мнѣ праздничный подарокъ,  
„Я отдамъ его своему учителю,  
„А Васъ Богъ вознаградитъ  
„За мое ученье въ день суда“.

Прежде велся обычай такого же *наурузлыка* (*наурузъ*—новый годъ) весной, при появленіи новой земли. Теперь этотъ обычай почти оставленъ.

Число учащихся въ одной школѣ колеблется отъ 5 до 30, рѣже до 40 мальчиковъ, а возрастъ поступленія въ школу, въ среднемъ, можетъ быть принятъ около 8 лѣтъ.

Обученіе не обязательное. Всѣ ученики пизшей школы приходящіе.

Отецъ, или другой старшій родственникъ, приводитъ мальчика въ школу къ учителю, при чемъ послѣднему приносится блюдо *наладу*, или другое какое либо угощеніе и произносится рѣчь такого приблизительно содержанія: „господинъ! мы поручаемъ нашего ребенка вамъ. Учите его, бейте. Если даже и убьете—мы не будемъ имѣть на васъ претензій. Мясо ваше, кости—наши“.

Впослѣдствіи большинство учителей пользуется даннымъ родителями правомъ самымъ широкимъ образомъ. Намъ приходилось видѣть мальчиковъ (да и дѣвочекъ тоже), бѣжавшихъ отъ ученія потому только, что они не могли вынести чрезвычайной методичности битья, въ особенности же по головѣ. Есть учителя, гуманное обращеніе которыхъ съ дѣтьми не оставляетъ желать ничего лучшаго, но въ общемъ битье распространено очень сильно. У многихъ существуетъ даже увѣренность въ томъ, что безъ этой мѣры никакого пути не будетъ и не можетъ быть, т. е. въ сущности тоже, что царило и у насъ самихъ сравнительно еще очень недавно. Разъ намъ пришлось учить взрослого уже сарта арифметикѣ. Малый оказался очень толковый; дѣло шло успѣшно, но,

не смотря на это, взрослый ученикъ совершенно серьезно просилъ одного изъ насъ поколачивать его время отъ времени, увѣряя, что тогда ученье пойдетъ много ходчѣе.

И такъ парнишку привели въ школу. Первый урокъ начинается тѣмъ, что учитель беретъ его за руку и заставляетъ повторять за собой слова первой *суръ* Корана. Затѣмъ переходятъ къ азбукѣ. Въмѣсто азбукъ—книжечъ, по крайней мѣрѣ на первое время, употребляются или небольшія деревянные досчечки съ ручками, или же пластинки бѣлой жести, на которыхъ учитель пишетъ перомъ часть алфавита.

Заучиваніе буквъ и зубреніе слоговъ продолжается, въ среднемъ, отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

Первая книга, которую даютъ въ руки ученику—Коранъ на арабскомъ языкѣ, котораго учитель по большей части и самъ то или со всѣмъ не знаетъ, или знаетъ очень плохо.

Обязательно для каждаго учащагося Коранъ прочитывается, à la Гоголевскій Петрушка, отъ корки до корки, на что уходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Далѣе всегда слѣдуетъ чтеніе (и опять таки механическое) книги *чаръ-китабъ*, содержащей въ себѣ изложеніе правилъ омовенія, молитвъ, поста и пр., написанной на персидскомъ языкѣ, котораго ученики—узбеки тоже не понимаютъ. (Въ арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкѣ алфавитъ одинъ—арабскій).

Въ день разбирается по нѣскольку строкъ, при чемъ *дамулла* учитъ только правильности произношенія. Когда ученикъ привыкнетъ достаточно бѣгло читать *чаръ-китабъ*, не понимая конечно содержанія, то говорятъ: „*сабатъ-читъ*“—утвердился, и переходятъ или къ письму, или къ механическому чтенію другихъ книгъ, какъ напр. *Ходжа-Хафизъ* (одинъ изъ персидскихъ поэтовъ).

Обученіе въ школѣ продолжается отъ 2-хъ до 5 лѣтъ. Занятія—ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и праздниковъ.

Ученики собираются рано утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца; за часъ, или за два, до полудня расходятся по домамъ завтракать; въ полдень собираются снова и сидятъ еще часъ, или два, а то и до вечера. Иногда, по соглашенію съ родителями, лѣтомъ мѣсяца на два каникулы.



Въ школѣ учатся, по большей части, по два за одной книгой или досечкой. На главномъ мѣстѣ комнаты (у стѣны, противоположной входной двери) сидятъ читающіе *чаръ-китабъ*, *Ходжа-хафизъ* и др. книги; ближе къ дверямъ съ кораномъ и наконецъ у самыхъ дверей съ досечками.

Вся эта компанія оретъ во весь голосъ то, что каждому задано вызубрить учителемъ.

Иногда самъ, послѣдній, во время такого урока отсутствуетъ. Показавъ каждому, какъ читаются заданныя строки *чаръ-китаба*, или корана, или буквы и слоги, и надрывъ уши наименѣе понятливымъ, *дамулла* уходитъ по своимъ дѣламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его профессіей учителя.

Большинство кончившихъ обученіе въ приходской школѣ обращаются къ обычнымъ занятіямъ туземнаго населенія, не исключая и земледѣлія; нѣкоторые, выучившіеся порядочно писать, дѣлаются переписчиками книгъ и зарабатываютъ въ день приблизительно отъ 10 до 40 к. <sup>(1)</sup>, или поступаютъ въ писцы, *мирзѣ*, такихъ учреждений, гдѣ не требуется знанія ариметики, которая въ начальной школѣ не преподается.

Кончившій полный курсъ въ *мактабѣ* *имамомъ* мечети можетъ сдѣлаться тогда только, если (при условіи достиженія зрѣлаго возраста) изучить и представить доказательство своего знанія: двухъ первыхъ главъ книги *Мухтасаръ-уль-викайѣ* (на арабскомъ языкѣ) о правилахъ омовеній и молитвы, а также нѣсколькихъ опредѣленныхъ *суръ* Корана наизусть.

Меньшинство, желающее продолжать свое образованіе, по выходѣ изъ *мактаба*, поступаетъ въ *медресѣ*, высшую туземную школу, въ которой обучается арабскому языку, богословію и праву, проходя все это по книгамъ, написаннымъ исключительно на арабскомъ языкѣ.

*Ильмъ-и-ферайзъ*, заключающій въ себѣ, какъ наследственное право, такъ равно и краткій курсъ математики (первыя четыре правила ариметики и самое неудовлетворительное изложеніе способовъ измѣренія площадей простѣй-

<sup>(1)</sup> 60 к. зарабатываетъ только тотъ, у кого почеркъ особенно четкій и красивый.

шихъ геометрическихъ фигуръ, необходимаго при измѣреніи земли), изучается особо, желающими только и сравнительно рѣдко, не смотря на то, что Пророкъ сказалъ: „изучайте *ферайзъ*, въ немъ половина человѣческихъ знаній“.

*Медресѣ* имѣются, какъ во всѣхъ городахъ, такъ равно и въ большинствѣ тѣхъ большихъ, базарныхъ кишлаковъ, гдѣ въ прежнес время жили Ханскіе беки, какъ напр. въ Яны-Курганѣ, намаганскаго уѣзда, въ Тюря-Курганѣ и Касанѣ-Чустскаго и др.

Въ кишлакахъ обыкновенно не болѣе одного медресе, а число учениковъ отъ 5 до 15.

Въ городахъ медресе двухъ различныхъ родовъ:

1) *малыя*, при нѣкоторыхъ изъ приходскихъ мечетей, на 5—10 человѣкъ учащихся и

2) *большія*, самостоятельныя медресе, имѣющія свои собственныя (помѣщающіяся въ зданіи медресе) мечети, своихъ *имамовъ*, свои *вакфы* <sup>(1)</sup> и учениковъ отъ 15 до 100 (рѣже, какъ напр. въ большомъ медресе г. Кована, число учениковъ доходитъ до 200).

Число учителей—*мударрисовъ*, завися отъ общихъ размѣровъ медресе и числа учащихся, колеблется отъ одного до десяти, рѣдко 12-ти.

Число большихъ медресе въ разныхъ городахъ различно.

Въ Намаганѣ, напр. ихъ четыре; въ Кованѣ четырнадцать.

Сооруженіе медресе и снабженіе его жизненными средствами считается богоугоднымъ дѣломъ; потому всѣ, существующія нынѣ, построены на частныя средства хановъ, хакимовъ, а также и состоятельныхъ частныхъ лицъ.

Лицо, строящее медресе, дарствуетъ обыкновенно еще и нѣкоторое количество земли, доходами съ которой пользуются, какъ учителя—*мударрисы*, такъ равно и ученики—*муллы* (или *шакырды*).

Иногда кромѣ земли завѣщается небольшой, въ нѣсколько сотъ рублей, капиталъ и незначительная бібліотека, составленная изъ тѣхъ книгъ, которыя обыкновенно проходятся въ туземныхъ медресе.

<sup>(1)</sup> Имущества (земли по большей части), доходами съ которыхъ пользуется данное учрежденіе.

Случается, что впоследствии *вакфа*, обладаемый учрежденіемъ, увеличивается пожертвованіями и другихъ, постороннихъ лицъ.

Прежде ханы не рѣдко отказывались въ пользу того или другаго медресе отъ податей, сходящихъ съ какого либо кишлака, почему доходы нѣкоторыхъ медресе простирались иногда до весьма значительныхъ размѣровъ.

Основатель медресе составляетъ обыкновенно документъ — *шэртъ—нама*, въ которомъ значится: когда и кѣмъ построено медресе; сколько и гдѣ завѣщано ему земли; какъ должны дѣлиться ежегодные доходы съ нея между *мутеваліа*, завѣдующимъ хозяйствомъ учрежденія, *мударрисами* и тремя разрядами учениковъ.

Иногда въ такой *шэртъ—нама* упоминается также и о томъ, какія книги должны проходиться учениками каждаго изъ трехъ разрядовъ, кто имѣетъ право быть *мутеваліемъ*, *имамомъ* находящейся при медресе мечети и проч.

*Мутеваліа* получаетъ  $\frac{1}{20}$  —  $\frac{1}{10}$  годового дохода съ *вакфы*.

Получка *мударрисовъ* и учениковъ различны, смотря по количеству земли, принадлежащей учрежденію.

Въ среднемъ *мударрисъ* получаетъ изъ *вакфы* отъ 30 до 100, рѣже до 200, р. сер. въ годъ. (Кромѣ того наиболѣе состоятельные ученики и ихъ родители дѣлаютъ подарки цѣнностью отъ 3 р. до 40 р. по окончаніи изученія каждой отдѣльной книги.)

Ученикъ высшаго разряда ежегодно получаетъ отъ 15 до 35 руб., средняго — отъ 10 до 20 р. и низшаго — отъ 4 до 12 р. (Цифры эти относятся къ тѣмъ медресе, *вакфы* которыхъ, по размѣрамъ своимъ, могутъ быть приняты за средніе. Наиболѣе богатыми считаются медресе г. Маргелана).

Большія медресе строятся всегда изъ жженого кирпича; крыши, какъ и у всѣхъ почти туземныхъ зданій, плоскія, крытыя землей. Само медресе имѣетъ видъ двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокой, отъ двухъ до четырехъ саж., стѣной, ко внутренней сторонѣ которой пристраиваются *худжра*, кельи для учениковъ и *мударрисовъ*, каждая на 1—4 человека, *дарса—хана* — нѣчто вродѣ аудиторіи, большіе отдѣльныхъ *худжра*, одинъ или два навѣса и наконецъ мечеть *ханакъ*.

Въ большихъ медресе Кокана *худжра* расположены въ два этажа. Число послѣднихъ въ одномъ медресе колеблется отъ 20 до 70.

Большая часть времени, какъ учениками, такъ и учителями, проводится въ самомъ медресе, въ *дарса ханъ*, или въ *худжрахъ*. На ночь, да и то не каждый день (обыкновенно по четвергамъ и базарнымъ днямъ только), по домамъ расходятся большею частью одни лишь женатые.

Занятія продолжаются обыкновенно круглый годъ, но не ежедневно. Дни недѣли подраздѣляются въ этомъ отношеніи на: *тахсылъ* (суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ) — дни занятій и *таатылъ* (среда, четвергъ, пятница) — свободные дни, предназначающіеся также и для повторенія пройденнаго.

Ученики дѣлятся на три разряда:

- 1) *адна* (низшій),
- 2) *аусатъ* (средній) и
- 3) *ала* (высшій)

*Адна* проходятъ обыкновенно книги: *Капіа*, *Шархъ* — *мулла*, *Шамсіа* и *Мухтасаръ—ул—викайэ*, оставаясь въ этомъ разрядѣ около 3 лѣтъ.

*Аусатъ* изучаютъ *Акайдэ* и *Таузй* около 3—4 лѣтъ. *Ала* изучаютъ: *Мулла—Джалла*, *Мушкатъ—и—Шерифъ*, *Хидай—и—шерифъ* и пр., оставаясь при медресе различное число лѣтъ, иногда до полученія мѣста *мударриса*, *муфти* или *аллама*, а иногда, что совсѣмъ не рѣдкость, до конца своей жизни, посвящая всю послѣднюю на изученіе богословія, которое вмѣстѣ съ мусульманскимъ правомъ и философіей являетъ собою содержаніе всѣхъ перечисленныхъ выше книгъ.

Однажды намъ пришлось спросить пожилаго уже сарта — *мирзэ*, сколько времени онъ учился въ медресе.

Мирзэ отвѣчалъ, что пробылъ онъ очень не долго, всего 7 лѣтъ; богословскихъ книгъ не изучалъ, а выучился писать и заучилъ наизусть 22 *синары* Корана. (Кромѣ дѣленія на главы — *суръ*, Коранъ подраздѣляется еще на 30 *синары*).

Въ большихъ медресе, имѣющихъ нѣсколькихъ *мударрисовъ*, ученики одного и того же курса или, вѣрнѣе, изучающіе одну и ту-же книгу, собираются у своего учителя. Одинъ изъ учениковъ читаетъ; другіе слѣдятъ за нимъ по

своимъ книгамъ; *мударрисъ*, поправляя произношеніе, дѣла-етъ нужныя разъясненія и толкованія прочитаннаго.

Не рѣдко на такія лекціи извѣстныхъ *мударрисовъ* при-ходятъ ученики другихъ медресе, или даже посторонніе, воль-ные слушатели; точно также есть *мударрисы*, не принадле-жащіе ни къ какому медресе и дающіе уроки частнымъ об-разомъ, на разныхъ условіяхъ, какъ въ медресе, такъ и на домахъ. (Къ числу такихъ условій принадлежитъ, между про-чимъ, плата за выучку той-или другой книги.)

Такъ какъ принадлежность ученика къ тому или дру-гому разряду связана съ полученіемъ большей или меньшей части годоваго дохода медресе, то и переходъ изъ разряда въ разрядъ, конечно, не можетъ быть самопроизвольнымъ.

Каждый, надѣющийся на достаточность своихъ знаній и подготовки, самъ заявляетъ *мударрису* о желаніи перейти въ слѣдующій разрядъ и держитъ у послѣдняго экзаменъ.

Переводъ изъ разряда въ разрядъ слабыхъ учениковъ случается очень рѣдко, ибо товарищи доймутъ такого са-мыми злыми и постоянными насмѣшками надъ ничтожностью его знаній.

Въ старину *мударрисы* приглашались самими ученика-ми; впоследствии ихъ стали назначать ханы; теперь это дѣло въ томъ переходномъ положеніи, при которомъ имѣ-ютъ мѣсто и избраніе, и протекція наиболѣе вліятельныхъ, какъ улѣмъ, такъ равно и административныхъ лицъ тузем-наго происхожденія, и пр.

Что касается до поступленія въ большія, обладающія вакъфами, медресе учениковъ (обыкновенно не ранѣе 14—15 лѣтняго возраста), то оно весьма своеобразно. Право та-кого поступленія по большей части покупается на деньги. Во всѣхъ почти большихъ медресе кельи продажныя—*саш-кѣинъ*. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за постройкой медресе кельи—*худжра* продаются желающимъ обыкновенно очень недорого, отъ 3 до 8 р. (Деньги, вырученныя отъ этой про-дажи, поступаютъ въ распоряженіе мутевалѣ и расходуются имъ на ремонтъ медресе и др. надобности.)

Лицо, купившее *худжру*, получаетъ на вѣчныя времена право жить въ ней, слушать уроки у *мударрисовъ*, пользо-ваться книгами, завѣщанными медресе, если такія имѣются, и получать, согласно завѣщанію, прописанному въ *шэртъ*—

*намъ*, часть дохода съ вакъфа, смотря потому, къ какому разряду онъ (ученикъ) будетъ принадлежать.

Оставляя медресе, владѣтель *худжры* перепродаетъ свое право одному или нѣсколькимъ желающимъ.

Часто обладатель *худжры* продаетъ право сожитель-ствовать съ нимъ въ его кельѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полу-чать часть дохода приходящуюся на данную *худжру*.

Въ тѣхъ медресе, гдѣ *худжры* не продажныя, посту-пленіе разрѣшается обыкновенно *мударрисами*.

Общаго стола нѣтъ. Пища покупается или пригото-вляется отдѣльно въ каждой кельѣ. Часто даже въ одной и той же кельѣ живущіе въ ней 2—3 человѣка не образуютъ между собою артели.

Въ общемъ питаніе очень плохое и скудное. Чай, хлѣбъ, сушеные и сырые фрукты и очень рѣдко *палау* или другое питательное кушанье. Послѣднее зачастую готовится тутъ же, въ *худжрѣ*, въ крошечномъ, чуть не игрушечномъ ко-телкѣ — разъ въ недѣлю.

По утонченной вѣжливости переходящей въ раболѣпіе, по привычкѣ опускать глаза долу, говорить тихо и ѣсть мало; по особой, если можно такъ выразится нищенской опрятности, по привычкѣ вставлять въ рѣчь массу араб-скихъ и персидскихъ словъ, по нѣскольکو испитому цвѣту лица и неестественной для данной рассы бѣлизнѣ рукъ всег-да легко узнать человѣка, долго просидѣвшаго въ медресе и не имѣвшаго въ теченіи этого времени своихъ личныхъ средствъ жизни, достаточныхъ для сноснаго существованія.

Заговоривъ о туземномъ, мусульманскомъ духовенствѣ и сказавъ все то, что позволяютъ общіе размѣры этого тру-да, о причтѣ мечетей, судьяхъ, учителяхъ низшей туземной школы, нельзя пройти полнымъ молчаніемъ *шиаповъ*, *каръ* и *дудъ-хановъ*.

Въ древности или, вѣрнѣе, въ старину подъ именемъ *шиаповъ* или *пѣровъ* разумѣлись люди, отличавшіеся строгимъ, аскетическимъ образомъ жизни и строгими правилами прав-ственности. Не ограничиваясь обязательными для каждаго мусульманина пятью ежедневными *намъазами* и мѣсяцемъ по-ста, такого рода подвижники возлагали на себя доброволь-ные посты, обязательство чтенія въ теченіи дня части Корана, многократное произнесеніе какой либо молитвы или про-

изнесеніе эпитетовъ имени Божія и др. подобнаго же рода эпитеміи.

Съ пріобрѣтеніемъ въ народѣ извѣстности *ишанъ* пріобрѣтали и послѣдователей — *мурідовъ*.

Образовалось нѣчто вродѣ монашескихъ орденовъ, члены которыхъ однако же не оставляли по большей части ни своихъ обычныхъ частныхъ занятій, ни семействъ и пр., и собирались только для совершенія общественныхъ моленій и бесѣдъ со своими наставниками.

Въ настоящее время изъ числа такихъ прежнихъ *ишановъ*, почитаемыхъ за святыхъ, туземцы съ наибольшимъ уваженіемъ относятся къ памяти старинныхъ бухарскихъ *ишановъ*: Хазрѣтъ-и-Ширъ-Куляль, Хазрѣтъ-и-Баба-и-Агалыкъ, Хазрѣтъ-и-Шахъ-и-Джаанъ, Хазрѣтъ-и-Натъ-Абъдъ и Хазрѣтъ-и-Диванъ-и-Багаведдиль. (*Хазрѣтъ* — святой) Поступленіе въ муріды того или другого *ишана* сопровождалось, также какъ и теперь, слѣдующимъ обрядомъ. Ишанъ беретъ новаго муріда за правую руку и спрашиваетъ его: раскаивается ли онъ въ совершенныхъ имъ грѣхахъ? будетъ ли воздерживаться отъ нихъ на будущее время? Будетъ ли руководствоваться въ дальнѣйшей своей жизни правилами, установленными религіей? и пр.

Слѣдуютъ, конечно, утвердительные отвѣты. *Ишанъ* читаетъ молитву и сейчасъ же налагаетъ на новаго муріда какую нибудь эпитемію, какъ напр. нѣсколько сотъ кратное ежедневное прочтеніе какой либо краткой молитвы или повтореніе имени Божія — *алла*.

Наиболѣе ревностные муріды, прошедшіе болѣе или менѣе продолжительные искусы и послушаніе, получали, отъ своего *ишана*, *иршадъ* (собственно — напутствіе), документъ или патентъ, въ которомъ значилось, что такой-то, пройдя искусы у такого то, достаточно укрѣпился въ правилахъ вѣры, можетъ самъ быть наставникомъ (*халифъ*) и обязуется пожизненно нести такую то эпитемію или исполнять такой то обрядъ.

Путемъ такихъ посвященій *ишанъ* размножились и разсѣялись по лицу мусульманской земли. Въ настоящее время въ каждомъ кварталѣ Намангана *ишановъ* имѣется по три, по четыре; однакоже сколько нибудь серьезнымъ уваженіемъ и большимъ числомъ мурідовъ располагаютъ очень немно-

гіе, а чѣмъ дальше, тѣмъ все больше падаетъ значеніе этихъ наставниковъ. Прежде, и сравнительно еще не очень давно, были *ишанъ* (какъ напр. Катта - Ходжа - Ишанъ въ Намангатѣ), которые составляли себѣ цѣлыя состоянія изъ добровольныхъ приношеній, дѣлавшихся ихъ мурідами.

Теперь подобнаго рода примѣровъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ. Причинами такого упадка значенія *ишановъ* можно считать, во первыхъ, постепенно развивающійся индеферентизмъ въ дѣлѣ религіи; во вторыхъ, чрезмѣрное размноженіе *ишановъ*, при которомъ въ число послѣднихъ попадаютъ лица, верѣдко компрометирующія своимъ поведеніемъ званіе *ишана*; въ третьихъ, то обстоятельство, что современные намъ *ишанъ* отнюдь не могутъ уже быть названы наставниками въ вѣрѣ, такъ какъ роль ихъ ограничивается въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь предстательствомъ на общихъ моленіяхъ, при чемъ образъ жизни многихъ изъ нихъ сталъ слишкомъ далекимъ отъ аскетизма, и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ положеніе *ишановъ* въ средѣ собственныхъ своихъ мурідовъ сдѣлалось крайне двусмысленнымъ, благодаря обязательности разнаго рода приношеній.

Часто можно слышать сообщеніе о томъ, что такой то *ишанъ* уѣхалъ на охоту за новыми мурідами.

Мурідами *ишана* - мужчины, бываютъ обыкновенно одни только мужчины же. У женщинъ существуютъ свои *ишанъ* - женщины, очень впрочемъ, немногочисленныя. Послѣднее зависитъ, какъ кажется, главнымъ образомъ отъ того, что улемы относятся къ женщинамъ ишанамъ далеко не одобрительно.

Чтеніе, а еще болѣе знаніе Корана наизустъ считается мусульманами дѣломъ душеспасительнымъ. Магометъ рекомендуетъ каждому мусульманину читать эту книгу возможно чаще, а тѣмъ, кто не умѣетъ читать, совѣтуетъ заставлять читать её кого либо изъ знающихъ.

Обстоятельства эти послужили причиною образованія цѣлаго разряда такъ называемыхъ *каръ*, знающихъ весь Коранъ наизустъ (между ними очень часто встрѣчаются слѣпые), а также и *каръ-ханъ*, — помещеній для этихъ *каръ*.

*Каръ - ханъ* строится обыкновенно на очень небольшомъ числомъ челоѣкъ и при тѣхъ же почти условіяхъ, какъ

мечеть, приходская школа и медресе, при чемъ въ большинствѣ случаевъ на помѣщающихся въ ней *кары* ложится обязательство ежедневнаго прочтенія нѣкоторой части Корана за упокой или во спасеніе души учредителя.

Эти же *кары* занимаются иногда и отчитываніемъ больныхъ, но главнымъ образомъ этой послѣдней профессіей занимаются такъ называемые *дуа - ханы*. *Дуа - ханы* отчитываютъ больныхъ не по Корану, а по своимъ, специально на этотъ предметъ имѣющимся книгамъ, составленнымъ изъ отрывковъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, самого же разнообразнаго, не рѣдко исключительно кабалистическаго содержания.

Нельзя сказать, чтобы *дуа - ханы* были въ особенно большомъ почетѣ, но тѣмъ не менѣе случаи, когда къ нимъ обращаются, мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу и во всѣхъ безъ исключенія слояхъ туземнаго общества.

Въ городахъ наибольшая часть пациентовъ женщины. Въ Наманганѣ одно время подвизался одинъ *дуа - ханъ*, отчитывавшій специально отъ безплодія и другихъ женскихъ недуговъ, при чемъ непремѣннымъ условіемъ было поставлено, чтобы пациентки являлись не иначе, какъ по одной.

Таковы въ общемъ функціи туземнаго мусульманскаго духовенства. Намъ остается добавить еще развѣ то только, что каждый мало-мальски богобоязненный и вмѣстѣ съ тѣмъ мало свѣдующій туземецъ во всѣхъ сомнительныхъ для него случаяхъ жизни обращается къ книжнику съ просьбою указать ему, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ смотреть на данный вопросъ религія; поступаетъ же такъ туземецъ въ силу глубокой его увѣренности въ томъ, что въ обширномъ *шаріатѣ* не найдется искомаго имъ отвѣта не можетъ. И отвѣтъ этотъ дѣйствительно находится.

Попала въ котелъ мышь. Котелъ сталъ несомнѣнно поганымъ, ибо кому же неизвѣстно, что мышь — нечисть, погань, *харамъ*. Какъ быть? Ъсть изъ этого котла — осквернишься; бросить его — жалко, тоже вѣдь онъ денегъ стоитъ, а взять ихъ не откуда.

Идутъ къ книжнику. „Какъ быть?“ Книжникъ шаритъ въ книгахъ и отвѣтствуетъ такъ: „если котелъ, въ который попала мышь, собака или другая нечисть, сдѣлавшійся вслѣд-

ствіе того поганымъ, трижды накалить, трижды вымыть и трижды высушить — онъ сдѣлается чистымъ, *халляль*“.

На глазахъ туземца *шаріатъ* разрѣшаетъ такую массу мелочныхъ вопросовъ, что ему, сарту, дѣйствительно одно только и остается — увѣривать въ несуществованіе такихъ вопросовъ, которыхъ не могъ бы разрѣшить этотъ *шаріатъ*. Онъ и вѣруеть въ это и къ этой вѣрѣ присовокупляетъ другую: книга, если только она древняго происхожденія, если она произведеніе одного изъ извѣстныхъ въ мусульманскомъ мірѣ лицъ — не можетъ врать; все изложенное въ ней истина. Оттого всѣ новыя книги, а равно и тѣ, содержаніе которыхъ не имѣетъ общности съ богословіемъ и правомъ, находятся въ сравнительномъ пренебреженіи<sup>(1)</sup>.

Отсюда читатель самъ уже можетъ составить нѣкоторое представленіе о томъ, какъ ничтожны научныя знанія въ средѣ не только народа, но даже и грамотныхъ людей.

Знанія по математикѣ не идутъ далѣе первыхъ правилъ ариметики, извѣстныхъ сравнительно очень небольшому числу лицъ. Между людьми слывущими за наиболѣе образованныхъ намъ не пришлось встрѣтить ни одного, имѣвшаго хоть какое нибудь научное представленіе о дробяхъ.

По анатоміи извѣстно, что у животныхъ есть мозгъ, сердце, печень, кровеносныя жилы, кишки, легкія и, пр., но какія соотношенія существуютъ между всѣмъ этимъ, этого не скажетъ вамъ ни одинъ изъ мѣстныхъ, сартовскихъ врачей.

Исключеніемъ представляется, строго говоря, одинъ только историческій отдѣлъ знаній, и то лишь въ отношеніи исторіи Востока.

Медицина процвѣтаетъ, но только въ томъ смыслѣ, что ежедневно предлагаются тысячи самыхъ несуразныхъ совѣтовъ и ежедневно же съѣдается, выпивается, прикладывается и намазывается цѣлая прорва иногда далеко не безвредной дряни.

Большинство медицинскихъ книгъ бомбейскаго изданія; всѣ почти на персидскомъ языкѣ, похожи одна на другую

(1) Исключеніемъ является поэзія. Однако и здѣсь стариннымъ авторамъ отдается явное предпочтеніе передъ новѣйшими.

и привозятся сюда непосредственно изъ Индіи. Мѣстные медицинскія книги, написанныя на мѣстномъ же, узбекскомъ языкѣ, очень рѣдки, а по содержанию мало чѣмъ отличаются отъ бомбейскихъ.

Одна изъ такихъ книгъ лежитъ въ настоящую минуту передъ нами, и мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выдержекъ въ русскомъ переводѣ, дабы познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ мѣстной медицины.

Книга носитъ названіе: *Шифа и-клубъ*, что въ подстрочномъ переводѣ означаетъ — *излеченіе сердца*; а такъ какъ въ переносномъ смыслѣ сартовское *сердце* равнозначно русскому *нутру*, то заглавіе это правильнѣе будетъ перевести такъ: *излеченіе внутреннихъ болѣзней*.

Какъ и всё вообще мусульманскія книги, будь то хотя бы даже сборникъ анекдотовъ, *Шифа-и-клубъ* начинается словами: „*Бисмъ-илля ар-рахманъ ар-раймъ*“ — во имя Бога милостиваго, милосердаго. (Этой же фразой начинается Коранъ и эта же фраза произносится при началѣ каждого дѣла). Далѣе говорится о несомнѣнно божественномъ происхожденіи медицины, послѣ чего уже слѣдуютъ 35 главъ, въ которыхъ излагаются способы леченія разныхъ болѣзней. Вотъ отрывки изъ нѣкоторыхъ.

**Глава 1.** . . . . Головная боль. Цвѣты мальвы и цвѣты колючки вскипятить въ водѣ и натирать этимъ настоемъ ноги ниже колѣна, пребывая въ спокойствіи....

**Глава 5.** . . . . Ушная боль. Если она происходитъ отъ разлитія желчи, то признаки болѣзни: желтизна лица и глазъ. Средство — настой изъ фіалки.

**Глава 8.** . . . . Растрескиваніе губъ. Если оно происходитъ отъ желчи, то признаки болѣзни: горечь во рту, сухія губы, жесткій языкъ. Средство — давать слабительное (для уменьшенія желчи) и мазать губы мазью изъ шафрана.

**Глава 9.** . . . . Опухоль десенъ. Признаки болѣзни: если она происходитъ отъ крови, то десны постоянно болятъ, и во рту образуются трещины крововъ; если отъ желчи, то горечь во рту; если отъ мокроты, то опухоль мягка и цвѣтомъ бѣлая. Средство: если болѣзнь происходитъ отъ первой причины, то слѣдуетъ

пустить кровь, а если отъ другихъ (причинъ), то принимать слабительное, соответствующее этимъ причинамъ.

**Глава 11.** . . . . Если въ груди заведутся черви, то полоскать глотку смѣсью 10 золотниковъ сахара, вскипяченнаго въ чайной чашкѣ воды, и 5 зол. соли, тоже вскипяченной въ такомъ же количествѣ воды....

**Глава 12.** . . . . Язвы на легкихъ. Признаки болѣзни: постоянный жаръ; при кашлѣ отдѣляется гной; если этотъ гной отдѣлить отъ слюны и бросить въ огонь, онъ издастъ дурной запахъ, а въ водѣ тонетъ. Средство: пить ослиное молоко и примѣшивать къ пищѣ сокъ ячменя.

**Глава 25.** . . . . Полная импотенція мужчины. Происходитъ отъ того, что *аб-манъ* изъ жидкаго обращается въ твердое. Средство: примѣшивать къ пищѣ тминъ и инбирь, и ѣсть мясо цыпленка. . . .

**Глава 26.** . . . . Отъ неплодія — ѣсть языкъ зайца. . . .

Въ предисловіи къ другой подобной же книгѣ говорится, что какъ стихіи, такъ и болѣзни, и равно и лекарства отъ этихъ болѣзней раздѣляются на *горячія* и *холодныя*.

Такъ какъ пища и питье могутъ различно вліять на состояніе человѣческаго организма, то къ нимъ относятся какъ къ лекарствамъ, а потому и они тоже подраздѣляются на горячія (*иссыкъ*) и холодныя (*саукъ*).

Медикаменты, которыми пользуются туземные врачи, до-нельзя разнообразны. Цвѣты и корни различнѣйшихъ, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ растений, квасцы, купоросы, сушенныя змѣи и ящерицы, варенныя, печенныя и сушенныя овощи и фрукты, известь, сѣрная кислота, ртуть, воскъ и медъ, привозимые сюда изъ Семирѣчья и пр.

По большей части всё это дается въ видѣ различнѣйшихъ соединеній.

Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ лекарствъ считается *мумія*. Изъ чего и какъ эта мумія готовится намъ достовѣрно неизвѣстно; мы знаемъ только, что цвѣта она обыкновенно желтаго или красноватаго, вкусъ неприятный, горькій; на базарахъ продается около 20 к. за кусочекъ

съ горошину и рекомендуется какъ *внутреннее* средство при порѣзахъ, вывихахъ, переломахъ костей и многихъ другихъ болѣзняхъ.

Большинство сартовъ того мнѣнія, что *мумий* готовится въ Китаѣ (или Тибетѣ) двумя способами: или изъ сока какого то тамошняго растенія, или же изъ человѣческаго жира. Что касается до второго способа приготовления, то каждый описываетъ его по своему. Одни упоминаютъ о китайскихъ покойникахъ; другіе болѣе склонны думать о ловлѣ и откармливаніи китайцами людей, предрасположенныхъ къ ожиренію. Какъ бы то ни было, но общественное мнѣніе стоитъ за приготовленіе *мумий* изъ человеческого жира и стоитъ за это настолько твердо и непоколебимо, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ уѣздовъ области производилось даже слѣдствіе, имѣвшее нѣсколько оригинальный характеръ, ибо у туземныхъ сельскихъ властей явилось подозрѣніе, не было ли совершенно происшедшее тамъ убійство съ цѣлью приготовленія *мумий*.

Отъ коклюша, который по сартовски называется *күкь-юталь* (синій кашель) и которымъ въ кокандскомъ уѣздѣ болѣли двое нашихъ сыновей, намъ совѣтовали нижеслѣдующія средства: 1) зарыть въ землю пять синихъ куколъ; 2) привѣсить къ больному нѣсколько перьевъ сизоворонки (*күкь-карта*); 3) повѣсить нѣсколько синихъ тряпокъ на *мазаръ*, могилѣ какого нибудь святого; 4) кормить больного яйцами, окрашенными въ синюю краску или, наконецъ, 5) у перваго проѣзжающаго на сѣрой лошади (*күкь-атъ*) въ синемъ или сѣромъ халатѣ (*күкь-тунъ*) спросить, какое средство отъ коклюша. Что онъ скажетъ, то и дѣлать.

### ЖИЛИЩЕ И УТВАРЬ.

Главнѣйшими, основными матеріалами всехъ вообще туземныхъ построекъ служатъ: глина (вѣриѣ—лѣссь) и дерево, по преимуществу тополь и таль. Изъ первой выводятся стѣны зданій и заборы; второе идетъ на столбы, подпорки, прогоны, двери, оконныя рамы и кровли.

Строительными продуктами глины являются: 1) сырцовый кирпичъ; 2) *цалъ* — эллиптической формы комки около 6 вершковъ длиною и 4 в. въ поперечномъ діаметрѣ; дѣлаются они изъ густого глинянаго тѣста съ примѣсью *самана* (мелкая солома) и сушатся на солнцѣ также, какъ и сырцовый кирпичъ; 3) *лой* — растворъ глины съ примѣсью *самана* или безъ него.

Жженный кирпичъ употребляется сравнительно очень рѣдко, но большей части только при сооруженіи такихъ общественныхъ зданій, какъ медресе, каравансарай и пр. и никогда почти при постройкѣ частныхъ жилищъ и другихъ частныхъ же зданій (за исключеніемъ ихъ фундаментовъ).

Стѣны (*диваль*), всегда нѣсколько суживающіяся къверху, очень рѣдко выводятся изъ кирпича, идущаго главнымъ образомъ на устройство нишъ и каминовъ, а гораздо чаще изъ комковъ—*цалъ*, которые кладутся рядами на глиняномъ растворѣ—*лой*.

Другой не менѣе распространенный типъ стѣны — такъ называемая *пахса-диваль*, глинобитная стѣна.

Такая стѣна, толщина которой, въ среднемъ, бываетъ рѣдко болѣе 1 арш., выводится слоями *пахса*, каждый отъ 1 до 1 1/2 арш. высотой, сбиваемыми изъ густого глинянаго тѣста, приготовляемаго накануне двѣ работы.

Такъ какъ слои такой *пахса-диваль* всегда растрескиваются при высыханіи въ вертикальномъ направленіи, то послѣдующій слой кладется не ранѣе того, какъ достаточно обсохнетъ и потрескается предъидущій, нижній, дабы не получалось большихъ трещинъ, идущихъ непрерывно черезъ нѣсколько слоевъ.

Когда стѣны возводимой постройки готовы, вдоль внутренней стороны двухъ параллельныхъ стѣнъ данной комнаты прокладываются мауэрлаты (*сарду*) на стойкахъ такъ, чтобы верхній край *сарду* находился бы приблизительно на 1/2 арш. ниже верхняго края стѣны. На мауэрлаты кладутся балки въ разстояніи около 1 арш. одна отъ другой, а на нихъ наложки (*васса* — обрѣшетникъ), поверхъ которыхъ настилаются камышевыя плетенки; на плетенки кладутся слои камыша, *самана* и сухой сорной травы, поверхъ чего насыпаютъ слой земли въ 1 1/2 верш. толщиной и смазываютъ *лодмъ*, придавая поверхности крыши слабый наклонъ въ ту

или другую сторону и вмазывая въ нѣсколькихъ мѣстахъ по краямъ крыши маленькіе деревянные желоба для стока дождевой воды.

Если строящееся помѣщеніе жилая комната, то внутри она отштукатуривается сначала начерно такъ, чтобы всѣ тѣ стойки, на которыхъ лежатъ мауэрлаты, ушли бы внутрь штукатурки. Въ промежуткахъ между стойками выдѣлываются ниши глубиною отъ  $\frac{1}{4}$  до  $\frac{1}{2}$  арш., окна и каминъ.

Отверстія для дверей и оконъ оставляются при возведеніи стѣнъ, но косяки вмазываются не при кладкѣ послѣднихъ, а послѣ.

Каминъ, глубиною около 1 арш. большей своею частью находится въ стѣнѣ, а меньшей выступаетъ наружу. Труба прямая, безъ задвижекъ и другого какого либо закрывающаго её приспособленія.

Двускатныя крыши — *шипанъ*, устраиваемыя иногда надъ небольшими строеніями въ Коканѣ и Маргеланѣ, сравнительно очень рѣдки также, какъ и крыши куполообразныя — *гумбазъ*. Послѣднія сооружаются по большей части изъ жженого, рѣже изъ сырцового кирпича надъ туземными банями, мечетями, въ нѣкоторыхъ медресѣхъ и могильными часовнями — *мазаръ*, возводимыми надъ прахомъ мѣстныхъ святыхъ и другихъ уважаемыхъ почему либо людей.

Религія запрещаетъ туземной женщинѣ показываться при постороннихъ мужчинахъ безъ покрывала и совѣтуетъ чтобы послѣдніе, по возможности, не слышали бы даже и ея голоса. Подобное постановленіе религіознаго кодекса не могло, конечно, не отразиться на общемъ характерѣ и расположеніи жилищъ.

Въ большинствѣ случаевъ, вездѣ тамъ, гдѣ это мало-мальски возможно при наличныхъ средствахъ данной семьи, дворъ дѣлится на двѣ, совершенно обособленныя половины: наружную, мужскую — *ташкарі* и внутреннюю, женскую, семейную — *ичкарі*.

Такого дѣленія двора на *ташкарі* и *ичкарі* мы не встрѣчаемъ только у наиболѣе бѣдныхъ семей, не имѣющихъ средствъ на сооруженіе построекъ въ двойномъ почти количествѣ или у такихъ, усадебные участки которыхъ настолько малы, что по своимъ размѢрамъ не допускаютъ раздѣленія ихъ на двѣ части. Въ этомъ случаѣ, удовлетворяя

требованіямъ религіи, туземецъ располагаетъ свои постройки такъ, чтобы при растворенной калиткѣ, ведущей на улицу, женщина, выходящая изъ сакли на дворъ, не была бы видима проходящимъ по улицѣ людямъ. Для этой цѣли очень часто передъ калиткой или воротцами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, выводится стѣнка не много выше чело-вѣческаго роста, заслоняющая собою отъ постороннихъ глазъ большую часть внутренности двора. Дворы такого рода встрѣчаются одинаково какъ въ городахъ, такъ и въ кишлакахъ, но въ послѣднихъ чаще, чѣмъ въ первыхъ.

РазмѢры двора никогда почти не бываютъ велики; въ городахъ, гдѣ усадебныя мѣста дороги, даже у наиболѣе состоятельныхъ лицъ *ташкарі* и *ичкарі* вмѣстѣ занимаютъ площадь земли не болѣе  $10 \times 15$  и  $15 \times 20$  саж.

Дворъ всегда окружается со всѣхъ сторонъ стѣной, ко внутренней сторонѣ которой жилия и надворныя строенія примыкаютъ своими тыльными частями, отчего окна никогда почти не выходятъ на улицу. Соещеніе съ послѣдней имѣется съ наружнаго двора — *ташкарі* черезъ калитку или небольшую воротца, средніе размѢры которыхъ не превышаютъ размѢра двухъ калитокъ средней же величины, почему верховые слѣзаютъ по большей части за воротами, а арбы со-всѣмъ не могутъ въѣзжать во дворъ и потому всегда остаются на улицѣ. Очень часто надъ воротами со внутренней ихъ стороны устраивается небольшой навѣсъ, такъ называемая *дарваздъ-ханъ*.

На наружномъ дворѣ, размѣщаясь самымъ различнымъ образомъ, находятся: 1) *мизманъ-ханъ* комната или, вѣрнѣе, помѣщеніе для гостей — мужчинъ; она состоитъ изъ комнаты съ навѣсомъ, а иногда, у богатыхъ людей, изъ двухъ комнатъ и навѣса между ними; 2) конюшни, по большей части въ видѣ открытыхъ навѣсовъ съ яслями вдоль стѣнъ.

Гораздо рѣже конюшня имѣетъ видъ квадратной, сплошь крытой постройки съ небольшимъ, около 2—3 кв. аршинъ, отверстіемъ по срединѣ крыши и яслями вдоль стѣнъ также, какъ и въ простыхъ конюшняхъ-навѣсахъ. Отдѣльныя стойла никогда почти не дѣлаются.

Кромѣ этихъ построекъ неперемѣнной принадлежностью каждаго мало-мальски порядочно устроеннаго двора явля-



ются: нѣсколько деревьевъ. одна или двѣ *сунды* или подъ деревомъ, или около стѣны и небольшой арыкъ, а если дворъ не особенно тѣсенъ, то прудъ — *хаузь* отъ 1 до 4 кв. саж. и одна-двѣ грядки цвѣтовъ: бархотки, астры, маргаритки, базиликъ, пѣтушій гребешокъ и бирючина.

*Сундою* называется глиняное (земляное) отъ  $\frac{1}{2}$  до 1 арш. высотой и отъ 3 до 5 арш. въ сторону возвышеніе. Лѣтомъ туземецъ рѣдко сидитъ въ комнатѣ, развѣ только въ самый жаръ. Если онъ не занятъ въ полѣ, въ лавкѣ, въ мастерской или на службѣ, и если *сунда* въ тѣни, а не на солнцѣ, онъ сидитъ, ѣсть, работаетъ и спитъ на ней.

Въ общемъ наружный дворъ содержится довольно чисто, а у людей состоятельныхъ, имѣющихъ прислугу, даже и очень опрятно. Его ежедневно метутъ, а лѣтомъ поливаютъ не менѣе двухъ разъ въ день — утромъ и вечеромъ.

Въ зажиточныхъ домахъ также чисто содержатся и конюшни, изъ которыхъ лѣтомъ, если онѣ крытыя, лошади выводятся на ночь и привязываются во дворѣ къ высокимъ, деревяннымъ приколамъ.

*Михманъ-ханъ* рѣдко состоитъ изъ одной только комнаты. Въ большинствѣ случаевъ къ ней или по переднему ея фасу, или же съ боку пристраивается навѣсъ отъ 4 до 7 арш. шириною съ такой же плоской земляной крышей, какъ и у всѣхъ другихъ туземныхъ построекъ, и иногда кромѣ того еще *джигитъ-ханъ*, комната для мужской прислуги и *ашиъ-ханъ*, кухня, коморка съ очагомъ или каминомъ на тотъ случай когда пища для гостей должна почему либо вариться не въ *ичкарѣ* женщинами, а въ *ташкорѣ* мужской прислугою<sup>(1)</sup>. Въ частныхъ домахъ размѣры средней *михманъ-ханъ* не превышаютъ 5 — 6 арш. ширины, 7 — 9 арш. длины и 4 — 5 арш. высоты.

(1) Иногда, и по большей части въ городахъ, надъ одной изъ построекъ наружнаго двора устраивается *бала-ханъ* (высокое помѣщеніе), родъ мезонина, маленькая обыкновенно комнатка, устраиваемая здѣсь или за недостаткомъ мѣста внизу, во дворѣ, или же для того, чтобы лѣтомъ, во время жаровъ, имѣлось помѣщеніе, возвышающееся надъ другими постройками и обдуваемое вѣтромъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ окна и двери *бала-ханъ* располагаются такъ, чтобы получался сквозной вѣтеръ.

Входная дверь всегда почти двустворчатая и нѣсколько ниже средняго человѣческаго роста; войти приходится слегка нагибаясь, отчего вступленіе въ комнату каждаго входящаго въ нее сопровождается легкимъ поклономъ, за которымъ слѣдуетъ установленное религіей и обычаемъ привѣтствіе: „*ас-саламъ-алеюкюмъ*“<sup>(1)</sup>.

Половинки двери ходятъ въ косякахъ, вмазываемыхъ съ наружной стороны стѣны, не на петляхъ, а на ножкахъ, коротенькихъ выступахъ самаго полотна двери, входящихъ въ углубленія, выдѣлываемыя въ порогѣ и притолокѣ. Дверь приговяется къ косякамъ очень не плотно; образуются большія щели, благодаря которымъ зимой температура комнаты мало отличается отъ температуры двора. Этому, впрочемъ, еще болѣе дверей способствуютъ окна и каминны съ ихъ прямыми, ничѣмъ не закрывающимися трубами.

Оконъ въ *михманъ-ханѣ* одно или два. Размѣры ихъ тѣ же почти, что и у двери; низъ окна лишь на вершокъ или на два выше пола комнаты (ибо свѣтъ нуженъ въ нижней части послѣдней, такъ какъ туземецъ, не знающій мебели, сидитъ, работаетъ и ѣсть на полу); ставни такого же устройства какъ и входная дверь. Рамы, если только онѣ есть, имѣютъ видъ тонкихъ деревянныхъ рѣшетокъ, оклеиваемыхъ на зиму бумагой.

У состоятельныхъ людей внутренность *михманъ ханъ* штукатурируется бѣлымъ алебастромъ; въ стѣнахъ выдѣлываются большія и маленькія ниши, изъ которыхъ послѣднія, также какъ и каминны, украшаются мелкими, узорными лѣпными работами; потолки и верхніе деревянные карнизы стѣнъ расписываются яркими красками (по преимуществу красный, желтый, синій и зеленый цвѣтъ), сусальнымъ золотомъ и мелкой, иногда чрезвычайно красивой и изящной рѣзьбой. Большинство узоровъ въ арабскомъ вкусѣ.

Каминъ всегда около или не подалеку отъ двери. Полъ земляной, плотно утрамбованный. Въ немъ выдѣлывается два углубленія: одно около  $1\frac{1}{2}$  арш. въ квадратѣ и  $\frac{1}{4}$  арш. глубиной у самой двери; въ этомъ углубленіи оставляются

(1) «А когда вы входите въ дома, то привѣтствуйте друга друга, желая мира, прося отъ Бога здравствования....» Коранъ. Глава 24. Ст. 61.

калоши; другое значительно меньше, но глубже, почти по срединѣ комнаты устраивается для углей, у которыхъ обогрѣваются зимою. Полъ комнаты, за исключеніемъ мѣста для калошъ и ямки для углей, застилается сначала камышевыми плетенками, а поверхъ ихъ кошмами или, что гораздо рѣже и только у богатыхъ людей, коврами.

Поверхъ кошмы или ковра въ около углубленія для углей, представляющаго собой, въ особенности зимою, центръ комнаты и вмѣстѣ съ тѣмъ ея наиболее уютную часть, стелется 2 — 3 *тишакъ*, узкихъ ватныхъ одѣяльца или тюфика изъ русской бумажной или туземной шелковой матеріи.

Въ состоятельныхъ домахъ въ одной изъ большихъ нишъ сложены ватныя одѣяла и плоскія ватныя же подушки; этими одѣялами и подушками пользуются ночующіе въ *михманг-ханѣ* гости. Европейецъ долженъ пользоваться ими крайне осмотрительно и лишь при условіи разныхъ предосторожностей и предохранительныхъ мѣръ; иначе на утро онъ ощутитъ на своемъ тѣлѣ присутствіе тѣхъ медленно движущихся насѣкомыхъ, которыя присущи туземному быту совершенно столько же, сколько присущи ему омовенія, *намъзы*, *селъмъ* при встрѣчѣ съ знакомыми и проч. и проч.

Послѣ всего, воочію видѣннаго, а частью даже и испытаннаго, невольно приходишь къ сомнѣнію въ существованіи такихъ сартовъ, нижнія одѣянія которыхъ не служили бы пристанищемъ такъ называемой *битъ*, къ которой туземецъ относится гораздо добродушнѣе чѣмъ къ блохѣ. Последнюю онъ положительно ненавидитъ. Она быстра въ своихъ движеніяхъ, по большей части неуловима и беспокоитъ его главнымъ образомъ въ жаркія лѣтнія ночи, когда и безъ нея житья нѣтъ отъ москитовъ и комаровъ.

Въ одной изъ нишъ около каминна стоитъ *чайдүшъ*, мѣдный кувшинчикъ библейской формы, а около него одна или двѣ *піалы*, маленькія, фарфоровыя или глазированные глиняныя чашечки, на манеръ нашихъ полоскательныхъ. Въ *чайдүшъ* кипятится вода и заваривается чай, а *піалы* замѣняютъ собою нашъ стаканъ или чайную чашку.

Если пьющихъ не болѣе 4 — 5, всѣ они пьютъ поочередно изъ одной и той же *піалы*; сначала изъ *чайдүша* наливаютъ одному, потомъ другому и т. д.

Пьютъ обыкновенно совсѣмъ безъ сахара, несмотря на то, что въ богатыхъ домахъ блюдо съ кусочками послѣдняго является обычно принадлежностью такъ называемаго *дастархана*.

*Дастарханъ* собственно значить — скатерть, но это же названіе присвоено у туземцевъ также и всему тому, чѣмъ угощаютъ гостя.

По туземному этикету вслѣдъ за пріѣздомъ послѣдняго и послѣ продолжительныхъ привѣтствій и взаимныхъ справокъ о здоровьѣ<sup>(1)</sup> передъ пріѣхавшимъ разстилается *дастарханъ*, широкое полотенце изъ цвѣтной бумажной или полупелюшковой матеріи, всегда въ большей или меньшей мѣрѣ засаленное, такъ какъ объ него принято обтирать руки, а мыть его считается совершенно лишнимъ; на *дастарханъ* становится подносъ (мѣдный или крашеный желѣзный) съ лепешками, изюмомъ и фиштакками, а у людей по богаче кромѣ того еще и нѣсколько блюдечекъ съ кусками сахара, леденцемъ, конфетами, халвой и др. сладостями (лѣтомъ вмѣсто сладостей подаются фрукты) и непременно чай, обыкновенно очень плохого качества, такъ называемый *акъ-куйрүкъ*.

Одинъ изъ присутствующихъ разламываетъ руками нѣсколько лепешекъ на куски и кладетъ ихъ всегда верхней стороной кверху же — иначе грѣхъ.

Откусывать отъ цѣлой лепешки считается крайнимъ неприличіемъ также, какъ напр. считается неприличнымъ сидѣть поджавъ ноги по турецки (*чаръ-зану*); всѣ благовопитанные туземцы садятся и сидятъ такъ: сначала становятся на нѣсколько раздвинутыя колѣна, а затѣмъ уже опускаютъ ягодицы на пятки, слегка наклоняясь корпусомъ впередъ.

Когда лепешки наломаны, и кусочки ихъ разложены на подносѣ, жестомъ руки и словами: „*мирванъ булдинъ*“ или „*мархаматъ кылынъ; нанй каранъ*“ (окажите милость; обратите взоръ вашъ на хлѣбъ) приглашаютъ гостя вкушать.

(1) «Ас-селъмъ-алейкүмъ!» «Алейкүмъ-ас-селъмъ!» «Здоровы ли вы?» «Слава Богу. Васъ слѣдуетъ спросить, какъ вы поживаете.» «Благодареніе Богу, живемъ по добру — по здорову.» «Семейство ваше здорово ли?» «Благодареніе Богу.» «Въ спокойствіи ли вы? Въ полномъ ли здоровьи?» и т. д.

Гость долженъ первый начать трапезу, при чемъ этикетъ требуетъ, чтобы онъ прежде всего съѣлъ хотя бы маленькій кусочекъ хлѣба. Затѣмъ уже онъ пьетъ чай, ѣстъ фрукты и пр. Начиная ѣсть, каждый произноситъ или шепотомъ, или въ полголоса: „*бисмъ-иллаъ ар-рахманъ ар-раймъ*“—во имя Бога милостиваго, милосердаго (¹).

Гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ *михманъ-ханъ* устраивается ходъ во внутренній дворъ. Обыкновенно это открытый, изогнутый подъ прямымъ угломъ корридорчикъ, образуемый глинобитными стѣнками, немного выше человѣческаго роста, и снабженный въ большинствѣ случаевъ одностворчатой дверью или калиткой.

Такимъ образомъ внутренность *ичкари* всегда остается невидимою съ наружнаго двора.

Размѣры *ичкари* или одинаковы съ *ташкари*, или меньше ихъ.

Въ *ичкари* находятся: жилия комнаты; кухня, у богатыхъ отдѣльная отъ жилого помѣщенія; маленькая кладовая—*хазина-ханъ*; хлѣвъ—*малъ-ханъ*, а иногда еще конюшня и хлѣбный амбарчикъ. Гдѣ нибудь между нежилыми постройками (или внутри конюшни) устраивается *бадрабъ* (отхожее мѣсто); яма роется очень глубокая, до 2—3 саж. глубиной; экскременты отдаютъ значительный процентъ содержащейся въ нихъ воды подпочвѣ (зачастую это пористые конгломераты), сгущаются и очень медленно возрастаютъ въ объемъ; благодаря значительной глубинѣ ямы, не исключая и самого жаркаго времени года, замѣчается полное почти отсутствіе даже и аммоніакальнаго запаха тѣмъ болѣе, что содержаніе *бадроба* (имѣющаго земляной полъ и деревянную настилку только надъ ямой и то покрытую слоемъ глины) всегда очень опрятно.

Хлѣвъ стараются строить такъ, чтобы одна изъ его стѣнъ примыкала или къ улицѣ, или къ саду (или огороду), если только послѣдній имѣется при домѣ. Въ этой стѣнѣ дѣлается отверстіе такой величины, чтобы въ него свободно проходила лопата съ навозомъ; послѣдній выбрасывается въ садъ или на улицу и лежитъ здѣсь иногда годами

(¹) «Видѣте то, надъ чѣмъ было произнесено имя Божіе....» Коранъ. Глава 6. Ст. 118.

въ видѣ коническихъ кучъ, примыкающихъ къ наружнымъ, уличнымъ стѣнамъ дворовъ и зданій. Оттого здѣсь, послѣ *дастархановъ* и нижняго бѣлья туземцевъ, ничто не грязно такъ, какъ большинство не только кишлачныхъ, но даже и городскихъ улицъ.

На внутреннемъ дворѣ, также какъ и на наружномъ, всегда почти есть два—три дерева, а иногда и нѣсколько виноградныхъ лозъ, арыкъ, а если гдѣ нибудь есть свободное мѣстечко, то и *сундъ*. Содержаніе *ичкари* въ общемъ значительно грязнѣе, чѣмъ содержаніе наружнаго, показнаго, такъ сказать, *ташкари*.

Число жилыхъ комнатъ во внутреннемъ дворѣ различно и соображается прежде всего, конечно, съ размѣрами семьи и съ ея средствами. Дѣти подростки спятъ по возможности отдѣльно отъ отца и матери, а въ случаѣ нѣсколькихъ женъ, каждую изъ нихъ туземецъ старается снабдить отдѣльнымъ помѣщеніемъ (¹). Но такъ какъ правомъ многоженства пользуются сравнительно не многіе, наиболѣе состоятельные люди и то главнымъ образомъ въ городахъ, то поэтому въ большинствѣ случаевъ внутреннихъ комнатъ бываетъ не больше двухъ. У бѣднаго же населенія всегда одна.

Устройство и убранство этихъ комнатъ въ среднихъ классахъ такое же, какъ и для *михманъ-ханъ* съ тою только разницею, что первыя отштукатуриваются алебастромъ и имѣютъ раскрашенные потолки рѣже вторыхъ. У бѣднаго люда въ жилой комнатѣ внутренняго двора очень часто нѣтъ оконъ, замѣняемыхъ отверстіемъ въ крышѣ; дверь маленькая, одностворчатая; полъ застилается кошмой не сплошь, а только въ половину комнаты. На этой кошмѣ въ повалку спать вся семья.

По устройству своему жилия комната внутренняго двора отличается отъ *михманъ-ханъ* тѣмъ только, что углубленіе для калошъ дѣлается гораздо болѣшихъ размѣровъ, а въ одномъ изъ его угловъ, обыкновенно въ сторонѣ отъ двери, ближе къ камину, вырывается глубокая, уширяющаяся къ низу

(¹) По *шариату*, въ случаѣ нѣсколькихъ женъ, каждая имѣетъ право требовать себѣ отъ мужа такую совершенно отдѣльную комнату, которая могла бы запирается на ключъ.

яма—*абризъ*, покрытая сверху или жерновомъ съ небольшою дырой по срединѣ, или желѣзною рѣшеткой, или же деревянною настилкой съ широкими щелями. Въ эту яму сливаются помои, и надъ нею-же дѣлаются омовенія.

Въ одной изъ большихъ нишъ, идущей отъ потолка до полу и устраиваемой обыкновенно противъ входной двери, стоитъ сундукъ, по большей части русской работы, окованный жестью; иногда онъ замѣняется шкафчикомъ, на глухо вдѣланнымъ въ нижнюю часть этой ниши. Здѣсь хранятся бѣлье, платье, лоскуты, часть посуды и др. домашняя рухлядь, или же сласти, горшки съ саломъ и масломъ и т. п. Поверхъ сундука на день складываются одѣяла и подушки.

Въ одномъ изъ угловъ, около сундука, — палка, приблизительно въ сажень длинной, укрѣпляется (въ горизонтальномъ направленіи, на высотѣ головы) своими концами въ двѣ изъ пересѣкающихся стѣнъ; на ней въ видѣ украшенія комнаты развѣшиваются шелковыя рубахи, камзолы и халаты хозяйки дома. Такимъ же украшеніемъ служатъ разставленные въ нишахъ мѣдные и крашеные жестяные подносы, *чайдѣши*, фарфоровыя чайники и чашки, не рѣдко гарднеровской работы, съ малиновыми и синими цвѣтами, аляповатой русской работы ящички и шкатулки съ женскими украшеніями, жестяные подсвѣчники мѣстнаго произведенія, съ широчайшими основаніями и салными огарками; сюда же случайно попадаетъ маленькая хрустальная вазочка и русскій пузырекъ изъ синяго стекла, когда-то вмѣщавшій въ себѣ растворъ ляписа, а теперь исправляющій должность табакерки. Хозяйка дома время отъ времени высыпаетъ изъ него на ладонь лѣвой руки щепотку мелко истертаго, темнозеленаго *насва* и помѣщаетъ его между щекой и десной. Подержавъ тамъ табакъ минутъ пять, она выплевываетъ его. Если это происходитъ въ комнатѣ и дама сидитъ, то она плюетъ или въ углубленіе, имѣющееся посреди каждой комнаты для углей (*атѣшиз-данъ*), или же отвертываетъ для этого край кошмы. На дворѣ она плюетъ, безразлично, во всѣ стороны и если неопытный европеецъ черезъ полчаса случайно изглянетъ на мѣсто такого плева, то онъ непременно подумаетъ, что тутъ сидѣла птица, продолжительно питавшаяся зеленью.

Въ зажиточныхъ семьяхъ зимой, когда температура туземнаго жилья мало чѣмъ отличается отъ температуры двора,

обогрѣваются такимъ образомъ. Въ *атѣшиз-данъ* кладется кучка хорошо прогорѣвшихъ углей; надъ ними устанавливается не высокій табуретъ—*сандаль*, покрываемый сверху однимъ или двумя ватными одѣялами. Сидятъ около *сандалья*, подсунувъ ноги подъ одѣяло. Нагрѣваются, понятно, однѣ только ноги.

Зимой у *сандалья* проводятъ большую часть дня и ночь; здѣсь работаютъ то, что можно работать при такомъ положеніи, ѣдятъ, ставя пищу поверхъ *сандалья*, и даже спятъ.

Если *сандаль* не успѣетъ совсѣмъ погаснуть и сильно настыть къ утру, то спать очень удобно и даже приятно, такъ какъ, приподымая одѣяло, можно пропустить теплый, нагрѣтый воздухъ, по желанію, до колѣнъ только, до пояса, до шеи. Утромъ голова, оставшаяся всю ночь на сравнительномъ холодѣ, всегда свѣжа, но за-то простудиться очень и очень легко.

Нельзя не удивляться, какъ туземцы не простуживаются и не мрутъ сотнями, благодаря ихъ дневному сидѣнью у *сандалья*. Наложить сартянка подъ *сандаль* свѣжихъ углей и грѣть босыя ноги; нажжетъ ихъ до того, что чуть кожа не трескается, встаетъ, надѣваетъ калоши на босу ногу, идетъ на дворъ, стоитъ тамъ полчаса, часъ, приходитъ назадъ, въ комнату, опять садится у *сандалья*, опять грѣть ноги, опять выскакиваетъ на дворъ, и такъ ежедневно, на каждомъ шагѣ и всегда почти безо всякихъ сколько нибудь серьезныхъ и немедленныхъ же послѣдствій. Случаи простудъ и ревматизмовъ бывають, конечно, но, по видимому, далеко не въ такомъ числѣ, какого можно было бы ожидать при такомъ широкомъ игнорированіи основныхъ правилъ гигиены.

Въ бѣдныхъ семьяхъ *сандаль* большая рѣдкость, ибо угли сравнительно дороги, а потому здѣсь обогрѣваются у *камина* (*учѣкъ*)<sup>(1)</sup>,

(1) Въ некоторыхъ кишлакахъ Наманганскаго уѣзда (переселенцы изъ окрестностей г. Туркестана, пришедшіе сюда около 100 лѣтъ тому назадъ) устраиваютъ такъ назыв. *иръ-учѣкъ* (земляная печь). Подъ землянымъ поломъ сакли складывается небо бшая печь, труба которой подъ поломъ же выводится черезъ одну изъ стѣнъ наружу. Сама печь служитъ для приготовленія пищи, а труба

Постель стелется головой или къ сѣверу, или къ западу, рѣже къ югу и никогда къ востоку. Укладываясь на новомъ мѣстѣ, туземецъ прежде всего соображаетъ, гдѣ *кыбд* — сторона священной мечети, ибо въ Коранѣ сказано: „—гдѣ бы вы ни были, обращайтесь лица ваши къ ней, . . .“ (Гл. 2 ст. 145). Внизъ стелется одѣяло, сложенное пополамъ <sup>(1)</sup>; поверхъ его въ изголовье кладется или плоская (*курâкъ*), сшитая изъ лоскутовъ разныхъ матерій, или цилиндрическая подушка (*балъиз*), изъ кумача, ситца или туземной полуселковой матеріи.

Простыня—*чайшâбъ* — употребляется очень рѣдко; дѣлается же она обыкновенно изъ свѣтлаго съ мелкимъ узоромъ ситца.

Вторымъ одѣяломъ покрываются; чаще, впрочемъ, особенно въ холодъ, въ него завертываются, подкладывая одну половину подъ себя.

Вся вообще пища, за исключеніемъ хлѣба, готовится въ котлѣ. Топливомъ служатъ главнымъ образомъ сорныя травы, стебли хлопчатника, ежегодно обрѣзываемыя тощія вѣтви виноградника и пр.

Къ искусственно—выращенному, культурному дереву сартъ относится очень осторожно и сравнительно рѣдко пользуется его древесиной въ видѣ дровъ. Угли выжигаются преимущественно въ горныхъ, дикорастущихъ лѣсахъ.

Тѣсто замѣшивается въ большой глиняной чашкѣ—*тагарâ*, около аршина въ поперечникѣ. Размивается же оно и валяется на бѣлой сыромятной козьей кожѣ, назыв. — *сурпâ*; завернутое въ *сурпû* же и покрытое сверху еще чѣмънибудь, оно киснетъ отъ 2 до 4 часовъ, смотря по температурѣ воздуха. (Въ обыкновенное время *сурпû* всегда вѣ-

нагрѣваетъ значительную часть пола, на которой спитъ вся семья. Такого же рода отопленіе или, вѣрнѣе, нагрѣваніе половъ практикуется въ Кульдѣ и, кажется, въ Кашгарѣ.

<sup>(1)</sup> Одѣяла, всегда ватныя, отъ 2½ до 3 арш. въ квадратѣ, дѣлаются изъ ситца, тика, или же изъ туземныхъ, какъ бумажныхъ, такъ равно и шелковыхъ матерій.

шаютъ гдѣнибудь на колышкѣ, иначе, гласитъ народная примѣта, не будутъ водиться деньги).

Хлѣбъ всегда, въ видѣ лепешекъ разной величины, печется въ особой печи, называемой *тануръ* или *тандуръ*. *Тануры* приготовляются особыми мастерами *танурчй* слѣдующимъ образомъ. Изъ глины, смѣшанной съ конской шерстью, или съ шерстью рогатаго скота, приобретаемой отъ кожевниковъ, готовится густое тѣсто, которое размивается въ тонкіе пласты около ½ дюйма толщиной, 1½ арш. шириной и 2 - 2½ арш. длиною.

Раскатанный и тщательно выравненный пластъ оставляется часа на 1½ на солнцѣ для того, чтобы онъ слегка окрѣпъ. Затѣмъ его осторожно изгибаютъ по длинѣ, придавая форму цилиндра, одно изъ основаній котораго нѣсколько суживаютъ; шовъ замазывается глиной, а на суженный конецъ надѣвается обручъ, приготовляемый изъ того же матеріала, изъ котораго сдѣланъ и самъ *тануръ*.

Для печенія хлѣба *тануръ* приспособляется такимъ образомъ. Къ одной изъ стѣнъ двора, изъ комковъ—*гуалъ*, пристраивается возвышеніе, верхній край котораго нѣсколько выше пояса. Поверхъ такого стула *тануръ* кладется плашмя, такъ, чтобы широкое его отверстіе плотно прилегало къ стѣнѣ, а узкое, скрѣпленное обручемъ, смотрѣло бы наружу. Затѣмъ поверхность всего этого сооруженія оштукатуривается глиной, а въ верхней части *танура*, у самой стѣны, выламывается небольшое отверстіе для выхода дыма, закрываемое послѣ топки комкомъ глины, камнемъ или чѣмъ либо подобнымъ.

Большая часть домашней посуды глиняная; мѣньшая—мѣдная, чугунная и деревянная.

Большія чашки, около аршина въ діаметрѣ—*тагарâ*—для замѣшиванія тѣста, заквашиванія молока, если его въ хозяйствѣ много, для промывки риса на *палâу* и проч.; чашки средней величины—*касâ*, въ которыхъ продается разная жидкая пища; *хурмачâ*—средней же величины чашки съ ушками, въ которыхъ держатъ молоко, привѣшивая ихъ за ушки или къ потолку, или колышкамъ, вбитымъ въ стѣну, дабы предохранить молоко отъ мышей; *палâ*—чайныя чашки; блюда—*табакъ* (или *тавакъ*) всегда круглыя—вся эта посуда глиняная, поливная (*санâль*), или глазированная (*чинъ*, *чинâ*).

Кувшины— *куза*— для воды (въ нихъ же держатъ виноградную патоку и др. жидкости, а также масло и сало) съ широкими и узкими горлышками, самой разнообразной величины, а также большія и малыя корчаги, обожженные только, но не облитыя. Съ формою этихъ кувшиновъ и корчагъ читатель, конечно, давно уже знакомъ изъ видѣнныхъ имъ картинъ библейскаго содержанія.

Этого же типа мѣдные, или чугуныя кувшины— *кумъны*— для кипяченія воды; умывальники— *афтаба* и чайники— *чайдунъ*. Послѣдніе всегда почти изъ мѣди.

Ложки деревяныя, очень грубой, аляповатой работы, съ длинными, тонкими ручками и носкомъ не спереди, а у лѣваго края.

Деревяныя чашки и блюда (орѣховыя, или таловыя) у осѣдлаго населенія мало употребительны.

Лапша, тѣсто для широжковъ и пр. приготовляются на доскѣ (*ашъ—тахтѣ*) около 6 вершк. ширины и 1 арш. длины. Поверхность *ашъ тахтѣ* слегка выпукла, а сама она стоитъ на четырехъ маленькихъ ножкахъ<sup>(1)</sup>.

Въ бѣдныхъ семьяхъ такое зерно, какъ рисъ, просо и джугаръ, обдирается дома въ большихъ деревянныхъ ступахъ— *аырз*, или *килѣ*. Пестъ деревянный же, толщиной въ руку и длиной отъ 1½ до 2 арш.; по срединѣ онъ нѣсколько уширяется и имѣетъ здѣсь сквозную дыру, вслѣдствіе чего образуется двѣ ручки. Работа эта лежитъ на женщинахъ. Обыкновенно же зерно обдирается на *абъ-джудъ-зихъ*, крупорушкахъ, приводимыхъ въ движеніе водою.

Свѣчи (сальныя) употребляются или состоятельными людьми, или тѣми, кто занятъ чтеніемъ, письмомъ и др. подобными работами. Все остальное жжеть въ ночникахъ— *чиръизъ*— льняное, или кунжутное масло. *Чиръизъ*, глиняный или чугуныя, ставится на чугуныю же, или деревянную

(1) Есть примѣта, что *ашъ-тахтѣ*, поставленная не на ножки а на ребро, предвѣщаетъ покойника. Сартянки рассказываютъ, что такъ называемыя *юучи*, женщины, специально занимающіяся омовеніемъ женскихъ же труновъ и получающія за это особое вознагражденіе, никогда не упускаютъ, будто бы, случая поставить въ чужомъ домѣ *ашъ-тахтѣ* на ребро.

подставку, — *чиръизъ—пай*. Фитиль всегда скручивается изъ ваты. Масло держится или въ горлянкахъ, или въ *кыйма*, очень прочныхъ кувшинчикахъ, приготовляемыхъ изъ *кунджуръ*, маслостойкихъ жмыховъ.

Въ городахъ почти у каждаго состоятельнаго человѣка есть садъ, а у богатыхъ даже и не одинъ. Если семья живетъ не въ самомъ центрѣ города, то садъ по большей части при домѣ, въ противномъ случаѣ онъ гдѣ нибудь на окраинѣ города.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ площадь его рѣдко бываетъ болѣе одной десятины, а по внутреннему своему расположенію онъ напоминаетъ столько же садъ, сколько и огородъ. Дорожекъ никогда почти нѣтъ. Вдоль глинобитнаго забора въ одинъ или въ два ряда тѣловыя, тополевыя и рѣже такія фруктовыя деревья, какъ вишня, яблоня, или слива.

Значительная часть внутренняго пространства сада занята виноградникомъ и рѣдко разсаженными кустами граната.

Лозы у здѣшняго винограда длинныя. Кусты сажаются двумя параллельными рядами, разстояніе между которыми около 4—5 аршинъ. Между двумя такими рядами кустовъ, изъ сырыхъ таловыхъ жердей, устраиваются дуги, концы которыхъ врываются въ землю; высотъ дугъ обыкновенно нѣсколько больше человѣческаго роста. Дуги соединяются между собою или тонкими жердями, или жгутами, свитыми изъ камыша; къ послѣднимъ привязываются лозы и, если виноградникъ уже взрослый, то получается сплошь закрытая бесѣдка или, вѣрнѣе, корридоръ, стѣны и крыша котораго образуются мелкими вѣтвями и листвою лозъ. Если такихъ корридоровъ нѣсколько, то они примыкаютъ другъ къ другу своими продольными сторонами вплотную.

На остальной части сада ежегодно засѣваются дыни, тыквы, арбузы, морковь и лукъ, а иногда и нѣсколько грядъ кукурузы.

Фруктовыя деревья разбросаны въ большинствѣ случаевъ въ совершенномъ безпорядкѣ по сторонамъ виноградника, между грядами огорода или по обочинамъ проходящаго черезъ садъ арыка.

Если садъ не особенно малъ, то гдѣ нибудь неподалеку отъ входа въ него—прудъ, около 1½—2 саж. въ квадратѣ, съ большими, раскидистыми талами, или карагачами по сторонамъ. Здѣсь же, въ тѣни деревьевъ, одна или двѣ *сунги*.

Иногда надъ частью пруда устраивается прочная веревочная сѣтка, на которой сидятъ днемъ и спать ночью въ прохладѣ, даваемой испареніями пруда.

Если садъ находится при домѣ, то въ немъ никакихъ построекъ нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, смотря по средствамъ, устраивается одна или двѣ комнаты для семьи и небольшая конюшня для лошадей.

У людей состоятельныхъ очень часто такое дачное помѣщеніе ничѣмъ не отличается отъ городского.

Въ кишлакахъ сады сравнительно рѣдки, но за то при каждомъ почти домѣ имѣется *хайтъ*, нѣчто вродѣ огорода, гдѣ сѣютъ дыни, тыквы, кукурузу и люцерну. Вдоль заборовъ *хайта*, также какъ и въ садахъ, одинъ или два ряда деревьевъ, по большей части, *тутъ*, листьями котораго кормятъ шелковичныхъ червей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ маргеланскаго, кокандскаго и намаганскаго уѣздовъ, гдѣ производятся большіе посѣвы дынь, туземцы переселяются со своими семьями на бахчи и живутъ здѣсь въ шалашахъ. На бахчи переселяются обыкновенно не ранѣе Мая, т. е. того времени, когда дыни начинаютъ завязываться.

### НАРУЖНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ И ЕЯ ОДЕЖДА.

Преобладающій ростъ туземныхъ женщинъ средній и низкій. Рослая въ кишлакахъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ городахъ. Въ силу тѣхъ нищевыхъ условій, о которыхъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже, туземная дѣвушка развивается далеко не быстро, а замужъ выходитъ рано, въ среднемъ на 13-мъ или 14-мъ году; оттого, по выходѣ замужъ, молодая женщина довольно долго, а иногда и очель сильно растетъ. Существуетъ даже повѣрье или замѣчаніе, что новобрачная растетъ тѣмъ больше и быстрѣй, чѣмъ больше ей нравится ея мужъ.

Полныя женщины встрѣчаются довольно часто. Большинство предрасположено къ полнотѣ и въ зрѣломъ возрастѣ быстро толстѣетъ, попавъ въ хорошія жизненныя условія. Полнота считается однимъ изъ непремѣнныхъ условій красоты; часто красавицей называютъ чуть не урода съ пышными атурами и здоровымъ цвѣтомъ лица. Полнѣтѣ женщины начинаютъ обыкновенно не ранѣе 19—20 лѣтъ и по большей части уже послѣ рожденія перваго ребенка.

Тѣлосложеніе очень рѣдко бываетъ правильнымъ. У большинства замѣчаются несоразмѣрно длинныя торсы, что, впрочемъ, въ значительной степени скрадывается покроемъ верхняго платья; въ случаѣ же отсутствія большихъ, хорошо развитыхъ грудей, торсъ одинаково, какъ спереди, такъ и сзади, крайне плоскій. Въ силу этихъ недостатковъ тѣлосложенія рѣдкая туземная женщина, одѣтая въ европейское платье, имѣетъ сколько-нибудь приглядный видъ.

Тазы большинства, какъ полныхъ, такъ равно и сухощавыхъ субъектовъ.—широкіе. Случаи смерти во время родовъ не рѣдкость, но, принимая во вниманіе полное отсутствіе научныхъ знавій въ сферѣ акушерства, можно думать, что причинами большинства этихъ случаевъ является не природная узкость таза, а скорѣе неправильное положеніе плода и другія патологическія состоянія беременныхъ, являющіяся въ результатѣ неудовлетворительности гигиеническихъ условій, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаемъ это потому, что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, а во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ зимою. Къ сожалѣнію статистическихъ данныхъ этого рода, также какъ и данныхъ о рождаемости и смертности, до сихъ поръ не имѣется, а потому, не позволяя себѣ говорить что-либо утвердительно, мы рѣшились высказать одно лишь наше предположеніе.

Форма головы по большей части неправильна. Особенно часто встрѣчаются широкіе и плоскіе затылки. Причиною этого мы склонны считать то обстоятельство, что ребенокъ въ продолженіи не менѣе года лежитъ въ *бишкѣ*, на деревянное дно котораго подъ головку дитяти подстилается или тонкій ватный тюфичекъ, или такая же тонкая ватная подушечка. Вата быстро сваливается и теряетъ упругость, а

подушка дѣлается на столько твердой, что не можетъ не вліять на правильность развитія затылочной кости. Высокіе, большіе лбы у взрослыхъ почти не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко, но недостатокъ этотъ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно искусно, хотя и не всегда сознательно, замаскировывается женщинами *дурачей*, о которой подробнѣе мы упомянемъ ниже. Цвѣтъ кожи по преимуществу смуглый съ самыми разнообразными оттѣнками до такъ называемаго цвѣта нечищеннаго сапога включительно. Бѣлая, пѣжная кожа встрѣчается, правда, но сравнительно очень рѣдко; о такихъ лицахъ туземцы говорятъ: „*пахтѣ-дѣкѣ*“ — какъ вата — и отдаютъ имъ безусловное предпочтение другими предпочтеніе, если только цвѣтъ волосъ не слишкомъ свѣтлый. Женщины со свѣтло русыми волосами встрѣчаются не часто, а блондинки и рыжія очень рѣдкия исключенія и находятся у туземцевъ въ совершенномъ пренебреженіи. Одинаково съ этимъ не одобряются и сѣрые глаза, въ общемъ довольно рѣдкіе. У большинства они каріе и черные.

Блѣдный, болѣзненный, испитой цвѣтъ лица встрѣчается довольно рѣдко и то главнымъ образомъ въ средѣ того лишь люда, который постоянно живетъ въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, особенно Кокана и Маргелана, отличающихся крайне неудовлетворительными гигиеническими условіями. Румянецъ между молодыми туземными женщинами далеко не рѣдкость.

Лица можно раздѣлить на три типа: монгольской, персидской и средній.

Первые два, конечно, извѣстны читателю, а потому и говорить о нихъ мы не будемъ. Средній типъ, происшедшій отъ смѣшенія монгольскаго съ персидскимъ, въ средѣ осѣдлаго населенія сартовъ, можетъ быть названъ преобладающимъ. Лица этого типа, по большей части, круглыя, у жепцивъ не рѣдко очень плоскія. Разстояніе между глазами обыкновенно довольно велико. Черты лица всегда почти неправильныя. Верхняя губа очень часто тоньше нижней; во время молчанія она нѣсколько западаетъ, при чемъ иногда собирается въ вертикальныя складки, что придастъ лицу нѣсколько злое выраженіе. Карій цвѣтъ глазъ преобладающій, а брови, по большей части, очерчены не такъ рѣзко и пра-

вильно, какъ у другихъ. Этому типу, болѣе чѣмъ остальнымъ двумъ, присущи полнота, нѣжный цвѣтъ кожи и свѣтлые оттѣнки волосъ. Узкіе, наискось прорѣзанные глаза, такъ называемые *битъ-кузъ*, довольно рѣдки. Уши у большинства большія и нѣсколько оттопыренные.

Благодаря разнообразію типовъ, было бы очень трудно дать какое нибудь общее представленіе о господствующемъ выраженіи женскихъ лицъ. Однако же, всматриваясь въ послѣднія, нельзя не замѣтить, что выраженіе энергіи по всемѣстности и во всѣхъ слояхъ женскаго туземнаго общества преобладаетъ надъ апатіей. Апатичное выраженіе, такъ часто встрѣчающееся между мужчинами, у женщинъ сравнительно очень рѣдко. Чаше другихъ можно встрѣтить выраженіе лица, а въ особенности глазъ, хитрое, плутоватое или пронизательное и вдумчивое.

Ровные и крѣпкіе передніе зубы, по долгу сохраняющіе бѣлизну, были бы не рѣдкостью, если бы многія изъ туземныхъ женщинъ не имѣли обыкновенія красить зубы черной краской *тышхалѣ*, которая, будучи разъ положена на зубы, не сходитъ потомъ съ нихъ очень долго. Дупла въ зубахъ встрѣчаются очень часто, какъ между женщинами, такъ и между мужчинами. Страдаютъ, по преимуществу, коренные зубы. Очень возможно, что главнѣйшей причиною этихъ болѣзней является пріяніе зимою горячей пищи на морозѣ. (1) Думаемъ это потому, что въ общемъ и мужчины и женщины обращаются съ зубами очень осторожно; такъ напр. никогда не грызутъ орѣховъ, или фисташекъ; не обрываютъ зубами нитокъ и пр. Это во первыхъ, а во вторыхъ они очень рѣдко ѣдятъ такіе продукты, какъ сахаръ, конфекты и т. п., такъ какъ большинство не имѣетъ на это средствъ.

Родинка считается однимъ изъ лучшихъ украшеній лица. Выраженіе *халь-дѣръ* — имѣющая родинку — почти равносильно слову красивая. Веснушки встрѣчаются довольно рѣдко и, главныхъ образомъ, у женщинъ со свѣтлыми и рыжеватыми волосами.

(1) Температура большей части туземныхъ жилищъ въ это время года ниже 0°



Послѣдніе у большинства густы и длинны, но всегда почти очень жестки; мягкіе волосы, не только между жепци-намп. но даже и между дѣвочками, большая рѣдкость.

Въ городахъ молодая женщины до рожденія перваго, а иногда даже и второго ребенка, заплетаютъ волосы у затылка въ нѣсколько, 4-8, мелкихъ косъ; оттого молодуха здѣсь называется *бѣшъ-какулъ* (пять косъ). Обыкновенная же прическа замузей женщины двѣ косы.

Рядъ всегда прямой. Въ Наманганѣ тщательно приложенные спереди волосы спускаются по верхней части лба двумя большими фестонами. Въ Коканѣ многія франтихи оставляютъ за каждымъ ухомъ по локопу. Концы косъ всегда закрѣпляются снуркомъ, скрученнымъ изъ ваты; есть повѣрье, что, если оставить концы не закрѣпленными, то на горячемъ лѣтнемъ вѣтрѣ—*гармъ-силъ*—волосы вылѣзутъ. Въ большомъ употребленіи фальшивыя косы *улау*, которыя дѣлаются обыкновенно изъ своихъ же выпадающихъ волосъ.

Утромъ, проснувшись и вставъ съ постели, сартянка приглаживаетъ только волосы ладонью руки и сейчасъ же накидываетъ на голову платокъ, ходить безъ котораго считается, не только не приличнымъ, но даже и грѣхомъ. Особенно большимъ грѣхомъ считается для женщины быть безъ платка въ той комнатѣ, гдѣ имѣется коранъ, а также во время его чтенія многія снять въ платкѣ, обвязывая его очень туго вокругъ головы. Чешется голова только въ тѣ дни, когда еѣ моютъ, а моютъ еѣ разъ въ недѣлю, обыкновенно по пятницамъ, рѣже по четвергамъ, или субботамъ. Не принято мыть голову по вторникамъ (тяжелый день) и по базарнымъ днямъ. Распустивъ и расчесавъ волосы, ихъ намазываютъ *кѣткою*, квашеннымъ кипяченымъ молокомъ, еще разъ прочесываютъ маленькимъ довольно частымъ и всегда почти деревяннымъ гребнемъ, а затѣмъ промываютъ зимой теплой, а лѣтомъ холодной водой, выжимаютъ, скручиваютъ въ пучекъ надъ серединою лба, даютъ слегка обсохнуть въ продолженіи около 1/2 часа и затѣмъ уже чешутъ и заплетаютъ въ косы. Операция эта въ совершенной точности продѣлывается всѣми женщинами, не только Ферганы, но даже и всего Туркестанскаго края. Мыла при мытьѣ головы никогда не употребляютъ. Зимой, за неимѣніемъ *кѣтки*, послѣдній замѣняется или творогомъ, припасаемымъ специально для этой цѣли

и разводимымъ въ теплой водѣ, или сырыми яйцами. Однимъ изъ лучшихъ средствъ, способствующихъ укрѣпленію и росту волосъ, считается бычья, или коровья, желчь.

У большинства, особенно городскихъ, женщинъ не рѣдко мускулистыя и пухлыя кисти рукъ малы и имѣютъ очень изыщную форму. Пясти всегда выпуклыя и продолговатыя. Ступни, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ относительно велики, или, вѣрнѣе, длинны, съ низкимъ подъемомъ и длинными, плоскими пальцами. Груды у большинства достаточно развиты. Есть примѣта, что женщины со слабо развитыми грудями мало способны къ рожденію дѣтей.

Изъ наиболѣе распространенныхъ уродливостей мы упомянемъ о зобахъ—*букакъ*, достигающихъ иногда громадныхъ размѣровъ и встречающихся преимущественно въ Кокандскомъ и Маргеландскомъ уѣздахъ, о большихъ шрамахъ на лицѣ и рукахъ отъ такъ называемой *сартонской болѣзни* и рябинахъ. Ослопрививаніе очень рѣдко практикуется въ средѣ туземнаго населенія; ежегодно зимой оспа (*чечѣкъ*)—свирѣпствуетъ и въ городахъ и въ кишлакахъ, оставляетъ на лицахъ рябины и на глазахъ бѣльма и уноситъ солидное, по видимому, число малолѣтнихъ дѣтей. Русская администрація сдѣлала кой-какія попытки ввести ослопрививаніе между туземцами, учредивъ при каждой уѣздной больницѣ, а равно и въ волостяхъ, ослопрививательныя сартонъ, получающихъ содержаніе и лимфу на счетъ земскихъ суммъ, но дѣло это подвигается крайне туго, не смотря на то, что ослопрививаніе для сартонъ въ сущности далеко не новость, такъ какъ, хотя и рѣдко, но всетаки встречаются туземцы съ оспой, привитой обыкновенно на ладони, около большого пальца.

На постройку и наружный видъ туземной женской одежды наибольшее вліяніе имѣли: климатъ, особенности быта и религія. Длинное, жаркое лѣто, продолжающееся въ среднемъ около полугода, вмѣстѣ съ привычкою сидѣть на полу, поджавши ноги, и потребностью время отъ времени садиться на лошадь, заставили женщину придать всѣмъ почти частямъ ея костюма такой видъ, при которомъ онъ возможно меньше стѣснать бы ея движенія, а религія обязала устроить его такъ, чтобы, при ходьбѣ по улицѣ, посторонній глазъ не видѣлъ ничего кромѣ самаго верхняго платя, которое не должно быть яркимъ, дабы не привлекать собою взглядовъ мужчинъ.

Штаны (*штаны*), очень широкі сверху до колѣна, къ низу суживаются на столько, чтобы сквозь низы штанинъ, достигающихъ ступни, или щиколотки, могли лишь безъ особеннаго труда пройти ступни, ногъ. Низы обшиваются нестрой тесьмой—*джійка*, а сами штаны у пояса подвизываются на очкуркѣ (*штаны-бѣг*). Дѣвочкамъ штаны начинаютъ надѣвать съ 2-хъ или 3-хъ лѣтняго возраста. Взрослымъ ходить безъ нихъ считается и грѣхомъ и неприличіемъ, отчего иногда эта часть костюма называется *лэймъ*, что, по арабски, значитъ совершенно необходимо. У состоятельныхъ женщинъ штаны шьются изъ кумача, яркаго ситца, полуселковаго *адрыса*, или канауса; у бѣдныхъ—изъ грубой, мѣстной бумажной матеріи, по большей части, бѣлаго цвѣта, при чемъ низы четверти на  $1\frac{1}{2}$ , на 2, обшиваются кумачемъ, ситцемъ, или *адрысомъ*. Поверхъ штаповъ надѣвается рубаха, замѣняющая собою и нижнюю рубаху, и сарафанъ, или платье.

Рубаха *кайнѣк*—шьется всегда очень широкая и длинная, до щиколотокъ, съ широкими-же и длинными рукавами, концы которыхъ спускаются значительно ниже колѣнъ. При пляскѣ длинные концы рукавовъ замѣняютъ собою платокъ нашихъ русскихъ женщинъ, а въ обиходѣ нерѣдко служатъ и носовымъ платкомъ; впрочемъ въ этомъ последнемъ случаѣ въ рукавъ не сморкаются, а лишь обтираютъ имъ носъ. Воротъ прорѣзывается двойнымъ образомъ: или горизонтально надъ обоими плечами, или вертикально до пояса. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, онъ обшивается широкой узорной тесьмой *джійка*. При вертикальномъ воротѣ на нижніе концы *джійка*, имѣющіе видъ бахрамы, очень часто привязываются или ключъ отъ сундука, или привѣски изъ бусъ и коралловъ. Рубахи съ горизонтальными воротами—*муллачѣ-кайнѣк* носятъ только молодая женщина; если послѣдняя кормитъ, то надъ грудями прорѣзываются прорѣхи, чего у простыхъ женскихъ рубахъ съ большими вертикальными воротами не дѣлается.

(Названіе *муллачѣ-кайнѣк* получило потому, что пошеніе рубахъ этого покрою присвоено прежде всего грамотнымъ мужчинамъ—*мулламъ*. Въ такихъ же рубахахъ ходятъ дѣти обоихъ половъ и дѣвушки. Неграмотные мужчины носятъ *яктѣ*, рубахи на манеръ халата. За послѣднее время

между сартовскими франтихами стали входить въ моду татарскіе воротѣ съ широкими отложными воротниками).

Шьются женскія рубахи изъ самыхъ разнообразныхъ матерій. Въ кишлакахъ: будничныя—изъ грубой бѣлой, или полосатой синей, туземной бумажной матеріи; праздничныя—изъ кумача или ситца, рѣже изъ канауса или тонкаго атласа—*ипаркѣк*. Въ городахъ рубахи изъ туземныхъ бумажныхъ матерій встрѣчаются сравнительно рѣдко, только въ средѣ самаго бѣднаго населенія. У мало-мальски зажиточныхъ городскихъ женщинъ и дѣвушекъ рубахи дѣлаются изъ гладкаго или узорнаго кумача, изъ ситца яркихъ цвѣтовъ и по большей части, крупнаго узора и изъ брильянтина. Шелковыя рубахи надѣваются или по праздникамъ, или въ гости. Пожилыя женщины, за 30, за 35 лѣтъ, носятъ, какъ ситцевыя, такъ и шелковыя рубахи темныхъ цвѣтовъ: темно-синія, фіолетовыя, двуцвѣтныя съ отливомъ (*кабутаръ*—цвѣтъ груди у голубя) и проч. Синій цвѣтъ соответствуетъ нашему черному и считается траурнымъ. Лѣтнія рубахи не рѣдко дѣлаются изъ бѣлой, или цвѣтной, мѣстной кисеи, довольно грубой и очень плохаго достоинства. (Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замужня женщины не подрубаютъ подоловъ рубахи рубцомъ, а лишь обмѣтываютъ его, такъ какъ есть повѣрье, что женщиной, посеявшей рубаху съ подрубленнымъ подоломъ, грозитъ неплодіе).

Выше мы сказали уже, что ходить съ открытой головой считается грѣхомъ. Ангель-хранитель отлетаетъ отъ женщины, если она есть пищу, не имѣя на головѣ платка. Последній, бѣлый, или красный, кисейный, рѣже кумачевый, обыкновенно не менѣе  $1\frac{1}{2}$  аршинъ въ квадратѣ, складывается по поламъ по діагонали, получается косынка, которая или накладывается на голову, или повязывается. Въ первомъ случаѣ края косынки закладываются за уши, а концы выпускаются на грудь. Во второмъ, платокъ обертывается вокругъ головы, закрывая верхнюю часть лба, а концы висятъ сзади.

При выходѣ изъ дому, въ гости, поверхъ большаго платка (*румѣль*) на лобъ повязывается *дурачѣ*, небольшою, всегда узорнымъ, яркаго цвѣта платкомъ, сложенный нѣсколько разъ полоской и повязываемый на голову въ видѣ кошика.

Лѣтомъ домашняя одежда женщины состоитъ изъ штановъ, рубахи и платка; при выходѣ на дворъ на босу ногу надѣваются калоши. Въ холодное время состоятельныя надѣваютъ йчиги съ калошами; бѣдныя всегда, и лѣто и зиму, ходятъ или въ калошахъ на босу ногу, или въ йчигахъ безъ калошъ. Изрѣдка можно встрѣтить женщину въ чулкахъ изъ бѣлой бумажной матеріи, вмѣсто кожаныхъ йчиговъ, и калошахъ. Прежде, лѣтъ 30 тому назадъ, большинство женщинъ ходило въ такихъ чулкахъ; теперь это всѣми оставлено. Ходить по улицамъ въ сапогахъ считается неприличнымъ; въ нихъ ходитъ большинство теперешнихъ проституткокъ. Русскіе ботинки, завѣтная мечта большинства тѣхъ мѣстныхъ франтихъ, которыя видѣли ихъ гдѣ нибудь случайно, только что начинаютъ входить въ моду и встрѣчаются пока очень рѣдко.

При выходѣ изъ дому, еще на внутреннемъ дворѣ, женщина набрасываетъ на голову *чимбетъ* <sup>(1)</sup>; густую сѣтку изъ конского черного волоса, закрывающую лицо и грудь, а поверхъ *чимбета* на голову же накидывается *паранджй*, длинный халатъ изъ сѣрой, или темно-синей, бумажной, иногда полшелковой, матеріи. Подолъ *паранджй* достигаетъ щиколотокъ, или земли; концы длинныхъ рукавовъ, висящихъ за спиной и схваченныхъ ниткой внизу, нерѣдко волочатся по полу. Приличіе требуетъ, чтобы, при хожденіи по улицѣ, изъ подъ *паранджй*, по возможности, не выставились бы цвѣтные наряды женщины, по правилу это, въ особенности теперь, никогда почти не соблюдается <sup>(2)</sup>. По способу ношенія *паранджй* туземцы сейчасъ же узнаютъ уроженку того или другаго города. Такъ напримѣръ, въ Наманганѣ верхній край *паранджй* всегда спускаютъ къ самому лбу, а нижній конецъ *чимбета* выпускаютъ изъ подъ *паранджй*; въ Коканѣ наоборотъ, верхній край *паранджй* лежитъ посерединѣ темени, а полы, придерживаемыя рукой, закрываютъ собою края и низъ *чимбета*.

Въ кишлакахъ, удаленныхъ отъ городовъ, *паранджй* встрѣчаются рѣдко, у наиболее состоятельныхъ женщинъ,

<sup>(1)</sup> Сокращенное изъ *чиммъ—бандъ*.

<sup>(2)</sup> «Ногами своими не ступали бы онѣ такъ, что бы выставились закрытые наряды ихъ». Коранъ. Гл. 24 ст. 31,

Тамъ ихъ замѣняютъ обыкновенные халаты, набрасываемые также какъ и *паранджй*, на голову. Во многихъ мѣстностяхъ у кишлачныхъ женщинъ принято набрасывать не свой халатъ, а халатишко одного изъ дѣтей, при чемъ на голову всегда накладывается внутреннее отверстіе котораго нибудь изъ рукавовъ.

Въ холодное время рубахъ, если онѣ только имѣются, надѣвается двѣ; верхняя обыкновенно и новѣй, и наряднѣй нижней.

По верхъ ихъ большинство женщинъ носитъ ватный халатъ такого же покроя какъ и у мужчинъ. Подпоясывать его кушакомъ у женщинъ не принято. (Красные кумачевые кушаки въ 6—8 аршинъ длиной въ большомъ употребленіи у туземныхъ женщинъ легкаго поведенія).

Въ дорогѣ или во время какой либо работы, какъ напр. мытья бѣлья, женщина опоясывается платкомъ, сложеннымъ косынкой. Кушакъ изъ какой либо синей матеріи она опоясываетъ во время оплакиванія покойника на дому и при хожденіи на его могилу на 2-ой, 3-ей и 40-ой день. Женскій халатъ дѣлается изъ ситца, узорнаго кумача или полшелковаго адряса; рѣже изъ канюса или атласистаго и паркака. У шелковыхъ и полшелковыхъ халатовъ подкладка по большей части ситцевая, а у ситцевыхъ и кумачевыхъ она дѣлается обыкновенно изъ грубой бумажной матеріи бѣлаго цвѣта, или же изъ туземной непроклеенной марли. У состоятельныхъ городскихъ женщинъ за послѣднее время халатъ сталъ вытѣсняться бешметомъ изъ полшелковыхъ матерій, но такъ какъ послѣдній дѣлается здѣсь или совсѣмъ безъ ваты, или лишь съ очень тонкой ея наслойкой, то поверхъ его въ холодъ обыкновенно надѣвается и халатъ.

Въ городахъ у старухъ, а въ кишлакахъ у всѣхъ вообще замужнихъ женщинъ, до сихъ поръ можно встрѣтить старинный *мунсакъ*, халатъ съ короткими, до локтя только, и очень широкими рукавами.

Шубы, такового же покроя какъ и обыкновенный туземный халатъ, на барашкѣ, лисьихъ ланкахъ или дикой кошкѣ, отороченныя бобримъ, куницей или выдрой, между женщинами встрѣчаются лишь у наиболее состоятельныхъ.

Носильные штаны и рубахи смѣняются и моются обыкновенно очень рѣдко. У людей состоятельныхъ въ среднемъ

недѣли черезъ двѣ. Тѣ, кто побѣди́е, снимаютъ ихъ тогда лишь, когда достаточно убѣдятся въ достиженіи ими степени заскорузлости; именуемой *ш-кѣрг-кѣргъ*, что происходитъ, разумѣется въ очень различные сроки, смотря по времени года, образу жизни и пр. Голь носить рубахи и штаны, никогда не моя ихъ, до тѣхъ поръ, пока они не истлѣютъ, истреплятся и начнутъ сваливаться клочьями съ ихъ обладателей. Для мытья бѣлья вода кипятится въ обыкновенномъ, по большей части единственномъ, котлѣ съ поташемъ или *цунтаномъ*, растеніемъ, изъ котораго здѣсь приготовляютъ поташъ. Само бѣлье моется или въ маленькомъ деревянномъ корытцѣ, или въ большой глиняной чашкѣ—*тагарѣ*. Мыло, кускамъ котораго здѣсь придается форма конуса съ высотой около 2½ вершковъ, расходуется очень экономно, не болѣе двухъ головокъ на бѣлье всей семьи, отчего послѣднее никогда почти не отмывается до чиста. (Такая головка стоитъ отъ 3 до 5 копѣекъ серебромъ).

Выполоскавъ въ холодной водѣ, баба выжимаетъ бѣлье вездѣ и всегда однимъ и тѣмъ же способомъ: она держитъ рубаху правой рукой за плечо, а лѣвой крутитъ её непременно отъ себя. Бѣлье сушится на солнцѣ и потомъ разминается руками. Катанье и глаженье его совсѣмъ не практикуются, а большинству даже неизвѣстны. Въ холодныя зимы его или совсѣмъ не моютъ, или моютъ очень рѣдко, выбирая сравнительно теплые и ясные солнечные дни.

У каждой маломальски состоятельной женщины, кромѣ носимаго бѣлья и платья есть еще одна или двѣ, а у тѣхъ, кто побогаче, даже и нѣсколько, шелковыхъ рубахъ и халатовъ, которые надѣваются при выходѣ въ гости. Рубахи эти никогда почти не моются, служатъ очень по долгу; намъ не разъ приходилось видѣть такія, которыя прослуживъ 10—12 лѣтъ, имѣли еще настолько спосный видъ, что могли въ глазахъ сартянокъ считаться парадными. Такія рубахи дома не носятъ, по возвращеніи изъ гостей немедленно же снимаются и прячутся въ сундукъ, а потому и сохраняются очень долго. Если въ городахъ мы и встрѣчаемъ на улицахъ большое сравнительно число женщинъ въ шелковыхъ рубахахъ и халатахъ, то это отнюдь еще не можетъ служить признакомъ благосостоянія, такъ какъ большинство встрѣчаемыхъ нами

франтихъ этого разбора очень часто изнашиваетъ въ продолженіи всей своей жизни не болѣе двухъ-трехъ шелковыхъ рубашекъ; одна шьется (мужемъ или родителями) при выходѣ замужъ, а другую, или двѣ другихъ, она сколачиваетъ впоследствии сама на тѣ средства, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Прійдя и снявъ верхнюю шелковую рубаху, такая женщина остается въ грязной, затасканной ситцевой, надѣваетъ такой же ситцевый халатъ, изо дня въ день ѣстъ *кундѣ*—кашицу изъ джугары или *манъ-хурдѣ*, кашицу же изъ риса и чечевицы, а *палау* съ микроскопическими пропорціями мяса варить разъ въ недѣлю, по четвергамъ вечеромъ. Въ богатыхъ семьяхъ количество праздничной и выходной одежды женщинъ бываетъ иногда очень велико, но не смотря на это дома они ходятъ побольшей части грязно и отличаются очень малою опрятностью въ отношеніи своего носимаго бѣлья и платья. Въ новой рубахѣ или новомъ халатѣ сартянка садится на землю, прислоняется къ глиняному забору, вытираетъ рукавомъ посуду и пр. Понятно, что при такомъ отношеніи къ бѣлью и платью послѣднее не можетъ по долгу оставаться чистымъ, а благодаря рѣдкому его мытью и другой чисткѣ, оно всегда почти имѣетъ очень грязный и затасканный видъ.

Къ каждому изъ двухъ праздниковъ, къ Рамазану и Курбану, шьются обновки; женщинамъ они доставляются по большей части ихъ мужьями; рѣже онѣ дѣлаютъ ихъ на свой счетъ или получаютъ отъ богатыхъ родственниковъ. Количество и стоимость такихъ обновокъ, конечно, различны. У состоятельныхъ это полная обмундировка; у другихъ халатъ и рубаха; одинъ халатъ или одна рубаха; платокъ или йчиги съ калошами и пр. Праздничныя обновки носятъ все дни праздника, не снимаясь, и, если это не шелковая рубаха, то поступаютъ въ разрядъ постоянно носимаго бѣлья и платья. Нерѣдко, особенно среди бѣднаго кишлѣчнаго населенія, приходилось видѣть случаи, когда, за неимѣніемъ средствъ, праздничной обновкой женщины былъ аршинъ ситца, изъ котораго она дѣлала наставки на рукава поношенной уже рубахи и выпускала ихъ изъ рукавовъ халата.

Еще за два, за три дня до праздника на улицахъ начинаютъ появляться новыя рубахи, халаты, йчиги, калоши, сапоги и тибетѣйки, такъ какъ полученныя обновы надѣва-

ются обыкновенно немедленно же. Сколько проливается слезъ, сколько извергается ругани и сколько разводовъ затѣвается у бѣднаго люда въ теченіи двухъ-трехъ дней, предшествующихъ празднику, а главнымъ образомъ въ день такъ называемой *раны*, капуна или сочельника!

На базарѣ всѣ почти лавки отворены. Всюду снуютъ народъ. Ближайшія къ базару улицы начинаютъ замѣтно оживляться. И пѣшіе, и конные двигаются съ разными покупками; у большинства лица праздничныя, довольныя. Сѣдой степенный сартъ на коротенькомъ волосяномъ арканѣ тащитъ за собой барана; мальчишка сынъ подталкиваетъ его сзади. Другой, въ новомъ халатѣ и тюбетейкѣ, несетъ свертокъ ситца и кумача. Жена и дочь просидятъ весь вечеръ и весь завтрашній день, чтобы успѣть къ празднику со своими обповками. *Байбача*, сынъ богатаго купца, ѣдетъ верхомъ и держитъ на передней лукъ сѣдла цѣлый ворохъ ситца, кумача и тика.

*Диванъ* — юродивый усиленно выпрашиваетъ милостыню къ предстоящему празднику. Кишлачные сарты на арбахъ и верхомъ, со свертками ситца, съ калошами и платками въ рукахъ, торопливо разъѣзжаются по домамъ. Женщины въ сопровожденіи дѣтей-подростковъ снуютъ въ разные стороны, держа на головахъ подносы, завернутые въ разноцвѣтные *дастарханы*. На этихъ подносахъ *палау*, лепешки, ситцы, платки и маленькія зеркала. Женщины разносятъ эти подарки передъ праздникомъ къ своимъ *худъа*, у которыхъ они высватали дочерей или сестеръ своимъ сыновьямъ и братьямъ.

Съ одного двора несется протяженный и громкій вой. Дѣвка лѣтъ двѣнадцати сидитъ на корточкахъ, опершись лицомъ на лодови а локтями въ бедра ногъ и голосомъ воеетъ на цѣлый кварталъ. Отецъ ничего не купилъ къ празднику, а она ожидала получить по меньшей мѣрѣ платокъ.

Подальше, у маленькой входной калитки, въ старой тюбетейкѣ и поношенномъ полосатомъ ситцевомъ халатѣ сартъ сидитъ на корточкахъ и не то задумчиво, не то съ усмѣшкой поглядываетъ на проходящій мимо него людъ. Въ *ичкари* ругается его жена. Она, очевидно, была занята пряденьемъ нитокъ, но бросила работу, сѣла въ другой уголъ сакли, распустила головной платокъ и, не обращая

вниманія на ревъ лежащаго въ *бишиктъ* ребенка, поносить мужа всѣми извѣстными ей поношеніями. Она ожидала получить отъ него новую рубаху и калоши съ ичигами, а онъ только что и принесъ ей съ базара бѣлый кисейный платокъ и плохенькія, дешевыя калоши.

Она ругается и вслухъ произноситъ твердо принятое ею рѣшеніе, идти послѣ праздника къ *кази* за разводомъ. Въ это самое время, шурша новой ситцевой рубахой, въ саклю входитъ молоденькая сосѣдка.

Ругательница на минуту умолкаетъ, потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего начинаетъ голосить. Гостя присаживается около плачущей. „*А? Нима илябъ отурубъ сизъ?*“ Чего вы плачете?“, Воеетъ. „Что такое съ вами случилось?“ Баба швыряетъ на середину сакли принесенныя мужемъ калоши и, нетрогаясь съ мѣста, съ плачемъ и руганью начинаетъ повѣствовать гостѣ о постигшемъ ее несчастіи. „Умри! проглоти тебя земля! эдакой подарокъ купилъ мнѣ къ празднику! А еще обѣщаль: рубаху, говоритъ, куплю, калоши съ ичигами. Только бы праздникъ прошелъ — пойду къ *кази* разведусь. Чего мнѣ съ нимъ жить; какая это жизнь, когда къ празднику не можетъ женѣ рубахи купить. Разведусь. Уйду отъ него.“

Если до этого происшествія она жила съ мужемъ сносно, то по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ праздникомъ пройдетъ и мысль о разводѣ; въ противномъ случаѣ въ теченіи всего *хайта* въ саклѣ будутъ раздаваться ругань и перебранка, а послѣ праздника она отправится съ мужемъ къ *кази* и, если обстоятельства развода будутъ благопріятны для нея, то она покинетъ своего сожителя, а къ зимѣ выйдетъ замужъ за другого.

Въ небогатыхъ семьяхъ, какъ въ кишлакахъ, такъ равно въ городѣ, женщина ежегодно изнашиваетъ въ среднемъ 2 рубахи, столько же штановъ, 2 халата, 2 пары калошъ, одни ичиги, которые она носитъ не постоянно, и 2 платка. *Чимбѣтъ* и *паранджѣ* носятъ по нѣскольку лѣтъ. Такимъ образомъ ежегодный расходъ на ея одежду для небогатой семьи въ среднемъ можетъ быть принятъ около 12-17 рублей серебромъ. (Первая цифра средняя для кишлака, гдѣ ичиги носятъ очень рѣдко, а ситецъ въ домашнемъ обиходѣ замѣняется грубыми туземными матеріями; вторая, бѣльшая

для города. Рубаха изъ туземной матеріи стоитъ отъ 80 к. до 1 р. 20 к.; изъ ситца—его идетъ около 10 аршинъ—отъ 1 р. 50 к. до 2 р.; штаны ситцевые около 80 к.; йчиги—1 р.; пара калошъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к.; халатъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р.; платокъ 1 р.) Для состоятельныхъ семей цѣны эти значительно возрастаютъ, такъ какъ тамъ туземныя бумажныя матеріи не употребляются, замѣняясь русскими ситцами, кумачемъ и тикомъ, а праздничная и выходная одежда женщины, въ особенности въ городахъ, дѣлается всегда почти изъ полунелковыхъ и шелковыхъ матерій. (Рубаха изъ тонкаго атласа—*итаркѣк* стоитъ около 7 р.; полунелковый халатъ или бешметъ около 6 р. сер., хорошій полунелковый *паранджѣ* около 11 р.).

Если женщина имѣетъ свое личное, приносящее доходъ имущество, то она одѣвается всегда почти исключительно на эти средства. Въ кокандскомъ уѣздѣ мы знали не богатую крестьянскую семью. Хозяйка была за вторымъ мужемъ; отъ перваго она имѣла нѣсколькихъ дѣтей и наследство: небольшой участокъ земли, на доходы съ котораго одѣвалась она сама и дѣти перваго мужа.

Если личного имущества у женщины нѣтъ, то въ состоятельныхъ семьяхъ еѣ одѣваетъ мужъ, а въ бѣдныхъ нужныя для одежды средства добываются ей самой такимъ трудомъ, какъ пряжа витокъ, разведеніе шелковичныхъ червей, очистка ваты отъ сѣмянъ и коробочекъ, а въ городахъ печеніе хлѣба на продажу, шитье одѣялъ и халатовъ и пр. Въ достаточныхъ семьяхъ нѣкоторыхъ киншакдѣвѣ намаганскаго уѣзда, и въ тѣхъ главнымъ образомъ, гдѣ ведется переложное хозяйство, не рѣдки случаи производства особливо, совершенно самостоятельнаго посѣва одного изъ такихъ хлѣбовъ, который требуетъ небольшого сравнительно ухода (не окучивается) какъ напр. ячмень, пшевица и лёнъ. Урожай съ этого поля полностью передается женщиной въ зернѣ; она продаетъ его и расходуетъ на свою экипировку по своему личному усмотрѣнію, не получая уже затѣмъ отъ мужа никакихъ другихъ субсидій, а нерѣдко даже и праздничныхъ подарковъ. Такъ какъ этихъ средствъ бывасть далеко не всегда достаточно, то очень не рѣдки случаи, когда женщина крадетъ у мужа зерно, продаетъ его въ тихомолку и расходуетъ эти деньги лично на себя; зачастую все это

дѣлается въ сообществѣ дѣтей, которыя вообще съ матерью живутъ дружиѣ чѣмъ съ отцомъ, такъ какъ власть послѣдняго одинаково тяготѣетъ надо всѣми ими. Замѣчательно, что всѣ эти мелкія воровства женъ, тщательно скрываемыя ими отъ мужей, отнюдь не считаются секретомъ не только между пріятельницами, но даже и между простыми знакомыми. Рассказывая о своихъ продѣлкахъ одному изъ авторовъ, сартянки спрашивали много-ли она сама таскаетъ у своего мужа и всегда относились крайне недоброжелательно къ получаемымъ ими отрицательнымъ отвѣтамъ.

Представленіе о модѣ стало слагаться, повидимому, лишь за послѣдніе годы. Частности женскаго костюма измѣнялись и раньше, но причинами тѣхъ прежнихъ измѣненій было стремленіе не столько къ изящному, сколько къ болѣе практическому и удобному. Такъ бумажныя матовые чулки смѣнились кожаными йчигами, а *мунсайк* съ короткими, широкими рукавами, и въ большинствѣ случаевъ безъ воротника, — обыкновеннымъ халатомъ со стоячимъ воротникомъ и длинными рукавами.

Теперь отношенія какъ женщины, такъ равно и мужчины къ своему костюму значительно измѣняются или, вѣрнѣе, измѣнились, и въ средѣ состоятельнаго городского населенія мы видимъ стремленіе шить платье изъ наиболѣе модныхъ матерій съ нѣкоторыми, частными, впрочемъ отступленіями отъ основныхъ формъ народнаго костюма. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ между туземными франтами, кунеческой молодежью, соприкасавшейся съ русскими и съ Ташкентомъ, одно время были очень распространены туземные сапоги на необыкновенно высокихъ и тонкихъ каблукахъ и халаты съ отложными воротниками; въ это же время женщины стали обзаводиться бешметами вмѣсто халатовъ. Позднѣе у мужчинъ вошли въ моду калоши съ широкими носками, халаты, простроченные на машинѣ, и бѣлье изъ ситца вмѣсто прежнихъ туземныхъ бумажныхъ матерій. На улицахъ встрѣчалось все больше и больше женщинъ одѣтыхъ въ рубахи моднаго цвѣта.

Изъ Россіи приходятъ товары. Привозится партія такого ситца, узоръ котораго здѣсь новинка. По городу разносится слухъ о томъ, что на базарѣ продается *янгѣ чиккандъ-чѣтг*—вновь появившійся ситецъ. Въ лавкахъ съ крас-

нымъ товаромъ онъ лежитъ на видномъ мѣстѣ и вмѣсто 18 или 20 копѣекъ за аршинъ продается первое время по 30 коп. Натурально, это еще болѣе раздражаетъ и рубахи изъ такого ситца дѣлаются миражемъ, носящимся въ воображеніи всѣхъ наиболѣе склонныхъ къ самоукрашенію. Одно время въ качествѣ такого *яни-чикканъ-чѣта* фигурировалъ рѣденькій ситецъ съ широкими красными зигзагами по бѣлому полю; черезъ нѣсколько времени его смѣнилъ брильянтивъ съ мелкими цвѣточками и т. д. Точно также мода существуетъ у женщинъ и на головные платки. Прежде въ большомъ употребленіи были бѣлые кисейные, вышитые по краямъ шелками, такъ называемые *дурія*; затѣмъ ихъ мѣсто заняли кисейные же красные платки съ крупными бѣлыми или желтыми цвѣтами; потомъ опять простые платки изъ бѣлой кисеи, а теперь входятъ въ моду бѣлые или цвѣтные шелковые, по большей части бухарскаго приготовленія. Вмѣстѣ съ провиканіемъ повсюду въ городахъ отложнаго татарскаго ворота у женской рубахи, замѣчается неноторимое вождедѣніе къ ботинкамъ, но носить ихъ на улицахъ побаиваются, ибо, во первыхъ, они имѣютъ сходство съ сапогами, а въ послѣднихъ ходятъ однѣ лишь проститутки, а во вторыхъ, надѣвъ ихъ, рискуешь обвиненіемъ въ отступничествѣ отъ религіи.

Франтить и наряжаться сартянка, въ особенности молодая, любить, конечно, совершенно также, какъ и женщина всякой другой расы, но здѣсь самоукрашеніе это кромѣ личныхъ, субъективныхъ стимуловъ и побужденій, зиждется еще и на религіозныхъ снованіяхъ. *Шаріатъ* (см. Торнау) совѣтуетъ женщинѣ заботиться о томъ, чтобы она правилась мужу и рекомендуетъ ей для этой цѣли такія средства, какъ румяна, бѣлила, *усмю* (для окрашиванія бровей) мушки (*халь*), локоны и проч. Такимъ образомъ для туземной женщины заботы о внѣшнемъ ея благообразіи и привлекательности являются до нѣкоторой степени правственною обязанностью, отъ которой она избавляется или неимѣніемъ средствъ, или же достиженіемъ того возраста, въ которомъ у всѣхъ вообще извѣстныхъ намъ народовъ излишняя заботливость о своей наружности считается и смѣшной и зазорной.

Бѣлила приготовляемыя здѣсь изъ риса или изъ яичной скорлупы, румяна (фуксинъ), а равно мушки и локоны въ Ферганѣ употребляются очень рѣдко. Въ гораздо большемъ

ходу окрашиваніе бровей *усмю* и рѣсницъ сурьмой. Наиболѣе красивыми считаются брови рѣзко очерченныя, широкія и сросшія надъ переносицей. Оттого при окрашиваніи ихъ *усма* кладется широкой полосой, идущей отъ наружнаго конца одной брови до наружнаго же конца другой. Выходитъ это, конечно, очень грубо и аляповато, а сколько-нибудь изящное подкрашиваніе бровей встрѣчается очень рѣдко.

*Усма*, — растеніе изъ крестоцвѣтныхъ, разводимое здѣсь туземцами. При свѣжемъ растеніи изъ листьевъ его пальцами выжимаютъ темнозеленый, съ легкимъ синеватымъ оттѣнкомъ сокъ; въ послѣдній обмакиваютъ конецъ тоненькой деревянной палочки или спички, обернутой ватой и проводятъ имъ нѣсколько разъ по бровямъ. Черезъ нѣсколько времени окрашенное мѣсто принимаетъ почти чернѣйшій цвѣтъ, а окраска не сходитъ довольно долго тѣмъ болѣе, что мыло при мытьи лица употребляется лишь очень немногими, наиболѣе богатыми франтихами.

Для полученія краски изъ сухой *усмы*, листья завернутыя въ кусочекъ ваты жуютъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, пока красящія начала не растворятся въ слюбѣ.

Сокъ *усмы* считается средствомъ способствующимъ росту бровей.

Окрашиваніе ногтей на рукахъ и ногахъ, а нерѣдко также и ладоней, повидимому, начинаетъ выходить изъ моды; окрашенныя руки теперь встрѣчаются только по праздникамъ и то не вездѣ, побольшей части въ однихъ лишь городахъ. Духи, туземнаго приготовленія и далеко не пріятнаго запаха, въ очень небольшомъ употребленіи.

Главнѣйшими украшеніями сартовской женщины послѣ накрашенныхъ бровей и рѣсницъ служатъ кольца, серьги, браслеты, бусы, кораллы, серебряныя амулеты и другія привѣски мѣстнаго издѣлія. За послѣднее время у женщинъ, носящихъ рубахи съ татарскими воротами, начинаютъ входить въ моду большія европейскія заповки. Всѣ эти украшенія, за исключеніемъ колець и простыхъ не дорогихъ серегъ, дома никогда почти не носятъ.

Мелкій жемчугъ, идущій на глазки къ кольцамъ и привѣски къ серьгамъ, мелкіе же, плохого достоинства кораллы, драгоценныя камни—привозные изъ Индіи, Бухары и частью изъ Россіи.

Бирюза въ большинствѣ случаевъ поддѣльная, а камни замѣняются простыми цвѣтными стеклами. Въ наибольшемъ употребленіи серебряныя кольца съ поддѣльной бирюзой, кораллами, цвѣтными стеклами, мелкимъ жемчугомъ и иногда янтаремъ, который здѣсь очень большая рѣдкость. Стоимость такихъ колецъ колеблется отъ 30 к. до 5 р. с. Золотыя кольца, браслеты и серги довольно рѣдки и встрѣчаются лишь у наиболѣе богатыхъ женщинъ. Серги обыкновенно имѣютъ видъ большихъ, тонкихъ колецъ, сдѣланныхъ изъ серебрянной проволоки и слегка разгибающихся безъ шарнира. Къ нимъ придѣлываются привѣски изъ мелкаго жемчуга, коралловъ, бусъ или мелкихъ вызолоченныхъ серебрянныхъ же побрякушекъ. Длина такихъ побрякушекъ доходитъ иногда до  $\frac{1}{4}$  аршина, а о вѣсѣ ихъ свидѣтельствуется масса прорванныхъ женскихъ ушей.

Въ случаѣ особенно тяжелыхъ серегъ, женщина прицѣпляетъ ихъ не къ мочкѣ уха, а къ волосамъ позади послѣдняго, или къ переднему краю платка на высотѣ уха. Стоимость обыкновенныхъ серебрянныхъ серегъ колеблется отъ 40 к. до 4 р. сер. Серебряныя же браслеты, цѣною отъ 2 р. до 8 р. сер. дѣлаются съ чернью, позолотой или мелкой бирюзой, по большей части поддѣльной. Изъ ожерелій наиболѣе употребительны коралловыя. Золотникъ послѣднихъ (обыкновенно мелкіе и очень плохого качества) продается отъ 30 к. до 1 р. 40 к.

Коралловому ожерелью очень часто придается видъ сѣтки, низъ которой спускается до пояса; иногда между коралловъ помѣщаются крупныя шлифованныя бусы изъ серебра. Большіе и малые, подъ чернью или позолоченные амулеты — *тумаръ*, имѣющіе обыкновенно форму треугольника, привѣшиваются или къ плечу, или сзади надъ лопаткой. Къ косамъ на длинныхъ шнурахъ нерѣдко привѣшиваютъ такъ называемыя *чичъ-панѹкъ* — кисти изъ крученого чернаго шелка, головки которыхъ обдѣлываютъ въ серебро, а иногда кромѣ того украшаютъ еще бусами и другими побрякушками. Въ кишлякахъ такіе *чичъ-панѹкъ* нерѣдко замѣняются или крупными стеклянными бусами, или же просто просверленнымъ по срединѣ небольшимъ камешкомъ. Такой камешекъ служитъ, конечно, не какъ украшеніе; онъ привязывается къ косѣ для того, чтобы она меньше болталась.

Ношеніе небольшой серьги въ носу; распространенное между женщинами и дѣвушками нѣкоторыхъ другихъ частей Средней Азии, въ Ферганѣ совсѣмъ не принято. Здѣсь ношеніе такихъ серегъ встрѣчается иногда лишь между мѣстными, очень немногочисленными еврейками.

Наиболѣе дешевымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любимымъ украшеніемъ сартянки, какъ женщины такъ и дѣвочки являются цвѣты въ особенности розы, но къ сожалѣнію онѣ украшаются ими крайне не изящно. Цвѣтокъ затыкается обыкновенно за лѣвое ухо; рѣже два цвѣтка съ длинными черенками укрѣпляются концами послѣднихъ въ волосахъ у висковъ и болтаются по обѣ стороны лица.

Весною чуть не у каждаго сарта можно видѣть цвѣтокъ, заткнутый черенкомъ подъ тюбетейку, около уха или виска. Дѣвочки весною же вплетаютъ въ косы тонкія полоски коры съ молодыми листиками и сережками, осторожно сдираемые съ тонкихъ же вѣтвей тала.

## ЗАНЯТІЯ И ПИЩА.

Одною изъ лучшихъ добродѣтелей женщины исламъ признаетъ домохозяйство и трудолюбіе. Набожнаго и трудолюбиваго мужчину сартъ называетъ *суфй* (чистый, благочестивый), а домовитую хозяйку *мастурâ* (домосѣдка), но этотъ эпитетъ въ средѣ молодыхъ женщинъ присущъ лишь очень и очень немногимъ<sup>(1)</sup>. Наблюдая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и мужчинъ и женщинъ, мы пришли къ тому заключенію, что при относительной одинаковости возраста между тѣми и другими существуетъ громадная разница. Женщина до 25 — 30 лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ никакого вкуса ни къ хозяйству, ни къ какому либо другому труду. Если ее не заставляютъ трудиться бѣдность или понуканія мужа, она не ударитъ палецъ о палецъ, цѣлыми днями будетъ носиться по гостямъ, бряцать

(1) «Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими нарядами;.....» Коранъ. Гл. 33, ст. 33.



на *дута́ръ*, колотить въ бубень и сплетничать; самое большее, что сама сошьетъ себѣ обновку. Мужчина, наоборотъ; до 30—35 лѣтъ онъ въ высшей степени работающъ, дѣловитъ и подвиженъ; во многихъ семьяхъ онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе и въ земледѣліи, и въ промыслахъ, и въ торговлѣ, начиная съ 10—12 лѣтняго возраста, когда большинство дѣвушекъ—чуть не невѣсты—почти ничего еще не умѣютъ дѣлать. Но за этимъ рубежомъ зрѣлости роли средняго мужчины и средней женщины мѣняются. Онъ становится въ большинствѣ случаевъ вяль, малоподвиженъ, а перѣдко просто лѣнивъ; она, наоборотъ, не теряетъ энергій и подвижности до самаго поздняго возраста и, за рѣдкими лишь исключеніями, становится въ высшей степени дѣятельной, домовитой и трудолюбивой. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ сѣдыхъ старухъ, которыя цѣлый день на ногахъ, цѣлый день не покладая рукъ, то пекутъ хлѣбъ, то шьютъ, то прядутъ, то варятъ пищу—*моки дакъ юрубты*—снуютъ какъ ткацкій челнокъ.

Мы не беремся давать объясненій этого, физиологическаго въ сущности, факта, но думаемъ, что кромѣ климатическихъ, пищевыхъ и другихъ аргументовъ данной функціи несомнѣнно громадное значеніе должны имѣть и образъ жизни какъ того, такъ и другой или, вѣрнѣе, ихъ способы расходованія энергій въ періодъ до наступленія вышеуказаннаго нами возраста.

Исключенія въ сторону трудолюбія есть, разумѣется, въ особенности между кишлѣчнымъ, земледѣльческимъ населеніемъ, но, немногочисленныя въ средѣ зажиточнаго люда, и тамъ, въ кишлѣкѣ, они обусловливаются главнымъ образомъ неотступной необходимостью и неизбежностью труда, а никакъ не личными къ нему симпатіями. Въ общемъ кишлѣчная женщина несравненно болѣе дѣятельна чѣмъ городская, а лучшими, наиболѣе домовитыми хозяйками выходятъ тѣ жены, которыя берутся сартами у киргызъ и другихъ родовъ кочеваго населенія, на женщинахъ и дѣвушкахъ котораго лежатъ всѣ домашнія работы, не исключая ухода за скотомъ, разстановки кибитокъ и проч.

Однакоже, несмотря на явную практическую выгоду такихъ брацовъ, они сравнительно рѣдки, такъ какъ по издавна установившемуся у киргызъ обычаю *калынь*, пла-

тимый за ихъ дѣвушекъ гораздо больше, чѣмъ *калынь* за сартянку, почему лишь немногіе могутъ жениться на киргизкахъ; это во первыхъ, а во вторыхъ, у большинства сартовъ не принято брать невѣсты изъ далека. И сарты, и сартянки ископи привыкли жить и умирать тамъ, гдѣ они родились. Съ понятіемъ о *мусафиръ* (странникъ, чужеземецъ, человекъ живущій не на родинѣ) въ умахъ обоихъ связывается крайне мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто дѣтское представленіе объ отсутствіи родственниковъ, а потому и полной якобы беспомощности. Это пугаетъ и невѣсту, и ея родителей, почему и согласіе на отдаленные по разстоянію браки дается въ большинствѣ случаевъ крайне неохотно.

Въ домашнемъ быту сартовская женщина является хозяйкой и работницей лишь по столько, по сколько это влечется съ основными, касающимися ея положеніями религіи, признающими мужа главою семьи и предлагающими ей, женщины избѣгать взгляда постороннихъ людей. Мужъ долженъ добыть деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ нихъ пищу и одежду (<sup>1</sup>).

Въ зависимости отъ этихъ положеній на обязанности женщины лежатъ главнымъ образомъ тѣ лишь работы, которыя могутъ быть производимы ею внутри *ичкары*. Такимъ образомъ главнѣйшими обычными ея занятіями являются: приготовленіе пищи, доеніе скота, метеніе внутренняго двора, пряжа, шитье и кормленіе шелковичныхъ червей листьями, доставляемыми ей мужчиной вмѣстѣ съ водой, дровами, а также и кормомъ тому дойному скоту, который содержится въ хлѣвѣ внутренняго двора.

Такія дѣла какъ торговля, купля и продажа и пр., всегда лежатъ на мужчинѣ, ибо для женщины считается неприличнымъ ходить на базаръ. Она, правда, ходитъ туда, но сравнительно рѣдко и въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда замѣнить ея некому. Личныя торговыя операціи женщины ведутся ею всегда черезъ какихъ либо посредниковъ, по большей части черезъ мужа или другихъ родственниковъ.

(<sup>1</sup>) Это послѣднее освящено лишь обычаемъ. Согласно же постановленію *шаріата* для жены обязательно: кормить грудью своихъ дѣтей, варить пищу, мыть бѣлье, печь хлѣбъ и мести жилище.

Мы знали одну очень богатую женщину, которая, овдовѣвъ, вышла замужъ за одного изъ своихъ работниковъ, очень расторопнаго и смѣтливаго малаго, къ которому она имѣла большое довѣріе; въ его руки она передала веденіе всѣхъ ея торговыхъ и другихъ дѣлъ.

Случай, когда грамотная жена помогаетъ мужу въ веденіи торговыхъ счетовъ и другихъ письменныхъ работахъ, сравнительно очень рѣдки, такъ какъ женщины хорошо знающихъ грамоту и счетъ очень и очень немноги.

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ мужъ и жена живутъ согласно, на всѣ вообще предпріятія мужъ рѣшается не иначе, какъ посоветовавшись съ женой или, по крайней мѣрѣ, сообщивъ ей свое рѣшеніе<sup>(1)</sup>. Если женъ нѣсколько, то мужъ совѣтуется по большей части съ одной лишь старшей, первой женой.

Къ намъ много разъ обращались или съ просьбою дать денегъ взаймы, или съ предложеніемъ вступить въ компанію по тому или другому торговому или земледѣльческому предпріятію. Если со стороны мужа слѣдовало соглашеніе, то его спрашивали согласна ли и жена; если слѣдовалъ отказъ, то просили не торопиться съ нимъ, а предварительно посоветоваться съ женой, ибо она можетъ пайти это возможнымъ или выгоднымъ.

Слѣдуетъ однако же замѣтить, что такое правило соблюдается главнымъ образомъ лишь въ средѣ земледѣльческаго населенія, нравственный міръ котораго во всѣхъ вообще отношеніяхъ смѣло можетъ быть названъ наиболее симпатичнымъ въ сравненіи съ другими классами или слоями туземнаго общества.

Далѣе, говоря о занятіяхъ и работахъ женщины, мы будемъ имѣть въ виду лишь кншлѣчное земледѣльческое населеніе и классъ небогатыхъ горожанъ, такъ какъ въ средѣ богатыхъ купеческихъ семей и состоятельнаго бывшаго ханскаго служилаго люда женщина не занята ничѣмъ почти, кромѣ шитья и вышиванья.

<sup>(1)</sup> « — совѣтуясь съ ними, дѣлайте, что почтете лучшимъ ». Коранъ. Глава 65, ст. 6.

Въ этой средѣ для исполненія черныхъ домашнихъ работъ имѣются или служанки *акъ-чѣчъ*, или рабыни—*джури*. Въ служанки идутъ почти исключительно однѣ лишь бездомныя вдовы, достигшія такого возраста, когда на выходъ замужъ не остается болѣе никакихъ надеждъ. Живутъ онѣ по большей части за пищу и одежду, а деньги если иногда и получаютъ, то въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ, обыкновенно не болѣе 10 р. въ годъ. (*Акъ-чѣчъ* значитъ бѣлые волосы).

До прихода русскихъ въ Фергану во всѣхъ почти богатыхъ семьяхъ были и рабы (*кѣлѣ*) и рабыни (*джури*). Какъ тѣ такъ и другія—исключительно дунгане—привозились сюда въ дѣтскомъ возрастѣ изъ Кульджи и Кашгара, гдѣ приобретались здѣшними торговцами, имѣвшими дѣла съ названными городами, или увозомъ, или покупкою у родителей. Въ Ферганѣ мальчикъ—рабъ продавался отъ 70 до 100 р., а дѣвочка—рабыня отъ 50 до 80 р. серебромъ.

Съ приходомъ русскихъ рабство было объявлено болѣе не существующимъ. Большинство рабовъ покинуло своихъ прежнихъ хозяевъ, а рабыни всѣ почти остались на мѣстахъ, такъ какъ онѣ или были замужемъ за работниками и служителями своихъ прежнихъ хозяевъ, или слишкомъ молоды для того, чтобы начать самостоятельную жизнь. Нѣкоторыя же просто не имѣли надобности уходить куда-либо, такъ какъ жилось сравнительно сносно. За такими дунганками и по сіе время осталось названіе *джури*.

Въ тѣхъ зажиточныхъ семьяхъ, гдѣ жены взяты изъ бѣднаго класса, очень не рѣдки случаи, когда обязанности ихъ прислужницъ—*акъ-чѣчъ*, исполняютъ матери этихъ женъ или другія ихъ родственницы, положеніе которыхъ ровно ничѣмъ не отличается отъ положенія обыкновенныхъ служанокъ.

Дочь помыкаетъ и командуетъ такой прислужницей матерью, совершенно игнорируя существованіе какихъ либо другихъ соотношеній, кромѣ соотношеній госпожи и служанки. Намъ не разъ случалось слышать разговоры матери, выдающей свою дочь за богатаго человѣка. Она проситъ невѣсту забыть, что иногда била и ругала еѣ и всегда высказываетъ опасеніе того, что разбогатѣвшая дочь не пуститъ еѣ даже и на порогъ своего дома. Мы знали такой случай,

когда дочь, вышедшая замужъ за состоятельнаго человѣка и взявшая свою мать въ служанки, не только помыкала ею самымъ безошаднымъ образомъ, поминутно дила за плохую службу, но иногда и била её.

О пицѣ и ея приготовленіи мы будемъ говорить ниже самостоятельно и съ возможной подробностью, а потому теперь опишемъ другія женскія работы, изъ которыхъ главнѣйшее мѣсто занимаютъ пряденіе нитокъ и очистка ваты отъ зеренъ и коробочекъ.

Коробочки туземнаго хлопчатника растрескиваются очень слабо, а потому при уборкѣ урожая опѣ срываются съ кустовъ цѣликомъ и въ этомъ видѣ поступаютъ въ продажу на базаръ.

При очисткѣ даннаго количества хлопчатника, ваты по вѣсу получается только  $\frac{1}{4}$ ; половина общаго вѣса приходится на сѣмена—*чиитъ* и четверть на коробочки. *Чиитъ* идетъ въ примѣсь къ львяному сѣмени при говкѣ изъ него масла, а коробочки при большемъ ихъ количествѣ сжигаются въ очагѣ подъ котломъ. Очистка хлопца отъ коробочекъ производится руками, а отъ *чиита* при посредствѣ особаго деревяннаго аппарата *чирькз* или *чагрькз*, главную суть котораго составляютъ два вращающіеся на встрѣчу другъ другу валика со спиральными парѣзками. Вата проходитъ между валиками, а сѣмена отрываются и падаютъ внизъ. Прежде чѣмъ очищать хлопокъ отъ сѣмянъ, его тщательно просушиваютъ на солнцѣ. Въ теченіи недѣли или, вѣрнѣе, шести дней женщина очищаетъ въ среднемъ не болѣе  $\frac{1}{2}$  *чайрика* (2 пуда 25 фунтовъ) коробочекъ. Изъ этого количества получается 2 *чаксы* (26 ф.) ваты и 4 *чаксы чиита*. Въ настоящее время напримѣръ  $\frac{1}{2}$  *чайрика* неочищенныхъ коробочекъ хлопчатника (*гуза*) продается около 2 р. 40 к.; двѣ *чаксы* ваты стоятъ 3 р. 60 к., а 4 *чаксы чиита* около 40 к. Средній недѣльный заработокъ женщины, занимающейся исключительно очисткою хлопца можетъ быть принятъ около 1 р. 50 к., по этой цифры заработокъ достигаетъ тогда только, когда у женщины есть помощники дѣти, на которыхъ лежитъ очистка хлопца отъ коробочекъ и кромѣ того рѣдкая женщина можетъ работать по долгу безъ отдыха, такъ какъ рука и плечо сильно вѣмѣютъ при вращеніи рукоятки *чагрька*. (Такой очищенный хлопокъ

частью идетъ на мѣстные потребности: одѣяла, халаты и пр., а главнымъ образомъ скупается торговцами по мелочамъ на базарѣ и увозится въ Россію).

На пряденіе нитокъ идетъ лучшей по цвѣту, наиболѣе бѣлый, хлопокъ. Предназначенная для переработки въ пряжу вата предварительно тщательно перебивается тонкими тростипками, при чемъ ей придаютъ форму пластовъ около пальца толщиной,  $\frac{1}{4}$  аршина шириной и нѣсколькихъ аршинъ длиною. Затѣмъ каждый такой пластъ по его длинѣ свертывается въ клубокъ. Самое пряденіе нитки производится на веретено, приводящееся въ движеніе посредствомъ маленькой деревянной ручной прялки—*чархъ*. Нитка отсучивается отъ маленькихъ цилиндриковъ ваты, скатываемыхъ руками. Цилиндрики эти, около  $\frac{1}{4}$  аршина длиною и въ палецъ толщиной, скатываются изъ кусковъ, отрывааемыхъ отъ заранѣе приготовленныхъ клубковъ перебитой ваты.

Нитки, необходимыя для шитья бѣлья и одежды, прядутся обыкновенно дома, а потому вся та пряжа, которая выдѣлывается для продажи, идетъ главнымъ образомъ на тканье бѣлыхъ и цвѣтныхъ матерій мѣстнаго производства. (Последнимъ здѣсь заняты исключительно мужчины; въ нѣкоторыхъ каракалпакскихъ и другихъ полукочевыхъ семьяхъ женщина ткеть однѣ только грубыя шерстяныя матеріи). Пряжею женщина зарабатываетъ въ недѣлю отъ 40 до 80 к. сер., при чемъ въ большинствѣ случаевъ выдѣланныя за недѣлю, или за 6 дней<sup>(1)</sup>, нитки продаются непременно въ слѣдующій же базаръ, такъ какъ вырученныя на нихъ деньги, особенно въ городахъ, гдѣ у бѣднаго населенія никогда почти никакихъ запасовъ не имѣется, необходимы на покупку провизіи и опять таки въ базарный же день, ибо въ противномъ случаѣ провизію эту придется покупать у мелочныхъ торговцевъ по дорогой, сравнительно, цѣнѣ.

Въ холодныя зимы такія женскія работы, какъ очистка ваты, а главнымъ образомъ пряденіе нитокъ, прекращаются, потому что, во первыхъ, нѣгдѣ сушить хлопца, во вторыхъ, большинство помѣщеній настолько холодно, что работать въ

(<sup>1</sup>) Прясть по пятницамъ считается грѣхомъ. Другія же работы производятся.

нихъ подолгу становится совершенно невозможнымъ и, въ третьихъ, на базарахъ нѣтъ спроса на нитки вслѣдствіе поголовной почти забастовки ткачей, мастерскія которыхъ холодны такъ-же, какъ и большинство другихъ помѣщеній. Цѣны на нитки падаютъ такъ сильно и быстро, что въ началѣ такой холодной зимы далеко не рѣдки случаи, когда женщина, вынесшая свои нитки на базаръ, продастъ ихъ за ту же цѣну, за которую она, недѣлю тому назадъ, купила очищенный хлопокъ. Есть женщины, живущія исключительно однимъ только этимъ трудомъ. Мы знали одну такую старуху. Она прядла нитки, а мужъ ея, 60-лѣтній старикъ, продавалъ на улицѣ *халву*, которую онъ бралъ на комиссію и зарабатывалъ этимъ около 10 к. въ день. Судите о положеніи этихъ людей во время забастовки ткацкихъ работъ, въ холодную зиму, когда пужпы дрова и горячая пища, и когда все безусловно продукты сильно дорожаютъ. Знали и еще одну семью. Это была старуха лѣтъ за 50. У ней была дочь лѣтъ 12 и крошечный дворничко въ одномъ изъ наиболѣе людныхъ кварталовъ Намангана. Жили очисткой ваты и пряденьемъ нитокъ, разумѣется всегда въ проголодь. Старуха стала дряхлѣть. Видитъ дѣло плохо. Отдала дочь за бездомнаго подевщика и взяла его къ себѣ; зарабатывалъ онъ въ среднемъ около 20 к. въ день и то не всегда; оказался больнымъ грижей и полундіотомъ. Наступила холодная, всемъ памятная здѣсь, зима 18<sup>81</sup>/<sub>2</sub> года, когда морозы доходили до—20° ц. Все безъ работы. Дочери было уже 14 лѣтъ. Голодь и холодъ донали. Невинность дѣвушки была продана за *четыре рубля серебромъ*. Потомъ дѣла ихъ поправились; идиотъ умеръ, а бывшая номинальная жена его сдѣлалась тайной проституткой.

Мы знали еще и другихъ, подобныхъ этимъ же, но боимся, что такъ можно, пожалуй, и надоѣсть читателю во первыхъ, а во вторыхъ, если начнемъ пересчитывать всехъ извѣстныхъ, то рискуемъ кончить очень не скоро, а обстоятельства заставляютъ насъ торопиться со своей работой.

Излюбленнымъ дѣломъ, не только женщинъ всехъ возрастовъ, но даже дѣвушекъ, не смотря на то, что оно въ сущности очень хлопотно, слѣдуетъ назвать разведеніе и кормленіе шелковичныхъ червей. Привлекаетъ же оно къ

себѣ потому, что, въ случаѣ удачи, дѣло это выгоднѣе всехъ другихъ женскихъ работъ.

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня мѣсяца изъ нарочно отложенныхъ для этого коконовъ, хранящихся гдѣ-нибудь въ углу комнаты, на влажномъ, земляномъ полу, выходятъ бабочки. Ихъ спариваютъ, сажая по одному самцу и одной самкѣ въ небольшой матерчатой мѣшечекъ, который подвѣшивается гдѣ-нибудь въ комнатѣ же на колышкѣ. Здѣсь самка кладетъ яички, послѣ чего бабочекъ выбрасываютъ. До весны яички сохраняются такъ, чтобы они не могли промерзнуть. Нѣкоторые зарываютъ ихъ въ серединѣ зимы глубоко въ снѣгъ и оставляютъ здѣсь на одни сутки, полагая, что такая операція можетъ предохранить будущихъ червей отъ заболѣванія. Въ мартѣ, какъ только появятся первыя почки на тутовыхъ деревьяхъ, женщины приступаютъ къ искусственному высиживанію яичекъ, для чего послѣднія, завязанныя въ маленькія мѣшечки, подвѣшиваются подъ мышку, подъ груди, или къ ошейникѣ штановъ и выводятся здѣсь въ теченіи 15—20 дней теплотою тѣла.

Въ это же время на базарѣ *найса* (около 6 золотниковъ) яичекъ продается отъ 20 до 40 к. Какъ только изъ всехъ яичекъ, заключающихся въ мѣшечкѣ, появятся черви, ихъ выкладываютъ въ небольшую, плоскую корзинку, внутренность которой выстилается какой-нибудь тряпичей; сверху корзинка закрывается или сложеннымъ въ нѣсколько разъ полотенцемъ, или тонкимъ ватнымъ одѣяломъ. Прикрывать корзинку необходимо, дабы защитить молодыхъ червей отъ свѣта, колебаній температуры и такихъ враговъ, какъ, напримеръ, муравьи и воробьи. Корзинки съ червями держатся или въ комнатѣ, или подъ навѣсомъ. Къ этому же времени на тутовыхъ деревьяхъ появляются первыя листки; ихъ обрываютъ, мелко рубятъ и въ такомъ видѣ посыпаютъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, поверхъ червей. (Какъ только послѣдніе выведутся, на базарахъ появляются лукошки съ продажными червями). Черезъ 8—10 дней послѣ появленія на свѣтъ, черви засыпаютъ и спятъ 2 дня. Такихъ засыпаний, приблизительно черезъ 10 дней, четыре. По мѣрѣ роста червей, ихъ переводятъ изъ малыхъ корзинокъ въ большія, а листья рубятся все крупнѣй и крупнѣй, пока, послѣ 2-го сна, не станутъ давать ихъ цѣлкомъ. Послѣ

третьяго сна, когда длина червей достигаетъ около  $2\frac{1}{2}$  дюймовъ, ихъ переводятъ изъ корзины на нары; нары устраиваются изъ палокъ и хвороста въ темной комнатѣ. Въ это время въ пищу червямъ даются цѣлыя вѣтви туты, разбрасываемыя поверхъ нары. Послѣ четвертаго сна вокругъ нары, или вдоль стѣны комнаты, разставляются пучки крупныхъ, сорныхъ травъ; черви сползаютъ на нихъ и начинаютъ здѣсь завивать коконы. Послѣдніе появляются приблизительно черезъ 50 дней послѣ выхода червей изъ яичекъ. Въ первой половинѣ мая базары буквально заваливаются коконами. Со всѣхъ сторонъ несутся и везутся большія корзины и узлы. Каждый спѣшитъ продать свои коконы возможно скорѣе, пока они еще не успѣли высохнуть и потерять часть своего вѣса.

Въ это время *чакса* ихъ (13 ф.) стоитъ на базарѣ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 80 к. Цвѣтъ коконовъ различенъ, отъ бѣлаго до ярко-оранжеваго, но на базарахъ коконы сортируются не по цвѣту, а по ихъ прочности. Хорошій коконъ, сжимаемый въ рукѣ, не долженъ легко поддаваться вдавливанію. Скупщики немедленно же раскладываютъ ихъ (коконы) на солнцѣ, дабы предотвратить этимъ выходъ бабочекъ, а слѣдовательно и разрывъ коконовъ, ибо въ размотку идутъ одни лишь цѣльные. Коконъ, оставленный для своихъ домашнихъ потребностей, такъ же, какъ и поступившіе въ продажу, разматываются всегда особыми мастерами, составляющими въ городахъ особый же цѣхъ.

Изъ одной *пайса* (6 золотниковъ) яичекъ, стоящихъ на базарѣ отъ 20 до 40 к. сер., получается 30—50 фунтовъ коконовъ, цѣна которыхъ колеблется отъ 3 р. до 11 р. 20 к., а чистый доходъ, при условіи даровыхъ листьевъ, отъ 2 р. 60 к. до 11 р. сер. Въ одной семьѣ выводится отъ  $\frac{1}{2}$  до 20 *пайса*. Такъ какъ не многіе лишь могутъ обходиться листьями своихъ собственныхъ тутовыхъ деревьевъ, то поэтому во все время кормленія червей повсемѣстно устанавливается очень бойкая торговля тутовыми вѣтвями, цѣна на которыя доходитъ иногда до громадныхъ размѣровъ, дѣлающихъ занятіе не только не выгоднымъ, но даже и убыточнымъ для тѣхъ, разумѣется, кто долженъ кормить червей покупнымъ листомъ. Очень часто составляются компаніи. Владелецъ большаго числа тутовыхъ деревьевъ даетъ листья

и половину всего количества яичекъ, другая сторона—другую половину яичекъ и уходъ за червями. Коконъ дѣлается по ровну.

Вотъ примѣръ. Одна небогатая намаганская семья, состоящая изъ мужа, жены и сына лѣтъ 11, отправилась въ Чартакъ, селеніе, лежащее верстахъ въ 12 отъ города, гдѣ и вступила въ такую компанію, при чемъ общее количество яичекъ равнялось 20 *пайса*; когда черви подросли, отецъ и сынъ съ трудомъ успѣвали доставлять вѣтви. Коконовъ было получено  $10\frac{1}{2}$  пудовъ. Каждая сторона получила по 38 р. сер. Заработокъ былъ признанъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. (Работа трехъ человекъ продолжалась въ теченіи 2 мѣсяцевъ). Кормленіе червей, въ томъ случаѣ, если оно производится не своими, а покупными листьями, также какъ и праздничныя обряды, служитъ однимъ изъ безчисленныхъ поводовъ къ ссорамъ между мужьями и женами. Жена требуетъ листьевъ и гонитъ мужа за ними или на базаръ, или на окраины города, въ сады. Мужъ ругается за то, что его отрываютъ отъ дома и заставляютъ раскошелиться на какихъ-то червей, отъ которыхъ будетъ ли толкъ, нѣтъ ли, еще неизвѣстно. „Умри, ты, не приносящій листьевъ, ругается жена, умри! Что я буду дѣлать безъ нихъ; черви передохнутъ; труды мои пропадутъ; все изъ за тебя. Иди, а-ты, иди!“

„Ну тебя, съ твоими червями; зря это все; только деньгамъ переводъ; ничего изъ этого не выйдетъ“. — „Не пойдешь, халать твой заложу; сама пойду за листьями“. — „Ахъ ты!... прежде, чѣмъ ты халать то мой заложу, я тебѣ всѣхъ твоихъ червей передамъ“. Дѣло доходитъ чуть не до драки, пока, вдоволь наругавшись, мужъ не наброситъ халать и не отправится за листьями или, точнѣе, за пучками тутовыхъ вѣтвей. Сарты рассказываютъ, что лѣтъ 13—15 тому назадъ былъ годъ, когда тутовыя вѣтви, вслѣдствіе какихъ то причинъ, вздорожали до небывалой степени. Увѣряютъ, что никогда, ни послѣ, ни прежде, не было такого числа разводовъ, какъ въ это памятное всѣмъ и злополучное лѣто.

Шьютъ туземныя женщины очень плохо и крайне небрежно. Большинство шьетъ все вообще швы впередъ-иголку; запошивки и строчки (*багья*) встрѣчаются только на однихъ лишь шелковыхъ рубахахъ. Низы жепскихъ рубахъ, особенно

въ кишлакахъ, не подрубляются, а только обметываются. За шитье халата, или одъяла, на заказъ въ среднемъ берется около 20 к.

Женщины, специально занимающіяся шитьемъ халатовъ и одъялъ, продаваемыхъ на базарахъ, сшиваютъ въ день не болѣе одного халата, или одного же одъяла.

Вышиваніе шелками тюбетеекъ, головныхъ платковъ и кушаковъ, гораздо и прочнѣй, и изящнѣй всякаго другаго шитья. Часто встрѣчаются тюбетейки сплошь вышитыя очень мелкимъ и изящнымъ узоромъ. По большей части это цвѣтки и листики самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и формъ. Такая тюбетейка продается обыкновенно не дороже 1 р. 50 к., а за вышиваніемъ ея женщина сидитъ не менѣе 4—5 дней. Приготовленіе тюбетеекъ никогда почти не является здѣсь специальностью; имъ занимаются между другимъ дѣломъ. Такъ напримѣръ, прядь нитки по пятницамъ считается грѣхомъ, а потому многія женщины, по этимъ днямъ, вышиваютъ тюбетейки.

Что-же касается до вышиванія платковъ и кушаковъ, то есть женщины, занятія этимъ дѣломъ специально. Въ недѣлю онѣ зарабатываютъ обыкновенно не болѣе 80 к. сер. (Около 40 к. стоитъ кисей на платокъ и шелкъ, а вышитая *дурій* продается не дороже 1 р. 20 к.).

Участіе женщины въ земледѣльческихъ работахъ крайне незначительно. вмѣстѣ съ дѣтьми, подростками, она принимаетъ участіе лишь въ сборѣ дынь и коробочекъ хлопчатника, а въ бѣдныхъ семьяхъ еще и *башака*, колосевъ, остающихся на полѣ послѣ жнитва. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины-же собираютъ чечевичу—*мангъ* и *ясмыкъ* (послѣдній сортъ — плоская, красная чечевица). Никогда не приходилось видѣть женщины съ серпомъ, или за плугомъ, и разъ только былъ встрѣченъ случай, когда жена выносила вмѣстѣ съ мужемъ на носилкахъ навозъ со двора въ *хайтъ* (огородъ), бывший при домѣ; случай этотъ былъ встрѣченъ въ Нанайѣ, гдѣ большинство женщинъ, на половину киргизки, не прячутся отъ своихъ односельчанъ.

Работая въ полѣ и завидя проходящаго или проѣзжающаго посторонняго человека, сартанка или набрасываетъ на голову платокъ такъ, чтобы не было видно ея лица; или же, недовольствуясь этимъ, присаживается на землю и отворачивается лицомъ въ сторону.

У сартовъ не принято заставлять женщину производить какія бы то ни было тяжелыя, черныя работы, а потому такіе случаи, какъ помощь мужу при кладкѣ глинобитныхъ стѣнъ и пр., можно встрѣтить очень и очень рѣдко, среди наибѣднѣйшаго кишлачнаго люда, гдѣ женщина привычнѣй къ работѣ, чѣмъ въ городахъ, и то не иначе, какъ на внутреннемъ дворѣ. Въ нѣкоторыхъ кишлакахъ Наманганскаго уѣзда, ближайшихъ къ горамъ (Нанай, Кукъ-яръ, Кызыль-азы, Ахтамъ), гдѣ, за отдаленностью базара, *тануры* для печенія хлѣба дѣлаются на дому, въ бѣдныхъ семьяхъ женщины иногда пособляютъ мужьямъ и въ этой работѣ. Устанавливаются же *тануры*, всегда почти, самими мужчинами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина принимаетъ участіе въ одной изъ подобныхъ работъ, она дѣлаетъ это всегда по своей доброй волѣ. Никогда не приходилось не только видѣть, но даже и слышать, чтобы мужъ приневоливалъ жену къ такой работѣ, которая не входитъ въ кругъ ея исконно-обычныхъ занятій. Можно думать, что основной причиной этого служитъ дошедшая до максимальныхъ размѣровъ привычка согласовать свою жизнь съ обычаемъ—*расмомъ*, въ основѣ котораго, какъ извѣстно уже читателю, лежитъ тотъ же исламъ.

Выше мы сказали уже, что не только всѣ состоятельныя женщины, но даже и большинство тѣхъ бѣдныхъ, которыя имѣютъ мужей и достаточно взрослыхъ сыновей (свыше 10—12 лѣтъ), избѣгаютъ сами ходить на базаръ, посѣщеніе котораго считается для нихъ не приличнымъ. Тѣмъ не менѣе въ базарный день женщинъ здѣсь не мало.

Въ переулочкѣ, пустынномъ въ обыкновенные дни и биткомъ набитомъ въ базарные, и коннымъ и пѣшимъ людомъ, стоитъ нѣсколько десятковъ женщинъ въ сѣрыхъ и синихъ затасканныхъ и отрепанныхъ *паранджѣ*, съ мотками пряжи въ рукахъ. На углу, прижавшись къ стѣнѣ и присѣвъ на корточки, въ такомъ же отрепанномъ *паранджѣ* сидитъ маленькая, сгорбленная старушенка; на колѣняхъ у ней широкая, плоская корзина съ лешками, поверхъ которыхъ наброшена красная, затаस्कанный и засаленный *дастарханъ*; о томъ, что она старуха, вы узнаете по морщинамъ, сухимъ рукамъ со скрюченными пальцами. Мимо нея проходитъ молодой парень съ такой же корзиной на

головѣ и во всю глотку ореть: „иссыкъ“ (горячія), привлекая этимъ возгласомъ покупателей. Старушенка сидитъ молча, ибо ей не только кричать, но даже и говорить громко на улицѣ и грѣшно, и зазорно; она женщина, *зайфъ-кши*, *зайфъ* (что, по арабски, значитъ — слабый, безпомощный). Идете вы мимо нея и невольно думаете, не для нея ли, именно для этой сѣдой, сгорбленной старушенки былъ приготовленъ сей многозначительный терминъ; поистинѣ она *зайфъ*. Очень возможно, что она просидитъ молча здѣсь, въ уличной грязи, и лишь къ вечеру успѣетъ продать свои 20 лепешекъ, выручивъ на нихъ какихъ нибудь 10—15, много 20, копѣекъ чистаго барыша.

Будь у ней подростокъ сынъ, она послала бы его на базаръ, а сама осталась бы дома, но послать ей положительно некого. Дочь была замужняя, умерла; сынъ былъ, ушелъ работать поденщикомъ въ Ташкентъ и пропалъ безъ вѣсти; былъ мужъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ ей крошечный дворикъ, въ которомъ живетъ она изо дня въ день, наѣдаясь досыта лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ, случаяхъ, да и то не дома, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ, на поминкахъ, на праздникахъ, гдѣ ея угощаютъ въ качестве нищей. Какъ не умираетъ она съ голоду, известно одному Аллаху. По истинѣ, Аллахъ великъ и чудны дѣла Его. Онъ *акбаръ* (великій); Онъ *рахманъ* (милостивый); Онъ *хй* (сущій); Онъ далъ ей силу приучить свой организмъ питаться въ теченіи сутокъ одной лепешкой и нѣсколькими чашками того, что она называетъ чаемъ, и что въ сущности есть отваръ ей лишь одной известной травъ. Судите сами, что было бы съ ней безъ Аллаха.

Но пойдете, читатель, дальше по базару; не стоять же намъ здѣсь, передъ этой старушкой

Толкотня страшная. Вотъ рядъ съ тюбетейками. Лавки маленькія; передніе фасаы, какъ и у всѣхъ вообще здѣшнихъ лавокъ, открыты; поверхъ кошемъ, постланныхъ на полу, разложены ряды разноцвѣтныхъ, черныхъ, красныхъ, синихъ и лиловыхъ тюбетеекъ, расшитыхъ цвѣтами. Продавцы чинные, опрятные; около каждой лавочки народъ; мальчишки ковыряютъ въ носу и смотрятъ на красныя тюбетейки; дальше чай, сахаръ, подносы и фарфоровые чайники. А вотъ и красныя ряды. На перекресткѣ, вдоль лавокъ, разсѣлось

нѣсколько женщинъ съ вышитыми платками и кушаками. Вотъ хорошо одѣтая сартянка, дробной, плавной походкой, плыветъ мимо лавокъ съ ситцами и робко оглядывается по сторонамъ. Она совсѣмъ молоденькая. Съ годъ тому назадъ ее отдали замужъ. Сегодня, отиросившись къ матери, она улизнула на базаръ; больше всего ей хотѣлось взглянуть на ситцы и лавочки *аттаровъ*, продающихъ пуговицы, тесьмы, зеркальца, запонки и другія блестящія мелочи. Если бы вы знали, какъ стучитъ у ней сердце отъ страха встрѣтиться съ отцомъ, или мужемъ, которые навѣрно узнаютъ ея и по колошамъ, купленнымъ еще такъ недавно, и по *паранджѣ*. Она хотѣла надѣть чей либо чужой, но взять его было не у кого, и потому пустилась на удалую. Повернемъ за ней направо, мимо ситцевъ, разноцвѣтныхъ платковъ, канаусовъ, атласовъ и другихъ матерій, къ *аттарамъ*. Проказница перешла на другую сторону и рассматриваетъ бусы, а мы остановимся вотъ у этой лавочки. У передняго ея фаса, между бусами, нитками коралловъ, пуговицами, пузырьками, ящичками съ сѣрой, квасцами и кусочками какихъ то корней, сидитъ молодой, красивый сартъ. Онъ сосредоточенно смотритъ куда то въ сторону, стараясь не глядѣть на старуху, которая долго стояла передъ нимъ, но, уставъ стоять, присѣла на корточки. „Такъ чтожь, возьмете что ли?“ слышится изъ подъ порыжеваго отъ времени и сильно исѣкшагося волосаго *чимбѣта*. Сартъ молчитъ и смотритъ въ сторону „Ей-Богу, я въ прошломъ году сама купила по 40 к. за залотникъ. Дайте по 30 к.“ — „По 20 к. больше не дамъ.“ — „Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать! хоть по 25 к. дайте.“ — „Ну, ступай, сказалъ больше не дамъ — чего торгуешься.“ — „Возмите, возьмите, коли не хотите прибавить“ и рука съ кораллами протягивается къ сарту.

Разсказывать ли вамъ, читатель, что такое происходитъ здѣсь? Говорить ли о томъ, какъ сегодня утромъ эти кораллы были сняты съ дочери; какъ плакала дѣвочка, разставаясь со своимъ единственнымъ украшеніемъ, которое годъ тому назадъ покойный отецъ подарилъ ей къ празднику? Нужно ли говорить, зачѣмъ все это было сдѣлано? Конечно нѣтъ. Скучно все это. Уйдемте отсюда. Вонъ на углу *чай-ханѣ*. Нѣсколько разфранченныхъ *бай-бачѣй* (молодыхъ купчиковъ) сидятъ на коврѣ. Передъ ними подносъ съ лепешками, фис-

ташками и изюмомъ. Хорошенькій *батча* паливаетъ изъ мѣднаго *чайдуса* въ чашку чай и подноситъ каждому по очереди. *Батча* кокетничаетъ и строитъ глазки. Отъ него берутъ чашку, заставивъ его пригубить. Одинъ изъ присутствующихъ всматривается въ толпу, прищуриваетъ глаза и медленно, какъ будто оправляя на себѣ халатъ, прикладываетъ правую руку къ лѣвой груди. Онъ узналъ въ толпѣ одну изъ знакомыхъ ему кокотокъ и дѣлаетъ ей *хушаматъ*; она быстро проходитъ въ своемъ парадномъ, блестящемъ на солнцѣ, свѣтло-сѣромъ *паранджѣ* и осторожно оглядывается въ сторону *чай-ханѣ*. А вотъ въ толпѣ идетъ худой, угрюмый сартъ и въ полголоса разговариваетъ самъ съ собой. Остановился, не обращая вниманія на то, что его толкаютъ со всѣхъ сторонъ, выложилъ изъ кожаннаго мѣшечка, болтающагося на кушакѣ у лѣваго бедра, нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ на ладонь лѣвой руки, осмотрѣлъ ихъ, сосчиталъ, потыкалъ каждую указательнымъ пальцемъ правой руки, осмотрѣлся зачѣмъ-то по сторонамъ, сложилъ деньги опять въ мѣшечекъ и пошелъ дальше. Онъ ткачъ; онъ только что продалъ вытканную имъ за педѣлю матерію, получилъ 1 рубль чистаго барыша и идетъ теперь въ *капандъ*—(хлѣбный базаръ). На этотъ рубль онъ долженъ купить кусочекъ мяса, кусочекъ сала, нѣсколько фунтовъ рису, чечевичы и муки, моркови, луку и дровъ, а жена его должна будетъ позаботиться о томъ, чтобы всего этого хватило имъ съ двумя дѣтьми на цѣлую педѣлю.

Сколь хороши и поучительны этотъ базаръ! Въ немъ жизнь или, по крайней мѣрѣ, драма жизни, та живая, правдивая драма, которой не увидишь ни на какихъ подмосткахъ, ибо на нихъ наука драматическаго искусства не пускаетъ тѣ тины, которые во всей жизненной наготѣ мы видимъ здѣсь.

Здѣсь все, и куски ярко-блестящаго атласа и отренъ стараго, истасканнаго *паранджѣ*, и кунцы, ворочаціе десятками и сотнями тысячъ, и ткачи, зарабатывающіе одинъ рубль въ педѣлю, и разфранченая проказница, убѣжавшая изъ дому посмотреть на базаръ, и старуха, продающая лепешки, и чего, чего тутъ нѣтъ!

Еще за полверсты—за версту слышится базарный гулъ, базарный шумъ. Пойдите ближе. Вы начнете различать какіе-то нестройные звуки; войдите на самый базаръ, смѣ-

нитесь съ толпой, откройте ваши глаза и уши, и вы услышите цѣлую оперу; вы услышите и мягкій, плавный смѣхъ раздѣвнагося кунчины, и надтреснутый, слабый вопль старухи, придавленной нищетою, и поединокъ двухъ бѣдняковъ, азартно торгующихся другъ съ другомъ за три гроша, которыхъ ни одинъ изъ нихъ не хочетъ уступить другому, ибо эти три гроша—полторы лепешки, на которыхъ въ крайности можно прожить цѣлый, длинный для голоднаго человѣка, день.

Здѣшній базаръ—это огромный анатомическій театръ, въ которомъ на глазахъ всѣхъ зрячихъ людей искусная рука жизни демонстрируетъ всѣ язвы и недуги мѣстнаго человечества.

Такимъ образомъ непосредственное участіе въ добываніи средствъ жизни женщина принимаетъ только въ наиболѣе бѣдныхъ классахъ, а исключительно еѣ трудомъ, семья живетъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ домѣ нѣтъ мужчины, причиною чего обыкновенно бываетъ или вдовство женщины, или временная отлучка мужа, которая продолжается, впрочемъ, иногда и очень долго, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Мы знали напримѣръ женщину, отъ которой мужъ сбѣжалъ, оставивъ еѣ съ тремя малолѣтними дѣтьми. Женщина эта, жившая въ кишлакѣ, принуждена была содержать и себя, и дѣтей, личнымъ своимъ трудомъ.

Въ томъ случаѣ, если мужъ уходитъ на работу, или уѣзжаетъ по торговымъ дѣламъ на долго, и если онъ маломальски порядочный человѣкъ, онъ оставляетъ семьѣ запасъ зерна, муки и небольшое, обыкновенно, количество денегъ. Мы знали состоятельныя кунческія семьи, обороты которыхъ простирались отъ 20.000 до 40.000 р., въ которыхъ мужья, уѣзжая за бараками въ Семирѣчье, или въ Западную Сибирь, оставляли семействамъ, сверхъ запасовъ сала, муки, риса и пр., не болѣе 15—20 р. сер. Иногда даже и этихъ денегъ не оставлялось въ пачинности, а предлагалось получить ихъ съ одного изъ должниковъ.

Бываютъ и такіе случаи. Мужъ живетъ въ работникахъ. Жена его, обрѣтающаяся въ томъ же кишлакѣ, или городѣ, долго не получая отъ мужа никакого вспомошествованія, идетъ къ казію. Казій присуждаетъ мужа къ еженедѣльной уплатѣ ей, женѣ, 40 к сер., цифры, несони установленной на-



роднымъ обычаемъ, при чемъ совершенно игнорируется то обстоятельство, что когда обычай этотъ установился, пудъ пшеницы стоилъ отъ 10 до 15 к., а теперь этотъ же пудъ стоитъ отъ 50 до 80 к. сер.

Дабы дать возможно-полное представленіе о питаніи туземцевъ, мы позволяемъ себѣ перечислить главнѣйшія и наиболѣе употребительныя здѣсь кушанья.

Любимымъ, національнымъ кушаньемъ туземца слѣдуетъ назвать *палау*, которое считается лучшимъ и даже, до нѣкоторой степени, аристократическимъ блюдомъ; блюдо *палау* очень часто является подаркомъ, которымъ обмѣниваются родственники и знакомые, какъ напримѣръ, вечеромъ наканунѣ праздниковъ Рамазана и Курбана. Вместе съ тѣмъ кушанье это одно изъ наиболѣе дорогихъ, а потому бѣдный классъ можетъ пользоваться имъ не часто.

Въ средѣ малосостоятельнаго городского населенія принято готовить его разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, вечеромъ.

Приготавливается *палау* различными способами; здѣсь мы скажемъ лишь объ одномъ, наиболѣе распространенномъ. Прежде всего въ котлѣ варится супъ изъ баранины. Сварившійся супъ выливается изъ котла въ чашку; въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ сала поджаривается морковь, лукъ и мясо, вывучое изъ супа. Затѣмъ все, не исключая и супа, смѣшанное съ рисомъ, варится въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока получится крутая каша; тогда котель накрывается на нѣсколько минутъ большой глиняной чашкой, опрокинутой вверхъ дномъ, и *палау* готовъ.

Его выкладываютъ на блюдо горкой, поверхъ которой помещаютъ неразрѣзанные куски мяса. Мясо это крошится, при помощи рукъ и ножа, однимъ изъ сотрапезниковъ во время ѣды.

*Шавла*—жидкое *палау* или, вѣрнѣе, рисовая размазня на салѣ съ морковью, лукомъ и мелкими кусочками баранины.

*Шурба*—супъ изъ баранины, или другаго мяса съ перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой, или тыквой, а иногда *катыкомъ*.

*Кульчатай*—похлебка изъ мелко-крошеннаго мяса и тѣста.

*Мастаа*—похлебка изъ мелко-рубленнаго мяса, риса, лука и кислаго молока.

*Чичварà* или *чичтарà*—пельмени. Начинка состоитъ обыкновенно изъ лука и очень незначительнаго количества мяса.

Такія мясныя кушанья, какъ *каурма*, кусочки баранины, поджаренные въ салѣ, *Хаситъ*, колбасы изъ баранины, печенки и риса и *казы*, конскія колбасы, приготавливаются только въ наиболѣе состоятельныхъ домахъ.

*Ширъ-Гурдунджъ*—молочная рисовая каша. *Куча* или *куджа*,—жидкая кашница изъ джугары (сорго), или пшена (рѣже изъ кукурузы, или ячменя), съ примѣсью *катыка*—являетъ собою, въ особенности въ кишлакахъ, исключительную почти нищу, не только малосостоятельнаго и бѣднаго населенія, но даже семей зажиточныхъ. Мы знали семейство волостныхъ управителей, въ которыхъ чуть не изо дня въ день варила *куча*, при чемъ нища эта лишь изрѣдка разнообразилась *маставдой*, *шавдой*, пирожками съ тыквой или съ листиками люцерны и т. п.

*Унг-аиз* (кушанье изъ муки) лапша, сваренная на водѣ безъ мяса, съ примѣсью *катыка*.

*Гурда*—жидкая кашница изъ риса на водѣ съ *катыкомъ*.

*Машъ-гурдунджъ*—жидкая кашница на водѣ изъ риса (*гурдунджъ*) и чечевицы (*машъ*) съ рѣпой, морковью, лукомъ, перцемъ и *катыкомъ* (или мясомъ).

*Атала*—болтушка изъ муки, имѣющая видъ жидкаго киселя. Мука поджаривается съ саломъ, и затѣмъ разводится водой.

*Ширъ-каду* (молоко и тыква)—похлебка на молокѣ съ тыквой и рисомъ.

Перечисливъ все главнѣйшія, наиболѣе употребительныя, кушанья, нельзя обойти молчаніемъ еще одного, такъ называемаго *сумалъкъ*, нѣчто въ родѣ жидкаго киселя, приготавлиаемаго изъ солода. Здѣсь приготовленіе *сумалъка*, такъ же какъ и рѣскихъ блиновъ, имѣетъ чисто обрядовый характеръ. Варятъ его, всегда ранней весной, изъ муки и солода, для приготовленія котораго искусственно проращиваютъ пшеницу.

На *сумалъкъ* приглашаются обыкновенно однѣ лишь женщины и дѣвушки; большинство приносить съ собой по немногу солода и муки. Собираются онѣ вечеромъ. Старухи впродолженіи всей почти ночи варятъ *сумалъкъ*, произ-

нося надъ котломъ разныя молитвы, а молодежь, бабы и дѣвушки, угощаются пловомъ, изюмомъ, орѣхами и пр. Въ случаѣ прихода посторонняго мужчины, женщины и дѣвушки, собравшіяся на *сумалыкъ*, не прячутся.

На утро, поѣвъ *сумалыкъ* и забравъ часть его въ чашки, компанія расходится. Очень часто на этихъ сборищахъ высматриваются невѣсты и сходятся любовники.

Происхожденіе этого обычая мы объясняемъ себѣ такъ. На зиму запасы зерноваго хлѣба въ большинствѣ случаевъ зарываются здѣсь въ землю, въ ямы, носящія названіе—*урá*. Если весною не отроютъ зерно во время, то оно проростаетъ. Вѣроятно, прежде случаи такого проростанія были не рѣдки до тѣхъ поръ, пока хорошенько не примѣнились къ этому способу сохраненія (это случается впрочемъ и теперь). Отрываютъ пшеницу — проросла. Попробовали сдѣлать изъ нея муку, получилось что-то сладковатое. Сварили болтушку, понравилось. Тогда позвали на нее сосѣдей; тѣмъ тоже понравилось, тѣмъ болѣе, что здѣсь весна, когда запасы хлѣба уже истощаются, самое голодное время года. А затѣмъ такой *сумалыкъ* мало по малу вошелъ и въ обычай.

Изъ напитковъ наиболѣе употребителенъ чай, приготовляемый двумя способами: или кипяченіемъ на водѣ въ чайникахъ, т. е. такъ же почти, какъ это дѣлается и у насъ, или же кипяченіемъ ея въ котлѣ съ примѣсью молока, масла, соли и перцу. Въ послѣднемъ случаѣ онъ носитъ названіе *шйрг-чая*. Такіе напитки, какъ водка, виноградное вино и *бузá* — родъ пива или браги, приготовляемой здѣсь изъ проса, — преслѣдуются религіей, но тѣмъ не менѣе явное, открытое потребленіе ихъ туземцами съ каждымъ годомъ дѣлается все больше и больше, что дало нѣкоторымъ поводъ утверждать, будто-бы пьянство, не извѣстное прежде между сартами, было привито къ нимъ русскими.

Насамомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Во первыхъ, *бузá* — напитокъ чисто мѣстный и никто изъ туземцевъ не думаетъ отрицать прежняго значительнаго потребленія его, въ особенности кочевымъ населеніемъ. Во вторыхъ, не только туземцамъ, но даже и многимъ русскимъ, извѣстно, что еще до прихода сюда, въ Фергану, послѣднихъ, тайное приготовленіе фруктовой водки и винограднаго вина было очень

распространено между мѣстными евреями, и что русской администраціи во многихъ городахъ Ферганы стоило не малаго труда, если не совсѣмъ, то хотя-бы отчасти, остановить это производство. А если было производство, то, очевидно, былъ и спросъ, были и потребители. Въ третьихъ, извѣстно также, что *Алимъ-ханъ* и *Мадали-ханъ* были горькими пьяницами, о чемъ повѣствуется въ туземныхъ сочиненіяхъ по исторіи Кокандскаго ханства.

Наконецъ, въ четвертыхъ, обращаясь къ запискамъ Султана—Бабура, написаннымъ около 400 лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ ихъ мы чуть не на каждой страницѣ читаемъ описанія того, какъ знаменитый Султанъ кутилъ со своими приближенными. Очевидно, что пьянство тайное, скрывавшееся отъ палокъ и плетей *кази-райса*, существовало здѣсь уже не одно столѣтіе. Очевидно также, что если русскіе и виноваты въ расширеніи круга открыто пьянствующихъ сартовъ, то виновность эта заключается въ томъ только, что они не бьютъ палками тѣхъ, кто попадется на ихъ глаза въ пьяномъ видѣ.

Лѣтомъ, не только у большинства горожанъ, но даже и въ мѣстныхъ кишлакахъ, основными элементами пищи являются: хлѣбъ, фрукты и кислое молоко; содержаніе мяса въ пищѣ нѣсколько увеличивается въ тѣхъ только кишлакахъ, гдѣ заправки значительны, и гдѣ со времени посѣванія хлѣба и до осени послѣдній обмѣнивается у мясниковъ на мясо и сало.

Зимою во многихъ малосостоятельныхъ семьяхъ питаніе женщинъ и дѣтей, по мимо другихъ причинъ, ухудшается еще и по слѣдующему поводу. Въ средѣ мало-состоятельнаго, какъ городского, такъ равно и кишлачнаго, населенія на зиму мужчины образуютъ изъ себя артели, *джурьы*, по 10—15 человекъ; каждый вноситъ по 3—7 рублей. Выбирается артельщикъ, *джурáбаший*; по большей части въ его же домѣ происходятъ и ежедневныя сборища.

На артельные деньги заготавливается мясо, рисъ, овощи и топливо. Если средства *джурьы* достаточны, то нанимается на всю зиму *пласунъ-батчи*, закупается чай, изюмъ и фисташки. (Иногда въ *джурьы* участвуютъ и состоятельные молодые люди). Поварь избирается или на всю зиму, или же готовятъ поочередно.

Собираются вечеромъ. Варится *палау*, въ ожиданіи котораго идетъ *чакъ-чакъ*, болтовня, прибаутки; поютъ пѣсни; пляшетъ *батча*. Сидятъ иногда далеко за полночь. Женатые расходятся по домамъ, а холостые тутъ же и почуютъ. Въ этихъ случаяхъ мужъ и отецъ становится мало заинтересованнымъ въ качествѣ и количествѣ домашней трапезы, въ которой онъ не участвуетъ, а потому и питаніе семьи значительно ухудшается. Чтобы понять значеніе *джурри*, слѣдуетъ имѣть въ виду, что сартъ—человѣкъ улицы и общественной жизни. Нельзя сказать, чтобы онъ совсѣмъ не любилъ семьи; вѣтъ, на той же улицѣ мы встрѣчаемъ мужчинъ, не занятыхъ работой и вячающихся съ дѣтьми. До известной степени онъ любитъ семью; онъ очень любитъ дѣтей и при возможности всегда балуетъ ихъ, но это не мѣшаетъ и тяготѣнню къ улицѣ. Улица—клубъ; на ней народъ; на ней жизнь, разговоры, новости. Но зимой на ней или грязно, или холодно, а общество всетаки нужно; вотъ онъ и идетъ въ *джурру*. Дома сидитъ или благочестивый—*суфй*, или человѣкъ богатый, часто, почти непрестанно, посѣщаемый гостями, домъ котораго въ сущности та-же *джурра*.

Нѣсколько улучшается или, вѣрнѣе, разнообразится пища только по праздникамъ Курбанъ и Рамазанъ и во время поста *рузъи*, такъ какъ религія ограничиваетъ лишь время ѣды, но отнюдь не разнообразіе тѣхъ продуктовъ, которые потребляются въ пищу (1).

Ежедневное вечернее розговѣнье, *ифтаръ*, происходитъ вскорѣ послѣ солнечнаго заката, вслѣдъ за намазомъ *аш-шамъ*. У туземцевъ принято прежде всего съѣсть маленькую щепотку соли, напитокъ *айрану*, (*катъикъ*, смѣшанный съ водой), а затѣмъ уже ѣсть хлѣбъ и фрукты, послѣ которыхъ подается одно изъ перечисленныхъ выше блюдъ.

(1) «Вите, пейте до толѣ, покуда вамъ нельзя будетъ различать бѣлую нить отъ черной нити.

Отъ зари же и до ночи исполняйте постъ; не сообщайтесь съ ними (женами), предаваясь благочестивымъ думамъ въ мечетяхъ». Коранъ глава 2 ст. 183.

За первыя же двѣ недѣли поста, продолжающагося цѣлымъ мѣсяцъ, организмы людей, строго исполняющихъ постановленіе религіи, до того ослабѣваютъ, что къ концу *рузъи* желудокъ дѣлается совершенно неспособнымъ принимать сколько нибудь значительное количество пищи. Однакоже такими ревнителями являются далеко не всѣ. Жена ѣсть потихоньку отъ мужа и дѣтей, а мужъ потихоньку отъ жены и дѣтей; сосѣдъ потихоньку отъ сосѣда и такъ далѣе. Постятся и дѣлаютъ поствыя лица *roug faire les arapences*. Религія освобождаетъ отъ поста, между прочимъ, больныхъ и путешествующихъ, и мы знали случаи, когда сартъ отправляется куда либо нарочито во время поста. Женщина можетъ не поститься во время кормленія грудью. Она не должна поститься въ теченіи шести недѣль, слѣдующихъ за родами и во время менструацій (1).

Въ городахъ утромъ пьютъ чай съ хлѣбомъ, причемъ въ средѣ бѣднаго населенія чай очень часто замѣняется травами, упоминать о которыхъ намъ не приходится, за невозможностью для насъ ихъ опредѣленія (опредѣленія ихъ научныхъ названій); въ кишлакахъ по утрамъ готовится какая-нибудь жидкая кашка; иногда это разогрѣтые остатки вчерашней пищи.

Днемъ, около полудня, хлѣбъ или остатки утренней пищи; въ городахъ въ это время дня, особенно зимою, нерѣдко варится *турда*, *минъ-турдиджъ* или другая кашка.

Вечеромъ къ солнечному закату, а зимой нѣсколько позже, при возможности готовится *шави* или другая кашка съ мясомъ или, наконецъ, *палау*.

У бѣднаго же населенія и вечеромъ неизмѣнная *куча*, *атали* или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Днемъ *палау* варится только для гостей. *Палау* семья ѣсть всегда почти вмѣстѣ или, вѣрнѣе, одновременно, такъ какъ дѣтямъ даютъ ѣсть обыкновенно въ отдѣльной посудѣ. Другую же пищу члены семьи ѣдятъ каждый въ отдѣльной чашкѣ и нерѣдко одновременно. Если вся семья въ сборѣ, то хозяйка паливаетъ себѣ послѣ всѣхъ, а первая чашка подносится ею или мужу, или старшему въ семьѣ.

(1) «Это у нихъ время недуга». Коранъ. Глава 2. стр. 222.

Говоря о всемъ вообще осѣдломъ населеніи Ферганы, врядъ ли возможно было бы сказать что-либо вѣрное о среднемъ аппетитѣ средняго же туземнаго человѣка, а потому, вѣроятно лучше всего будетъ перечислить тѣ факты этого рода, которые намъ удалось подмѣтить. Въ общемъ у мужчинъ аппетитъ проявляется гораздо энергичнѣе, чѣмъ у женщинъ. (Киргизки, наоборотъ, гораздо прожорливѣе мужчинъ и всегда готовы ѣсть все, что угодно, лишь бы это не было *харамъ* — поганое). Между мужчинами наибольшее количество пищи способны принимать: 1) тѣ возчики, *арбакѣши*, которые ходятъ цѣлыми обозами и, составляя на это время артели, привыкли питаться сравнительно очень хорошо, по крайней мѣрѣ гораздо лучше того, какъ они питаются дома; 2) состоятельные купцы, ведущіе такую торговлю, которая вызываетъ частыя поѣздки и 3) весь вообще чернорабочій людъ. Наименьшій аппетитъ замѣчается у тѣхъ мужчинъ, которые долго пробыли въ *медресѣ* (высшей школѣ) и обладали въ это время скудными средствами существованія.

У женщинъ кишлѣчныхъ аппетитъ лучше чѣмъ у городскихъ; у состоятельныхъ лучше чѣмъ у очень бѣдныхъ, желудки которыхъ привыкли къ крайне ограниченному употребленію пищи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ вообще мало мальски востонныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ принятіе пищи въ очень ограниченныхъ количествахъ служитъ однимъ изъ орудій кокетства. Про такую говорятъ, что она ѣсть *чимчиалтъ* — щипочками, по воробыному.

Здѣсь же замѣтимъ, что сарты никогда почти не относятся къ запору, какъ къ патологическому состоянію организма, что твердая консистенція экскрементовъ считается нормальной и что къ разжиженію послѣднихъ туземецъ относится всегда съ большою боязвью.

Не менѣе интересны, конечно, и количества пищи, ежедневно потребляемой туземцами, но и тутъ намъ придется обратиться опять-таки къ частнымъ фактамъ, оговорившись предварительно въ томъ смыслѣ, что мы будемъ имѣть въ виду одно лишь малосостоятельное населеніе, такъ какъ состоятельный и богатый людъ, потребляющій *палау* не одинъ, а нѣсколько разъ въ недѣлю, имѣющій въ своемъ распоряженіи значительныя количества мяса, сала, риса, муки, чая

и даже сушеныхъ фруктовъ, представляетъ для насъ наименьшій интересъ въ силу хотя бы своей наименьшей же численности.

Въ средней по достатку кишлѣчной семьѣ, состоящей изъ 5—7, душъ ежедневно расходуется: хлѣба не болѣе двухъ много трехъ лепешекъ (около 1—1½ фунта) на душу; большее число лепешекъ съѣдаетъ лишь мужчина, находящійся въ полѣ или на другой тяжелой работѣ. Утромъ на приготовленіе *диз-ашъ* или *кучи* идетъ или 3—4 фунта муки + 6—7 стакановъ *катыка*, или 6—7 фунтовъ джугары + 6—7 стакановъ *катыка*. Вечеромъ или опять *кучи* изъ того же количества припасовъ или *машъ-гурджъ*, на который идетъ рису около 3—4 фунтовъ, чечевицы около 1—2 фунтовъ и нѣсколько стакановъ *катыка* (или 1—2 фунта мелко искрошеннаго мяса). Ва такой же семьѣ на приготовленіе *палау* расходуется: около 7—8 фунтовъ риса, отъ 1½ до 3 фунтовъ сала и столько же мяса.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ намаганскаго уѣзда, здѣсь ежегодно собирается:

Пшеницы	около 1,666,400 пудовъ.
Рису (неободраннаго)	— 662,400 —
Джугары (Сорго) и проса	— 1,333,560 —

Предположимъ, что все это съѣдается на мѣстѣ. Полагая въ намаганскомъ уѣздѣ около 100,000 душъ получимъ на каждую въ годъ:

Пшеницы	— 16,6 пуда.
Рису	— 6,6 —
Джугары и др.	— 13,3 —

Принимая же во вниманіе, что здѣсь, также какъ и повсюду, распределеніе жизненныхъ продуктовъ наравнѣ съ другимъ имуществомъ далеко не равномерное, мы необходимо должны придти къ заключенію о существованіи такихъ бѣдняковъ, скудное питаніе которыхъ несомнѣнно ниже только что приведенныхъ нами нормъ. Мы ихъ дѣйствительно и находимъ. Такъ, на примѣръ въ кишлакѣ Янъ-Курганъ (намаганскаго уѣзда) мы знали сарта, который цѣлую зиму, три мѣсяца, прожилъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ на 5—6 пудахъ пшеницы, питаясь изодня въ день *аталей*.

Примѣровъ этого рода можно было бы привести очень много, но это совершенно лишнее, ибо читатель самъ, и съ достаточной точностью, можетъ составить себѣ представленіе о питаніи того люда, который зарабатываетъ въ недѣлю отъ 40 к. до 1 р 20 к. включительно.

Въ качествѣ иллюстраціи ко всему сказанному о туземномъ питаніи могутъ служить вѣсколько словъ о питаніи дворовыхъ собакъ, которыя въ этомъ отношеніи не имѣютъ ничего общаго съ собаками не только Россіи но даже, можетъ быть и цѣлаго свѣта. Остатки нищи, куски хлѣба и пр. собаки получаютъ здѣсь въ очень рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ, а потому принуждены сами списывать себѣ дневное пропитаніе. Если сартъ и бросаетъ собакамъ кость, то онъ предварительно и очень тщательно не только обглаживаетъ её снаружи, но даже разбиваетъ и высасываетъ содержащуюся въ ней жиръ. Только въ такомъ тщательно очищенномъ видѣ косточка попадаетъ къ собакамъ. Надо ли говорить о томъ, что она бросается на неё съ жадностью, но что она выжимаетъ изъ этой косточки, намъ положительно неизвѣстно; мы знаемъ только, что мелкія кости она дробитъ своими зубами и глотаетъ.

Однажды сартъ, видѣвшій какъ мы кормили собаку молокомъ, былъ положительно возмущенъ нашимъ проступкомъ. Во первыхъ говорилъ онъ, такого дорогого продукта какъ молоко давать собакамъ не слѣдуетъ, грѣшно, а во вторыхъ, у собаки отъ молока глаза лопнутъ и вытекутъ. Сартъ не даетъ собакамъ нищи частью по исконной привычкѣ, а частью потому, что ему и давать-то ей нечего; во онъ такимъ объясненіемъ недоволяется; онъ хочетъ окончательно выгородить себя. и говоритъ, что отъ молока у собаки глаза лопнутъ и вытекутъ. Откуда онъ это взялъ, кто его знаетъ, но дѣло въ томъ, что взялъ откуда то и трактуеть; трактуеть въ теченіи многихъ лѣтъ и въ тонѣ столь поучительномъ, что самъ наконецъ увѣровалъ и другихъ вещей увѣрилъ. Такъ никто собакамъ молока и не даетъ.

На подобіе того, какъ обглаживается кость, блюдо или чашка отъ *палау* или другого кушанья тщательно вытираются лѣвымъ краемъ скрюченнаго указательнаго пальца правой руки, а иногда даже и просто вылизываются языкомъ.

Такимъ образомъ сартовская собака всегда живетъ голодомъ; но голодъ, какъ извѣстно, не тетка, научить пироги ѣсть. Сартовскую собаку пироги ѣсть онъ не научилъ, но за то въ совершенствѣ приспособилъ её къ поѣданію фруктовъ, початковъ кукурузы и даже человѣческихъ экскрементовъ. Здѣсь не только не рѣдкость поѣданіе собаками опавшаго съ деревьевъ урюка, но даже наблюдались случаи, когда собака вскарабкивается на тѣтовое дерево и ѣсть ягоды. Мы боимся, что намъ не повѣрятъ, но мы можемъ указать даже и на кишлаки, гдѣ эти случаи повторяются наиболѣе часто; это горные или, вѣрнѣе, предгорные кишлаки чустскаго уѣзда, въ которыхъ тѣтовья деревья разводятся главнымъ образомъ для сбора съ нихъ ягодъ, идущихъ на приготовленіе патоки—*ширнѣ* (или *шинны*) и *тѣтъ-талкана*, нѣчто вродѣ тѣтоваго толокна.

На поляхъ, удаленныхъ отъ селеній, кукурузу приходится окарауливать отъ дикихъ свиней, а въ кишлакахъ не знаютъ что дѣлать съ собаками, многочисленными и истребляющими молодые початки кукурузы, разводимой на огородахъ.

Въ киргизскихъ аулахъ, гдѣ никакихъ отхожихъ мѣсть не имѣется, поражаетъ полное отсутствіе человѣческихъ экскрементовъ, пожираемыхъ собаками.

## ЖЕНЩИНА, ЕЯ ХАРАКТЕРЪ, ПРИВЫЧКИ, ЗНАНІЯ И ПОВЕДЕНІЕ ВЪ ОТНОШЕНІИ ОКРУЖАЮЩИХЪ.

Въ общемъ характеръ туземной женщины слѣдуетъ назвать живымъ и въ высшей степени веселымъ; горе, тоска постигаютъ, конечно, время отъ времени и её, но она никогда не поддается имъ по долгу. Даже при самыхъ крутыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ обстоятельствахъ жизни, она никогда не прочь поболтать, посмѣяться, спѣть пѣсню, которую, особенно въ молодые годы, она напѣваетъ

и мурлычить чуть не постоянно. Правда, что иногда она напускает на себя слезливость, но слезливость эта, всегда напускная, дѣланная, проявляется ею въ тѣхъ только случаяхъ, когда можетъ такъ или иначе служить орудіемъ достиженія той или другой цѣли.

Всѣ движенія ея быстры, иногда даже порывисты, но никогда почти они не бывають угловаты. Съ самаго ранняго возраста дѣвочка слѣдитъ уже за своими движеніями, стараясь придать имъ оттѣнокъ условной, мѣстной комилфотности. Оттого большая часть не только движеній, но даже и всего поведенія женщины далеко не просты и не естественны. Она любитъ, напимѣрь, ходить скоро, но приличіе, зиждущееся на основахъ религіи, запрещаетъ ей сильно выдвигать при ходьбѣ ноги, размахивать руками и пр. (Коранъ. Глава 24. Ст. 31). Оттого и самая походка ея приняла совершенно особый, ей только свойственный характеръ. Она быстро перебираетъ ногами, дѣлая маленькіе шаги, при чемъ не только руки, но даже голова и плечи остаются почти совсѣмъ относительно неподвижными. Отпечатокъ такой же сдержанности легъ на многія проявленія и ея нравственнаго я. Не только женщина, но даже и дѣвочка лѣтъ 10—12-ти, получивъ, напимѣрь, подарокъ, приводящій еѣ въ дѣйствительности въ полный восторгъ, никогда и ничѣмъ это не выскажетъ; очень часто она даже и не поблагодаритъ за него. Последнее она сдѣлаетъ тогда только, когда подарокъ этотъ играетъ роль милостыни или матеріальной помощи. Если это платье, обувь или украшеніе, то самое большее что она позволяетъ себѣ сдѣлать, это надѣть ихъ сейчасъ же, чѣмъ даетъ понять, что подарокъ ей нравится. (Тоже принято и у мужчинъ). Если подаренную вещь надѣть нельзя, то она ограничивается тѣмъ, что показываетъ еѣ окружающимъ, при чемъ нерѣдко сопровождаетъ это такимъ жестомъ руки и такой улыбкой, умѣнно состроить которую позавидовала бы, можетъ быть, не одна изъ нашихъ наизвѣстѣйшихъ кокетокъ. По этому поводу замѣтимъ, что у многихъ сартовскихъ женщинъ и дѣвушекъ умѣнье выражать свои впечатлѣнія движеніями губъ и бровей доводится иногда до высокой степени совершенства. Желая, напимѣрь, сдѣлать вопросъ, она, молча, чуть-чуть приподымаетъ брови къверху и дѣлаетъ это такъ ловко, что дѣйствительно вся-

кій другой вопросъ съ ея стороны становится вполне лишнимъ, такъ какъ лицо ея само по себѣ въ совершенствѣ изображаетъ знакъ вопросительный.

Также почти, какъ къ радости, она относится и къ горю; последнее способно ошарашить и одурить ее, но очень не надолго. Крайне рѣдки случаи, какъ между женщинами, такъ ровно и между мужчинами, когда горе давитъ и изводитъ человѣка въ теченіи большого промежутка времени. Весьма возможно, что послѣ той или другой катастрофы женщина долго еще будетъ плакаться и причитать въ средѣ своихъ подругъ и знакомыхъ, но это будетъ причитанье съ вытѣмъ безъ слезъ, причитанье дѣланное, а не то горе, которое не даетъ человѣку думать ни о чемъ другомъ кромѣ его самого, этого горя неотступно идущаго за своимъ клиентомъ всюду и не дающаго ему подѣ часъ даже и спать. Только въ одномъ случаѣ сартянка даетъ кажущуюся волю своимъ кажущимся чувствамъ—это при оплакиваніи покойника. Но и тутъ, даже пожалуй болѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ, и рванье на себѣ волосъ, и царапанье лица, и самый неистовый, нечеловѣчскій вой не болѣе какъ обычная, бытовая комедія, не продѣлать которую нельзя также, какъ нельзя не поголосить при выходѣ замужъ. Даже и здѣсь, при оплакиваніи покойника, никогда почти вы не увидите убитаго горемъ лица и тихихъ слезъ; это, впрочемъ, станетъ для читателя болѣе понятнымъ ниже, когда онъ увидитъ, что здѣсь родственныя узы, въ нравственномъ значеніи этого слова, если неотсутствуютъ совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, очень слабы.

Крайне рѣдко приходилось и приходится видѣть туземную женщину плачущей. Прихлопнетъ еѣ какая-нибудь бѣда, придетъ она совѣтоваться или просить помощи, много-много, если нѣсколько слезинокъ навернется, за то поголосить и выть будетъ съ утра до ночи. Не плачетъ она и въ томъ случаѣ, когда бьетъ еѣ мужъ; она или поголоситъ безъ слезъ и причитаетъ, или ругается; даже самое причитанье и то скорѣй отзывается озлобленіемъ, досадой, чѣмъ слезами.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ, отличительныхъ чертъ туземной женщины является болтливость и крайняя общительность, тѣсно связанная со способностью быстро осваиваться во всякой обстановкѣ и съ привычкою называть все своими именами.

Что касается послѣдняго, то всё безъ исключеній какъ части тѣла, такъ равно и органическія отравленія называются большинствомъ ихъ обычно-народными именами. Термины же смягченные и по большей части метафорическіе употребляются лишь въ наиболѣе изысканномъ обществѣ, соприкасающемся такъ или иначе съ литературой.

Для сартянки просидѣть нѣсколько часовъ одной, молча, хотя бы и за работой—муки Тапата; это положительно въ ея силѣ; поэтому, если еѣ не окружаютъ дѣти подростки, съ которыми можно перебросить словечкомъ, она поджидаетъ сначала, не придетъ ли кто еѣ навѣстить, и если никто не является, то сама уходитъ изъ дому хоть на четверть часа, хоть на пять минутъ, провѣдать ближайшую сосѣдку, поболтать съ ней и посплетничать. Такимъ образомъ женщина очень рѣдко бываетъ одна; или у ней сидитъ кто-либо изъ знакомыхъ, или она сама уходитъ изъ дому. Если она отпрашивается на долго, то иногда забираетъ съ собою свою работу; гораздо чаще, прійдя къ одной изъ своихъ знакомыхъ, она помогаетъ тамъ шить, прясть нитки, очищать и перебивать вату и пр. Очень часто съ этой послѣдней цѣлью знакомыя созываются на посидѣлки или на ночь. Идутъ всегда очень охотно, такъ какъ, во первыхъ, такія приглашенія дѣлаются по большей части людьми сравнительно состоятельными, а потому всегда можно рассчитывать на угощеніе въ видѣ *паліу*, лепешекъ и чая, а во вторыхъ можно до сыта наговориться, послушаться всякой всячины, не исключая и сплетень новѣйшаго приготовленія, поцѣть пѣсни, поколотить въ бубень и пр. Разъ только соберется нѣсколько женщинъ, говоръ почти не умолкаетъ; идутъ безконечныя рассказы о всѣхъ новѣйшихъ происшествіяхъ вродѣ свадьбы, ссоръ съ мужьями, разводовъ, похожденій съ любовниками и пр. разговоръ идетъ въ перемежку съ поговорами, прибаутками, а не рѣдко даже со сказками и анекдотами игриваго содержанія, до которыхъ всё безъ исключенія большія охотницы. Умѣнье пайтисъ въ разговорѣ, удачно отвѣтить на вопросъ или замѣчаніе, заговорить свою собесѣдницу считается достоинствомъ; къ такой женщинѣ относятся съ нѣкоторой боязнью, тѣмъ болѣе, что она обыкновенно никогда не упускаетъ случая осмѣять и позлословить, особенно если та, на которую направлены эти насмѣшки не найдетъ отвѣтить тѣмъ же.

Не разъ намъ приходилось встрѣчать женщинъ, поразившихъ насъ умѣньемъ не только складно говорить, но и въ высшей степени искусно излагать свои мысли, въ смыслѣ умѣнья вѣсти рѣчь на столько же красиво, на сколько и послѣдовательно. Въ большинствѣ случаевъ это были жены ханскихъ служилыхъ людей, многовидавшія на своемъ вѣку и сталкивавшіяся съ самыми различными сторонами и явленіями туземной жизни.

Благодаря крайней общительности и привычкѣ не видѣть въ явленіяхъ своей семейной жизни тайны, которую пужно скрывать, сора, котораго не слѣдуетъ выносить изъ избы, незнакомыя, въ первый разъ видящія другъ друга женщины въ самомъ непродолжительномъ времени, черезъ полтора—два часа, чувствуютъ себя давно знакомыми. При проявленіи взаимной симпатіи, одной такой встрѣчи совершенно достаточно для того, чтобы онѣ называли другъ друга *уртикъ*, пріятельница, товарка.

Помимо такихъ случаевъ и происшествій, какъ смерть, поминки, свадьбы, разводы и пр., наиболѣе изблюбленными темами женскихъ разговоровъ являются: ссоры съ мужьями, сообщенія о беременности и числѣ дѣтей, о давности и характерѣ послѣднихъ менструацій и наконецъ даже о подробностяхъ сожителства съ мужьями.

Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно спрашиваютъ: „давно ли вы совершали омовеніе? Говорить *на тм* не принято даже и между самыми близкими знакомыми какъ въ высшихъ, такъ равно и въ низшихъ слояхъ общества.

Домашній соръ, тщательное припрятываніе котораго отъ постороннихъ взглядовъ регламентируется русскимъ домостроемъ, здѣсь, наоборотъ, выносятся на улицу и одинаково какъ женщиной, такъ и мужчиной. Оттого, не смотря на кажущуюся замкнутость женщины, на скрываніе ея отъ постороннихъ глазъ и хожденіе подъ *чимбетомъ* и *паранджей*, жизнь данной семьи не только никогда не является секретомъ для сосѣдей и знакомыхъ, но, наоборотъ, вполне извѣстна имъ во всѣхъ не только матеріальныхъ, но даже и въ нравственныхъ подробностяхъ. Очень часто случается, что вслѣдъ за оскорбленіемъ или побоями, нанесенными мужемъ, жена кричитъ: „*вай-доддъ!* (караулъ). Каждый, услышавшій этотъ крикъ, не только можетъ, но даже обя-

занъ войти во дворъ и сдѣлать возможное для примиренія. Роль примирителя считается священной; примиреніе враждующихъ—одно изъ тѣхъ душеспасительныхъ дѣлъ, за которыя воздается въ будущей жизни, а потому отъ роли этой никто никогда не отказывается (1).

Привычка или, вѣрнѣе, практика такого оглашенія своей семейной жизни является для туземной женщины щитомъ, хранящимъ её отъ тираніи мужа; не смотря на тѣ права, которыми снабжаютъ послѣдняго и религія, и обычное право, тиранія мужа здѣсь въ сущности гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ; здѣсь онъ можетъ проявлять её въ томъ только случаѣ, если матеріальныя условія лишаютъ женщину возможности воспользоваться при надобности ея правомъ на разводъ; ниже, ознакомьсь съ послѣднимъ, читатель увидитъ, что, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ отношеніяхъ, положеніе мусульманской женщины лучше, а кругъ ея личныхъ правъ не измѣримо ширѣ, чѣмъ у женщины европейскихъ народовъ. Подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ ниже, а теперь вернемся къ болтливости туземной женщины, свойственной ей столько же, сколько и любовь злословить, сплетничать и пикироваться, развитая въ ней, жепцинѣ, несравненно болѣе, чѣмъ въ мужчинѣ.

Гостья, считающая себя по общественному положенію выше хозяйки, никогда не стѣсняется сдѣлать ей то или другое замѣчаніе относительно чистоты въ комнатахъ и пр.; въ большинствѣ случаевъ говорится это, конечно, намеками, но съ очевиднымъ желаніемъ кольнуть и кольнуть какъ можно больнѣе. Если въ обществѣ окажется деревенская баба и злоязычная горожанка, то первая обыкновенно бываетъ въ буквальномъ смыслѣ слова заклевана. При ней начнутся рассказы о томъ, какъ грязно живутъ въ кишлакахъ, какъ рѣдко тамъ ѣдятъ *палау*, какъ неизящно выражаются и т. д.

Отсюда и вслѣдствіи врожденной туземной женщины вспыльчивости, ссоры происходятъ на каждомъ шагу, а изрѣдка случается даже, что ссора, начавшаяся пикировкой и препирательствомъ, кончается чуть не дракой. Что-же касается до обѣщанія поколотить ту или другую изъ недав-

(1) «Миръ есть доброе дѣло». (Коранъ. Глава 4. Ст. 127).

нихъ пріятельницъ или произвести нѣкоторыя измѣненія въ ея прическѣ, то это случается слышать даже болѣе чѣмъ часто.

На сколько сартянка любитъ пикироваться, злословить и сплетничать, на столько же, если не больше, она боится насмѣшекъ и пересудъ. Отнюдь не скрывая обстоятельствъ своей домашней жизни и своихъ отношеній какъ къ мужу, такъ равно и къ другимъ членамъ своей семьи, она всегда избѣгаетъ говорить о себѣ лично, боясь чѣмъ-либо себя скомпрометировать. Извѣстная любительница веселой жизни и всяческихъ похожденій, держащая себя съ мужчинами болѣе чѣмъ развязно, при женщинахъ корчитъ изъ себя такую святошу, заподорить которую рѣшиться не всякій, даже и многоопытный человѣкъ. Передавая вамъ всевозможныя интимныя похожденія ея знакомыхъ и пріятельницъ, она ни за что не скажетъ о себѣ самой, ни за что не признается даже и подругѣ въ томъ, что имѣетъ любовника. И если вы захотите навести справки объ ея собственномъ поведеніи, вы необходимо должны будете обратиться къ одной изъ ея пріятельницъ.

Лгутъ, льстятъ и преувеличиваютъ такъ часто и по столь разнообразнымъ поводамъ, что мало по малу получаешь привычку никому не вѣрить на слово или, по крайней мѣрѣ, относится ко всѣмъ сообщеніямъ съ крайней осторожностью.

Совершенно такими же наклонностями отличается и сартъ. Прошлое приучило его говорить правду тогда только, когда онъ вполне увѣренъ, что правда эта ему будетъ выгодна; въ противномъ случаѣ, даже если бы это было сомнѣніе только, при которомъ далеко еще неизвѣстно, можетъ ли или не можетъ это быть выгоднымъ или хотя бы безразличнымъ, онъ или уклоняется отъ отвѣта, или вретъ и, конечно, не всегда удачно. Въ 1879 году администраціи понадобились зачѣмъ-то свѣдѣнія о числѣ низшихъ туземныхъ школъ и учащихся. Мы жили въ то время въ кишлакѣ, жили совсѣмъ по сартовски, а потому пользовались большимъ сравнительно довѣріемъ своихъ односельчанъ. Получивъ приказъ о доставленіи сказанныхъ свѣдѣній, волостной управитель приходитъ къ намъ и убѣдительно проситъ насъ, какъ знакомыхъ съ русскими порядками, посоветовать, какъ ему



быть: показать ли въ своемъ рапортѣ число школъ и учащихся въ волости бѣльшимъ или меньшимъ дѣйствительнаго. Онъ не знаетъ, зачѣмъ требуются эти свѣдѣнія, и этого уже довольно для того, чтобы не допустить и мысли о доставленіи куда слѣдуетъ истинныхъ цифръ.

Приведемъ еще примѣръ. Разодрались два сарта; разодрались, конечно, не *à la gusse*, т. е. безъ вышибанія зубовъ, безъ сворачиванія скулъ и другого членовредительства, а чинно, по сартовски. Драка эта происходила приблизительно такъ: сначала оба изъ-за чего-то поругались, при чемъ одинъ упомянулъ о матери; другой не спустилъ и къ матери присовокупилъ дочь; послѣ этого досталось всѣмъ, и отцу, и дѣду, и могилѣ прадеда и опять матери, и, наконецъ, чалмѣ и тюбетейкѣ; тогда, прійдя въ заправскій азартъ, они схватили другъ друга за ворота, стали кричать еще громче, порвали рубахи и менѣе увертливый получилъ двѣ плюхи, на память о которыхъ остался синякъ подъ глазомъ и царапина на лѣвой щекѣ. Поплатившись цѣлостью рубахи, получивъ синякъ и царапину на щекѣ, сартъ считаетъ себя не только побѣжденнымъ, но даже и избитымъ. Онъ кричитъ „*оа й-додз!*“ (караулъ). Около дерущихся собирается толпа; лишь очень не многіе подзадориваютъ; большинство стремится къ умиротворенію.

Освободившись отъ противника, успѣвнаго дать ему на прощанье еще и подзатыльникъ, побѣжденный начинаетъ выть, иногда совершенно по бабьи, и проситъ присутствующихъ быть свидѣтелями оказанной ему несправедливости. Учуявъ кровь, онъ размазываетъ её по лицу, иногда нарочно расковыриваетъ царапину, дабы добыть оттуда нѣсколько лишнихъ капель, необходимыхъ ему для надлежащаго татуирования, искусственно приводить свое одѣяніе въ возможно безобразный видъ и тогда только, найдя, что онъ вполне достаточно замаскировался, отирается къ начальству, искать правосудія. Черезъ полчаса на базарѣ рассказываютъ, что въ такой-то улицѣ происходила страшная драка — „*джуді урдшизъ булды!*“ (Считаемъ нужнымъ замѣтить, что драки, подобныя вышеописанной, въ общемъ далеко не частыя, происходятъ только среди простонародья. Мало мальски благовоспитанный сартъ держитъ себя въ высшей степени чинно и ни на улицѣ, ни въ обществѣ никогда не компрометируетъ

себя даже такими поступками, какъ излишне скорая ходьба или ѣзда, излишне громкій разговоръ, пѣніе, свистъ и пр.).

Сидитъ нѣсколько пріятельницъ. Одна, наиболѣе бойкая начинаетъ повѣствовать, какъ её на дняхъ билъ мужъ. „Играй, говоритъ на *дугаръ*“. А я говорю: „не стану“. „Играй!“ „Не стану“. „Играй, а то отлущу“. „Не стану“. Какъ началъ онъ меня лупить нагайкой; ужъ онъ билъ, билъ, а я все молчу; потомъ къ столбу привязалъ; опять бить началъ, а я опять молчу. Вся спина въ синякахъ—вотъ хоть посмотрите. Смотрятъ—никакихъ синяковъ тамъ нѣтъ. „Такъ вѣдь онъ меня билъ-то двѣ недѣли тому назадъ, теперь ужъ синяки прошли; а тогда страсть что такое было; вся спина синяя; смотрѣть страшно“!

Хвастаются разнообразными способами: и воображаемымъ стоицизмомъ въ отношеніи воображаемыхъ же побоевъ, и воображаемой близостью съ людьми, считающимися почему-либо вліятельными, и всевозможными искусствами, не исключая и кулинарнаго. Такъ напримѣръ, недавно, почти на дняхъ, одна сартянка хвасталась при насъ тѣмъ, что можетъ сварить три разныхъ кушанья, не снимая котла съ очага и моя его послѣ приговленія каждаго кушанья тутъ же, на очагѣ, при помощи уполовника.

Хвастаются и нарядами, и благосостояніемъ, и положеніемъ занимаемымъ мужьями, и проч. Словомъ въ этомъ отношеніи никто не можетъ упрекнуть сартянку въ томъ, что ей далеко до другихъ женщинъ. Лѣта свои сартянка скрываетъ, также какъ и послѣднія, очень тщательно. Часто случается, что черезъ пять—шесть лѣтъ послѣ выхода ея замужъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, ей оказывается шестнадцать, много семнадцать лѣтъ.

Попрошайничество и вороватость очень развиты въ низшихъ, бѣдныхъ классахъ туземнаго населенія, при чемъ вторая распространена гораздо болѣе первой, ибо названіе попрошайки, *гаддй*, считается зазорнымъ, а уличить въ воровствѣ не всегда легко. Попрошайничаютъ лишь у людей состоятельныхъ, а воруютъ болѣе или менѣе безразлично. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такое женское воровство по большей части мелкое и производится лишь на домахъ. На базарѣ вы очень часто можете видѣть открытую лавку съ разложенными товарами и безъ хозяина, отлучившагося ку-

да-либо по дѣлу. Изъ сартовъ никто ничего не тропеть. Это привычка, оставшаяся отъ ханскихъ временъ, когда ворами и воровкамъ отрубали руку. Мелкія же воровства на дому, гдѣ воровать гораздо удобнѣе, очень нерѣдки. Часто воруютъ даже и у тѣхъ, кто охотно далъ бы украденное, если бы его попросили. Случаи этого рода происходили и съ нами не одинъ разъ.

Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна женщина, пользовавшаяся въ теченіи долгаго времени нашей помощью, пріѣхала изъ кишлака, вѣроятно, за помощью же, но прежде чѣмъ обратиться съ просьбой, она воспользовалась нашимъ отсутствіемъ изъ комнаты и направилась къ письменному столу, изъ котораго не задолго передъ тѣмъ при ней же выпимали деньги. Случайно одинъ изъ насъ помѣшалъ ей, не подавъ, впрочемъ вида, что замѣтилъ ея намѣреніе. Она ничуть не сконфузилась, отправилась на кухню, выждала, когда въ ней никого не осталось, набрала въ мѣшокъ разной провизіи, но и тутъ была застигнута прислугой.

Когда мы жили въ кишлакѣ, у насъ очень часто пропадала мелкая посуда, сбруя, хлѣбъ, лоскуты матерій и пр.

Нигдѣ, впрочемъ, воровство не развито между женщинами такъ, какъ у киргизъ. Осенью, во время приготовления кошмъ (ихъ валяютъ здѣсь женщины) въ зажиточныхъ киргизскихъ семьяхъ принято сзывать всѣхъ аульныхъ бабъ и дѣлать кошмы помочью. Въ этомъ случаѣ два или три члена данной семьи находятся неотлучно при женщинахъ, наблюдая за цѣлостью шерсти. Но и такое окарауливанье не всегда помогаетъ; каждая проворная баба успѣваетъ запрягать въ свои широкіе сверху штаны нѣсколько комковъ шерсти и унести её въ штанахъ же домой.

Такого же рода отношенія наблюдаются у бѣдныхъ классовъ къ долгамъ и другимъ обязательствамъ. Въ то самое время, какъ большая часть туземной торговли совершается въ кредитъ, при чемъ никогда почти не приходится слышать о мошенничествѣ, грошевыя сдѣлки и долги, особенно городского населенія, не рѣдко бываютъ поводами не только къ ссорамъ и дракамъ вродѣ вышеизложенной, но даже и продолжительнымъ тяжбамъ, затягивающимся иногда очень по долгу, вслѣдствіе скрывательства должниковъ. Скрывательства эти, являющія собою прямое послѣдствіе былыхъ, хан-

скихъ временъ, когда каждое отдѣльное бекство было отдѣльнымъ же вассальнымъ государствомъ, соваться въ которое зря, безъ заступничества своего бека или надлежащаго поклона беку тамошнему, было далеко не безопасно, скрывательства эти, говоримъ мы, иногда бываютъ въ высшей степени комичными.

Займодавецъ простолюдинъ, неохотно обращающійся къ посредству суда и администраціи, считаетъ своего должника совершенно неуловимымъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ скрывается отъ него гдѣ нибудь за 20—30 верстъ, съѣздить куда самъ онъ не имѣетъ времени. Онъ тогда только признаетъ должника попавшимся въ свои руки, когда встрѣтится съ нимъ лицомъ къ лицу. „Никогда не могу его встрѣтить“ жалуется онъ своимъ знакомымъ. Но вотъ, наконецъ, онъ случайно поймалъ его на базарѣ; онъ хватаетъ своего должника непременно за полу халата; скрутивъ оную на подобіе того, какъ выжимаютъ мокрое бѣлье и крѣпко ухвативъ обѣими руками, кредиторъ предлагаетъ или немедленно же уплатить долгъ, или отправиться къ начальству. Если должнику и удастся удрать, сбросивъ съ себя быстрымъ тѣлодвиженіемъ верхній, не подпоясанный халатъ, то послѣдній все-таки останется въ рукахъ кредитора; часть долга, какъ ни какъ, будетъ слѣдовательно уплочена, а окончательная ликвидація дѣла само собою откладывается до будущей подобной же встрѣчи.

Приходитъ къ намъ женщина изъ другого кишлака и проситъ дать ей четыре рубля; получаетъ деньги и уходитъ, обѣщая возратить взятое или деньгами же, или масломъ черезъ шесть мѣсяцевъ; не является она цѣлый годъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день приходитъ и, конечно, съ пустыми руками. „Ас-селямъ алейкюмъ“! „Алейкюмъ ас-селямъ“! „Какъ живете можете? Здоровы ли? Дѣтки здоровы ли? Выросли ли“? „Славу Богу“. Гостя подаются лепешки, чай. Долго идутъ разговоры объ урожаѣ, о погодѣ, о новостяхъ, о предстоящей у сосѣдей свадьбѣ, и пр. Собирается гостя уходитъ. „А вѣдь деньги то ваши я не принесла, не раздобыла. Вы дайте мнѣ еще два рубля—на будущій годъ я вамъ ужъ все заразъ отдамъ“.

Выше, говоря о жилищѣ, мы упоминали уже о томъ, что какъ дворъ, такъ и комнаты, въ особенности наружныя,

содержатся у сартовъ опрятно. Однакоже опрятность эта, какъ и вездѣ, въ богатыхъ семьяхъ больше, чѣмъ въ бѣдныхъ, и въ городахъ больше, чѣмъ въ кишлакахъ. Тоже почти слѣдуетъ сказать и о содержаніи посуды, утвари и одѣяль. Посуда вымыта (до суха еѣ почти никогда не вытираютъ, оставляя сохнуть самое по себѣ) и разставлена въ нишахъ; котелъ накрытъ крышкой; одѣяла, хотя и вшивыя, тщательно свертуты и сложены поверхъ сундука. (Полъ комнаты, также какъ и дворъ, ежедневно метется, а послѣдній лѣтомъ кромѣ того еще и поливается водой. Пища, особенно въ городахъ, готовится тоже довольно опрятно. Дотрогиваться до продуктовъ во время приготовления пищи, равно какъ и ѣсть послѣднюю немытыми руками, считается грѣхомъ. Передъ приготовленіемъ кушанья вся нужная для этого посуда опять таки моется. Также тщательно промывается рисъ и другое зерно.

Въ кишлакахъ, впрочемъ, приходилось иногда видѣть, какъ раскатанныя, но не испеченныя еще лепешки за немѣніемъ лишняго *дастархана* раскладывались на носильномъ халатѣ, вывороченномъ наизнанку, чего въ городахъ встрѣчать не приходилось. Такимъ образомъ вѣшныя, такъ сказать, опрятность сартянки, по крайней мѣрѣ городской, можетъ еще считаться до нѣкоторой степени удовлетворительной. Совсѣмъ иное приходится сказать о личной ея чистоплотности.

Въ баню, и то только въ городахъ, ходятъ одни лишь мужчины. Ходить туда женщинамъ считается неприличнымъ, а потому бани посѣщаются здѣсь изъ женщинъ или дамами легкаго поведенія, или же туземными еврейками, у которыхъ принято бывать здѣсь, кажется, по пятницамъ вечеромъ.

Однакоже и изъ мужчинъ въ бани ходятъ далеко не всѣ, а наибольшее число посѣтителей бываетъ на разсвѣтѣ въ пятницу, т. е. послѣ обычныхъ здѣсь супружескихъ четверговъ.

Религія запрещаетъ мусульманину видѣть не только чужія, но по возможности даже и свои *аврѣтъ*, части тѣла между поясомъ и колѣнами.

Оттого въ баняхъ моются или въ штанахъ, или въ полотенцахъ, повязываемыхъ на ягодицы и бедра. Это же

постановленіе служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что туземные мужчины и женщины, даже и лѣтомъ, купаются очень рѣдко.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ то самое время, какъ *аврѣтъ* тщательно скрываются и мужчиной и женщиной отъ всѣхъ вообще взоровъ, первый не стѣсняясь работаетъ въ однихъ только штанахъ, а вторья не считаютъ неприличнымъ кормить грудью ребенка при тѣхъ мужчинахъ, которымъ не запрещается входъ въ *ичкарі*.

Въ массѣ туземнаго населенія отношенія къ религіи ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ тѣхъ, которыя наблюдаются и у другихъ народовъ. Къ религіи прежде всего относятся, какъ къ обычаю, не исполненіе котораго преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ, а страхъ послѣдняго очень развитъ въ сартѣ, по крайней мѣрѣ, гораздо больше, чѣмъ страхъ кары небесной.

Дѣла и поступки раздѣляются на дурные, грѣхи (*гунахъ*), подлежащіе расправѣ въ геенѣ огненной и добрые (*савабъ*), за которые будетъ вознагражденіе. Какъ тѣ, такъ и другіе, вписываются двумя ангелами въ книгу живота. Замѣчательно, что, не смотря на полную увѣренность въ существованіи и ангеловъ, и книги,—и сартъ, и сартянка объ геенѣ помышляютъ сравнительно очень рѣдко. Гораздо чаще оба думаютъ о томъ, нельзя ли учинить какой-нибудь такой *савабъ*, совершеніе котораго было бы и не трудно, а главнымъ образомъ не дорого. Разсыпать зерно на землю грѣхъ; а подобрать его—*савабъ* и даже очень большой. Поэтому никто никогда не упуститъ случая совершить столь душеспасительное дѣло, да еще совершивши его, сотворитъ краткую молитву, дабы дѣло было вѣрнѣй. Такихъ *савабовъ* много, такъ много, что и не перечтешь: голову мыть по пятницамъ—*савабъ*; подобрать съ земли крошки хлѣба—*савабъ*; примирить ссорящихся—*савабъ*; нищему подать—тоже *савабъ* и такъ безъ конца. Очень возможно, что одно обиліе *савабовъ* и легкость ихъ выполненія уже сами по себѣ служатъ до нѣкоторой степени стимуломъ успокоенія сердца по части страха геены огненной. Иногда для совершенія возможно большаго *савабъ* составляется компанія на акціяхъ.

Такъ, напримѣръ, однажды пожилой сартъ, вѣроятно нуждавшійся въ пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ своей

книги живота, обратился къ намъ съ такимъ предложеніемъ: „давайте, говорить, сообща мечеть выстроимъ. Вы деньги пожертвуйте, а я работами буду распоряжаться; *савабъ тѣнкъ шерѣкъ буламъзъ*“ (въ *савабъ* будемъ имѣть равные пай). Совершенно какъ бы коммерческое предпріятіе какое!

За подобными отношеніями къ религіи непосредственно слѣдуетъ между прочимъ, конечно, и суевѣріе, ибо послѣднее всегда и вездѣ было вѣрнымъ спутникомъ религіи при извѣстныхъ отношеніяхъ къ ней человека.

Вѣрятъ почти во все то-же, во что вѣрять и русскій мужикъ. Кромѣ дьявола (*шайтанъ*), антихриста (*даджаль*), добрыхъ и злыхъ духовъ (*парѣ* и *дѣвъ*), вѣрятъ въ существованіе домового—*албасти*, котораго представляютъ себѣ въ видѣ растрепанной, косматой старухи, вѣрятъ и въ *аджини*—нѣчто среднее между домовымъ и вѣдьмой, которая рисуется воображенію сарта въ образѣ женщины громаднаго роста, съ косматыми желтыми волосами, портящей людей и навещающей на нихъ, между прочимъ, и падучую болѣзнь; увѣряютъ, что *аджини* можетъ измѣнять свой внѣшній видъ. Такъ наприимѣръ, одинъ сартъ говорилъ намъ, что видѣлъ *аджини* въ видѣ огонька, бѣжавшаго по улицѣ. Вѣрятъ въ существованіе *ялмагъзъ-кампыръ*—нѣчто вродѣ нашей бабы-яги, по поводу которой имѣется сказка того же приблизительно содержанія, что и у насъ (*кампыръ*—старуха). Этимъ же именемъ (*ялмагъзъ-кампыръ*) называютъ и ворчуній—старухъ, а названіе *аджини*, или *албасти*, преподносятъ женщинамъ, не пригладившимъ подлежащимъ образомъ своихъ волосъ. Вѣрятъ въ то, что если качать пустой *бишѣкъ* (колыбель), то ребенокъ, которому онъ принадлежитъ, умретъ. Калоши должны стоять непременно около двери, а не то враги хозяина дома размножатся и одолѣютъ его.

Вѣрятъ въ дурной глазъ, а потому никому не показываютъ новорожденнаго ребенка. Вѣрятъ въ то, что неизбѣжно долженъ ослѣпнуть человекъ, употребляющій въ извѣстныхъ случаяхъ не комочекъ глины, какъ это рекомендуетъ религія, а бумагу, тотъ священный предметъ, которому никогда не даютъ даже валяться на землѣ, ибо на ней, бумагѣ, пишется коранъ и другія священныя книги. Вѣрованій этихъ такъ много, что есть возможность допустить постоянную фабрикацію ихъ даже и до сего времени.

Попутно съ вѣрою въ духовъ и предзнаменованія вѣрятъ также и въ колдовство, знахарство и гаданье. Боятся жена, чтобы не разлюбилъ ее мужъ; идетъ она къ специалисту—*мулла* и за нѣкоторое вознагражденіе (иногда однако же до 4 р.) получаетъ отъ него *тумиръ*, бумажку, исписанную приличествующей молитвой или стихомъ изъ корана. Бумажка складывается трехугольничкомъ, обшивается въ шелковую матерію и прицѣпляется въ видѣ такого амулета къ плечу рубахи или халата. У одного знакомаго намъ сарта было двѣ жены. Вражда между ними была страшная. Однажды младшая жена повѣствуетъ намъ такую исторію: „*Кундаши*-то моя, подлая, чуть—чуть меня не извела“!— „Какъ—такъ“?— „Да такъ. Стала я болѣть, стала чахнуть. Раскопала я въ своей комнатѣ землю подъ очагомъ, анъ тамъ чашка опрокинутая, а подъ ней лягушка, да сала перетопленнаго кусочекъ. Это она сдѣлала. Какъ только сало растаяло бы, такъ бы и я кончилась, извелась бы. Такъ бы тоской и извелась“.

Кажется женщинѣ, что мужъ къ ней охладѣлъ. Идетъ она къ *мулла* и проситъ его сдѣлать наговоръ на хлѣбъ, на урюкъ, на воду, или что-либо другое съѣдобное и даетъ это съѣсть, или выпить мужу такъ, чтобы онъ не зналъ. Такой наговоръ называется *исытма* (горячащій, привораживающій); наговоръ обратнаго свойства *саутма* (охлаждающій, отвораживающій).

Наговорами занимаются по большей части грамотные мужчины; но кромѣ своихъ же, сартовскихъ, *мулла* не меньшей славой пользуются евреи и цыгане. (Между прочимъ, сумасшествіе мужчины въ большинствѣ случаевъ приписывается тому, что жена, по злобѣ, накормила его ослинымъ мозгомъ. Повѣрье это одно изъ наиболѣе распространенныхъ). Гадаютъ же, наоборотъ, почти исключительно женщины. Ворожей подраздѣляются на два разряда: 1) *палауи* или *пальби*, простыхъ ворожей и 2) *пари-ханъ*—предсказательницъ, вступившихъ въ общеніе съ духами (*парѣ*). Титулъ *пари-ханъ* такая ворожея получаетъ только, когда она сподобится во очію увидѣть *аджини*.

Служилъ у насъ сартъ; скупъ былъ страшно, а потому у него шли постоянныя преширательства съ женою изъ за выдачи ей содержанія. Однажды приходитъ онъ изъ дому въ необыкновенно хорошемъ настроеніи. „Чему это ты ра-

дуешься“?— „Ахъ, таксырь, (господинъ) такой со мной случай произошелъ, такой случай.....“ — „Что такое“?— „Жена-то вѣдь у меня *пари-хѣнз* стала! Я, надо вамъ сказать, давно ужъ замѣчалъ, что съ ней что-то не такъ; спрашивалъ её, молчить. Наконецъ-то сегодня открылась. *Пари-хѣнз*, говоритъ, я теперь стала: и *аджиню*, говоритъ, видѣла и другія, говоритъ, видѣнія мнѣ во снѣ представлялись. Я, говоритъ, теперь гадать буду. Что-же, говорю, гадай; сама себѣ хлѣбъ зарабатывать будешь и ссоръ у насъ съ тобой не будетъ. Такъ я этому радъ, такъ радъ“.....

Однако же вновь явленная *пари-хѣнз* оказалась, должно быть, несостоятельной, ибо въ самомъ непродолжительномъ времени возвратилась въ лоно простыхъ смертныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались и прежнія перебранки на счетъ содержанія.

Иногда ворожея занимается и леченіемъ. Имъ, впрочемъ, занимаются буквально всѣ, кому только есть досугъ и кто склоненъ ко врачеванію недуговъ ближняго. А и врачуютъ же! Разъ около Навая взрослою дѣвушку, дочь одного богатаго купца, такъ уврачевали, что она на другой же день Богу душу отдала.

Врачевать ее взялась какая то женщина, не помнимъ уже отъ какого именно недуга. Дала она ей чего то, должно быть, очень сердитаго, ибо у несчастной немедленно же разѣло всю полость рта, а по всей вѣроятности и пищеводъ. Чего, чего только не принимаютъ. Забеременить женщина въ отсутствіи своего мужа. Хочется ей произвести искусственный abortus. Посовѣтуютъ ей принимать растворъ мѣднаго, или желѣзнаго купороса. Летитъ на базаръ, покупаетъ купоросъ и пьетъ. Черезъ нѣсколько дней другая пріятельница увѣритъ её, что квасцы дѣйствительнѣе,—начинаетъ квасцы пить. Потомъ фуксинъ присовѣтуютъ и фуксина попробуетъ. Одной такой сказалъ кто-то, что пить лучше, какъ въ день по бутылкѣ русской водки выпивать. Чуть чуть бѣдняга не опилась. Этакое легкомысленное довѣреніе проявляютъ! И не думайте, что проявляютъ его однѣ лишь женщины. О, нѣтъ! Мужчины въ этомъ отношеніи ровно ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Безусловно вѣрно то, что, при желаніи, смѣло можно отравить всѣхъ сартовъ по одному; стоитъ только взяться за это дѣло съ умомъ.

Мы могли бы доказать это цѣлымъ рядомъ очень интересныхъ фактовъ, но къ сожалѣнію большинство ихъ, и какъ на грѣхъ наиболѣе яркіе, очень ужъ неудобны для напечатанія. Сообщимъ одинъ. Приходить сартъ къ доктору и ломаннымъ русскимъ языкомъ проситъ у него лекарства, именуемаго, по его словамъ, „*шампінской-мѣхъ*“. Докторъ долго не понимаетъ, что такое отъ него требуютъ. Наконецъ объясняется дѣло тѣмъ, что сартъ проситъ *шпанской мушки* для приема ее внутрь, такъ какъ жена его еще очень молода, а онъ уже не пользуется особеннымъ обиліемъ силъ. По разслѣдованіи оказалось, что во время оно, въ томъ же городѣ былъ русскій фельдшеръ, промышлявшій тогда продажей этого медикамента для тѣхъ же цѣлей и съ очень большимъ, повидимому, успѣхомъ.

Выше мы сказали, что масса туземнаго населенія относится къ религіи, какъ къ обычаю, неисполненіе котораго преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ, и что страхъ послѣдняго развитъ въ сартѣ въ громадной степени. Съ еще болѣшимъ страхомъ сартъ относился прежде къ палкѣ *кази-ра-йса*, которая являлась тогда и хранительницей благочестія, и регуляторомъ общественного мнѣнія.

Разъ только волшебная палка упразднилась,—упразднилось и самое волшебство; въ общественномъ мнѣніи стало проявляться нѣчто вродѣ разногласія, разногласія нѣмого, никѣмъ въ сущности не высказываемаго, но тѣмъ не менѣе вполне реально существующаго, ибо насколько мало говорилось объ всемъ этомъ въ средѣ народа, настолько же много стало дѣлаться имъ самимъ такого, о чемъ прежде онъ и думать не смѣлъ. Благочестіе поколебалось; въ первое время этихъ колебаній, амплитуды ихъ возрастали въ громадной степени, а затѣмъ мало по малу установились сами собой и въ настоящее время представляются уже движеніемъ болѣе или менѣе равномернымъ.

Въ четвергъ упразднилась палка, на другой же день, въ пятницу, изъ трехъ женъ сарта двѣ ушли въ домъ терпимости, предполагая, что тамъ время-препровожденіе ихъ будетъ много занимательнѣе. Онъ напился, но такъ однако же, что этого ни кто не видѣлъ.

Въ слѣдующую пятницу онъ былъ чѣмъ то занятъ и не пошелъ въ мечеть на соборній *джумі-намазъ*. На другой

день его устыдили. Двѣ пятницы онъ являлся въ мечеть, чувствуя не то угрызенія совѣсти, не то боязнь преслѣдованій со стороны общественнаго мнѣнія. На третью пятницу опять не пошелъ. Стали было его попрекать въ нечестіи, но онъ былъ почему то въ сердцахъ и, набравшись храбрости, взялъ да самъ облаялъ всѣхъ приставшихъ къ нему съ упоминаніемъ родителей, а вдобавокъ пообѣщавъ отлупить того, кто полезетъ къ нему съ наставленіями на предбудущее время. Приставать къ нему, разумѣется, больше не стали, а онъ и совсѣмъ пересталъ ходить въ мечеть. Примѣръ оказался заразительнымъ, и нѣкоторые изъ пристававшихъ къ нему еще такъ недавно, тоже рѣшили, что, при ихъ родѣ занятій, не всегда удобно бросать работу. слышавъ призывъ *азанчи*. Въ первый же праздникъ Рамазанъ онъ напился открыто и кого-то побилъ. Его заперли въ кутузку. Выйдя оттуда, онъ опять напился и началъ было, что называется, заливать, но такъ какъ онъ все-жъ таки сартъ, а потому наравнѣ со всѣми прочими изъ своихъ соотечественниковъ и скуповатъ, и въ высшей степени расчетливъ, то вскорѣ остепенился. Ужаснувшись своихъ беззаконій, а главнымъ образомъ числа пропитыхъ имъ рублей (10 р. 34 к.), онъ, забравъ съ собой блюдо *палау* и 40 к. денегъ, отправился къ *ишану*, выложилъ передъ нимъ свое приношеніе, покался и сдѣлался мюрідомъ, по какой причинѣ въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ, пока ему это не надоѣло, въ свободное отъ занятій время склонялъ голову на лѣвый бокъ и въ полголоса произносилъ: „Алла! Алла! Алла!“ Иногда вмѣстѣ съ тяжелымъ вздохомъ у него вырывалось: „Я, худâ!“ (О, Боже!), или „Я, Керимъ!“ (О, Милостивый). Тѣмъ временемъ одна изъ женъ вернулась; вернувшись сказала: „*тоуба кылдымъ* (каюсь), немного повила, долго причитала надъ тѣми притѣсненіями, которыя видѣла въ мѣстѣ злчномъ и принялась затѣмъ чинно прять нитки, тоже, какъ и мужъ, вздыхая и произнося „Я, худâ! Я, палкъ!“ (О Боже! О небо!)

Черезъ нѣсколько времени благочестіе опять надоѣло. Прежде всего перестали вздыхать и произносить восклицанія. Затѣмъ мужъ сталъ отлынивать отъ мечети, а возвратившаяся бѣглянка завела себѣ любовника, въ чемъ ей помогла другая жена, ея *кундаши*, которая съ мужемъ жила

въ ладу и которой обстоятельство это, по весьма понятнымъ причинамъ, было на руку. И этихъ-то людей называютъ фанатиками! Ужь если имѣется необходимость въ чемъ-либо непременно обвинить ихъ, такъ обвиняли бы въ томъ, что всѣ тѣ явленія, о которыхъ обвинители знаютъ главнымъ образомъ по наслышкѣ, суть результаты не приверженности къ слову и догматамъ религіи, а тьмы незнанія, привычки жить такъ, какъ жили дѣды, неумѣнья считать даже и по пальцамъ и истекающей отсюда же привычки бояться всего новаго, могущаго разстроить дурное ли, хорошее ли, но имѣющееся и не дать въ замѣнъ его ничего путнаго.

Однако-же мы уклонились нѣсколько въ сторону. Уклонились мы съ того самаго мѣста, гдѣ сказали, что со времени упраздненія палочной расправы *кази-райса*, наблюдавшаго за точнымъ исполненіемъ обрядовъ религіи, въ массу населенія все болѣе и болѣе сталъ проникать религіозный индеферентизмъ.

У мусульманъ женщина не посѣщаетъ мечети; моленія она совершаетъ у себя на дому и всегда имѣетъ много таккихъ причинъ, пользуясь которыми смѣло можетъ уклоняться отъ исполненія этого обряда. Такъ, напримѣръ, грѣхомъ считается молиться въ платьѣ, или бѣльѣ, обмоченномъ ребенкомъ, а также во время менструацій. Оттого ея отношенія къ религіи съ давнихъ поръ были очень шаткими. Наблюдать за нею всегда было гораздо труднѣе, чѣмъ за мужчиною, а потому съ давнихъ же поръ вошло въ обычай смотрѣть сквозь пальцы на то, что за исключеніемъ грамотныхъ, въ общемъ немногочисленныхъ, *намâзъ* совершается одиѣми лишь старухами, да и то далеко не всѣми. По той же причинѣ и омовенія, совершеніе которыхъ предписано религіей передъ молитвою, тоже, какъ и самыя моленія, совершаются мужчиною чаще, чѣмъ женщиной, при чемъ не рѣдко приходится видѣть, какъ, въ торопяхъ, или не желая почему либо снимать обуви для уставнаго омовенія ногъ до щиколотокъ, послѣднее замѣняется символическимъ обрызгиваніемъ йчиговъ, или саноговъ. Одна бѣдная сартянка рассуждала при насъ такимъ образомъ: „если бы, говорить, я была богатой, я бы ничего не дѣлала, молилась бы Богу, сидѣла бы, да прославляла имя Божіе. Теперь мнѣ молиться нѣкогда: работы у меня много; да и что молиться, когда Богъ ничего мнѣ не даетъ!“

Надумавъ совершить *намъзъ*, женщина предварительно моетъ лицо, руки до локтя и ноги до щиколотокъ. (Чаще другихъ совершаются *намъзы*: утренній и предпоследній — *намъзъ-ахшамъ*). Затѣмъ она надвигаетъ платокъ на лобъ такъ, чтобы не было видно волосъ, и концы платка распускаетъ спереди. (Мужчина молится въ чалмѣ, конецъ которой, около  $\frac{1}{2}$  аршина, спускается на лѣвое плечо. Чалмы здѣсь преимущественно бѣлыя). Приведя платье въ порядокъ, дабы предстать предъ лицо Аллаха въ приличномъ видѣ, молящаяся разстилагетъ на полу, поверхъ кошемъ (или ковровъ), или чистый маленькій коврикъ, или, специально для этой цѣли имѣющійся, *джай-намъзъ* <sup>(1)</sup>, коврикъ же изъ толстой бумажной матеріи свѣтло-желтаго цвѣта, или большой платокъ, или, наконецъ, халатъ и обращается лицомъ къ *кыблэ* (св. мечети) и въ полъ-голоса произноситъ молитвы, сопровождая ихъ наклоненіями туловища, земными поклонами, поворотами головы и другими символическими движеніями.

Въ солидныхъ и набожныхъ семьяхъ, въ то время какъ въ комнатѣ кто-либо изъ присутствующихъ совершаетъ *намъзъ*, обыкновенно или водворяется молчаніе, или же всѣ говорятъ тихо, въ полъ-голоса. Но въ большинствѣ случаевъ совершеніе *намъза* одною изъ присутствующихъ отнюдь не мѣшаетъ прочимъ, не только громко разговаривать, но даже и хохотать. Говоръ этотъ умолкаетъ лишь въ послѣдній моментъ *намъза*, когда молящаяся (или молящійся), отеревъ лицо руками, обращается къ присутствующимъ съ привѣтствіемъ: „*саламъ-алейкумъ*“.

О постѣ мы говорили уже выше. Изъ другихъ обрядовъ религіи съ наибольшею охотой женщина исполняетъ: поѣздки на богомолье, хожденіе на могилы родственниковъ, оплакиваніе покойниковъ, празднованіе Курбана и Рамазана и пр., словомъ все то, что на столько же можетъ быть названо религіознымъ обрядомъ, на сколько и развлеченіемъ, которыя

<sup>(1)</sup> *Джай-Намъзъ* дѣлается изъ особаго рода хлопка, такъ называемой *маллэ-гузэ*, волокно которой имѣетъ желтоватый цвѣтъ. Изъ этого же хлопка приготовляются также матеріи для свѣтло-желтыхъ халатовъ, носимыхъ многими изъ наиболее набожныхъ стариковъ.

здѣсь далеко не разнообразны и до которыхъ, какъ мы уже видѣли выше, сартянка, даже и пожилая, всегда очень большая охотница.

Мѣстами богомолій являются главнымъ образомъ *мазэры*, могилы людей, считающихся почему либо святыми. Иногда подъ именемъ *мазэра* разумѣется также мѣсто, освященное какимъ либо происшествіемъ. Въ этомъ случаѣ, имѣющіяся здѣсь деревья тоже считаются священными, не рубятся, а на сучья ихъ каждымъ посѣтителемъ такого *мазэра* навѣшиваются лоскуты, тряпки, витки и пр. Въ Араванѣ, кишлакѣ Маргеланскаго уѣзда, есть мазаръ и иного свойства. На поверхности одной изъ граней небольшой скалы, находящейся по близости отъ кишлака, имѣется изображеніе, напоминающее собою фигуру всадника въ миниатюрѣ. Изъ подъ скалы бьетъ ключъ, а надъ нимъ на  $\frac{1}{4}$  или  $\frac{1}{2}$  аршина въ той же скалѣ виднѣется небольшое, совершенно отшлифованное углубленіе, въ которое можно вложить часть человѣческой головы. Сарты вѣрують, что изображеніе всадника есть тѣнь халифа Али, случайно упавшая на скалу, и что посѣщеніе этого *мазэра* помогаетъ отъ головныхъ болей. Больные вкладываютъ свои головы въ углубленіе, имѣющееся въ скалѣ нѣсколько выше того мѣста, откуда бьетъ ключъ.

Мазаровъ очень много; большинство наиболѣе чтимыхъ находится въ горахъ, или предгорьяхъ Ферганы, почему для посѣщенія ихъ избираются обыкновенно Май, Іюнь, или Іюль мѣсяцы, когда въ горахъ наступаетъ лучшее время года, а подножный кормъ еще не совсѣмъ стравленъ.

Всѣ мазары обладаютъ болѣе или менѣе различными свойствами. Такъ напр., посѣщеніе Араванскаго мазэра помогаетъ отъ головныхъ болей, а посѣщеніе мазэра, находящагося въ Канибадамѣ и носящаго названіе *кюкэ-юталъ-мазэръ*, считается наиболѣе вѣрнымъ средствомъ отъ чахотки и коклюша (*кюкэ-юталъ* — коклюшь и чахотка). Въ Наманганскомъ уѣздѣ особенно чтимыхъ мазаровъ — два: *Падшэ-атэ* и *Бавэ-атэ*; оба они находятся въ горахъ и довольно высоко; наибольшее число богомольцевъ, пѣшихъ и конныхъ, тянувшихся сюда цѣлыми караванами, приходитъ въ іюнь мѣсяцѣ. Про оба эти мазэра сарты говорятъ такъ: „хочешь молиться о богатствѣ, иди на мазаръ *Падшэ-атэ*;

хочешь молиться о рожденіи ребенка, иди на мазаръ *Виватъ-атъ*“.

Изъ мазаровъ, извѣстныхъ не только въ Ферганѣ, но и далеко за ея предѣлами, слѣдуетъ упомянуть о мазарѣ *Тахтъ-и-Сулейманъ* (тронъ Соломона), находящемся на вершинѣ горы того же имени, около города Оша.

Отправляясь на богомолье, мало-мальски состоятельные люди берутъ съ собою туда же жертвеннаго барана, или козла. Если дорога это позволяетъ, то женщины и дѣти ѣдутъ на арбахъ. Набожные идутъ часть пути пѣшкомъ, гоня передъ собою барана, или козла. Прийдя на мазаръ и совершивъ тамъ моленіе, рѣжутъ приведенное сюда жертвенное животное; шкура и часть мяса отдается *шайхамъ* даннаго мазара, изъ рода въ родъ пользующимся правомъ полученія всѣхъ вообще приношеній, дѣлаемыхъ богомольцами, а другая часть съѣдается здѣсь же, на мазарѣ, самими послѣдними. (Такое жертвоприношеніе называется *худай* — божеское). Иногда, если предполагается посѣщеніе одного изъ ближайшихъ мазаровъ, вмѣсто закланія барана, или козла, ограничиваются однимъ лишь приготовленіемъ на мазарѣ какой-либо пици, принятіе которой здѣсь же считается душеспасительнымъ (*савабъ*).

Не рѣдки случаи, когда на такіе, ближайшіе по разстоянію, мазары женщины ѣздятъ безъ мужей. Пять-шесть бабъ составляютъ компанію, забираютъ припасы, нанимаютъ сообща арбу и отправляются.

Говоря о мусульманской религіи и ея житейскомъ значеніи, мы сказали уже, между прочимъ, и о томъ уровнѣ, на которомъ стоитъ развитіе или, вѣрнѣе, сумма знаній, обладаемыхъ туземнымъ обществомъ. Потому здѣсь, говоря о знаніяхъ женщины, мы считаемъ возможнымъ ограничиться тѣмъ лишь замѣчаніемъ, что въ общемъ кругъ ея знаній гораздо уже, чѣмъ у мужчины. Грамотныхъ женщинъ, обыкновенно съ трудомъ разбирающихъ небольшое число книгъ, написанныхъ на тюркскомъ языкѣ, и съ трудомъ же могущихъ написать какое нибудь простенькое письмо, немного. Чрезвычайно рѣдкими исключеніями являются женщины, знакомыя съ богословіемъ и правомъ, къ которымъ въ этомъ случаѣ обращаются (обыкновенно женщины-же) съ вопросами и за совѣтами такъ-же, какъ обращаются съ этимъ къ

улемамъ — мужчинамъ, и относятся къ нимъ съ громаднымъ уваженіемъ. Ничто не возвышаетъ здѣсь человѣка въ глазахъ другихъ людей и даже цѣлаго общества такъ, какъ знаніе, начитанность и богатство.

Благодаря безграмотству большинства женщинъ, не рѣдки случаи, когда письма замѣняются ими разными символическими предметами. Такъ напр., женщина, соскучившаяся объ мужѣ, посылаетъ ему бѣлье, въ которое завертываетъ немножко соломы и кусочекъ угля. Этимъ она говоритъ, что въ отсутствіи своего сожителя отъ тоски пожелтѣла, какъ солома и почернѣла, какъ уголь. Желая дать знать о покойникѣ, посылаютъ синюю нитку. (Синій цвѣтъ — цвѣтъ траура).

Особенно малыми знаніями отличается женщина деревенская, кишлачная. Тамъ не рѣдки случаи, когда она умѣетъ считать лишь до ста, и то не всегда правильно, говоря напр., вмѣсто сорока (*кыркъ*), — два раза двадцать (*икъ-тирма*) и пр. Большая часть кишлачныхъ женщинъ не знаетъ счета денегъ, не знаетъ сколько *тенегъ* въ *тиллѣ*, *чекъ* въ *тегѣ*, или копѣекъ въ рублѣ и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого понятія объ единицахъ вѣса и числѣ мѣсяцевъ въ году. Одна женщина въ Навѣѣ при насъ говорила, что ей ребенку нѣтъ еще года, что ему всего только 17 мѣсяцевъ.

Всѣ-же, какъ городскія и кишлачныя женщины, такъ равно и большинство мужчинъ, имѣютъ крайне запутанныя представленія объ исчисленіи времени. У мусульманъ времяисчисленіе лунное, при чемъ большинство подъ именемъ мѣсяца разумѣетъ не извѣстное число дней, а фактъ, такъ сказать, появленія луны. Пояснимъ примѣромъ. Родится ребенокъ въ концѣ луны. Нарождается и кончается вторая луна; затѣмъ нарождается третья; проходитъ со дня рожденія ребенка счетомъ, положимъ, 45 дней. По истеченіи ихъ мать и отецъ ребенка говорятъ, что ему три мѣсяца, ибо со дня его рожденія они видѣли три луны. Очень не рѣдко приходится слышать, что такая-то ходитъ беременной вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ. Такъ-же считаютъ и лѣта, при чемъ кромѣ вышесказанной путаницы, по достиженіи ребенкомъ, напр., пяти лѣтъ, не говорятъ, что ему пошелъ шестой годъ, а говорятъ: ему шесть лѣтъ.



Мы упоминали уже и о томъ, что нравственная сторона родственныхъ связей между туземцами въ общемъ очень слаба; при этомъ замѣчается, что въ большинствѣ слоевъ туземнаго общества родители любятъ своихъ дѣтей несравненно больше, чѣмъ дѣти родителей, а изъ разныхъ дѣтей большею любовью пользуются малолѣтнія. Особенно душевные отношенія къ дѣтямъ мы встрѣчаемъ въ бѣдныхъ классахъ, гдѣ не рѣдко приходилось видѣть случаи такого баловства дѣтей, въ результатѣ котораго послѣднія окончательно, какъ говорится, отбиваются отъ рукъ. Замѣчательно, что наиболее рѣзкіе примѣры такого баловства и всевозможныхъ побряжекъ дѣтямъ всегда встрѣчались въ наиболее бѣдныхъ кишлачныхъ семьяхъ. Не рѣдко приходилось видѣть, какъ мать долго упрашиваетъ сына, или дочь, принести со двора дровъ, воды, или чего-нибудь подобнаго; тѣ, не только не соглашались, но даже дѣлаютъ видъ, что не слышатъ ея словъ. Тогда она бросается на нихъ съ кулаками, а они, ловко увернувшись отъ нея, выскакиваютъ на улицу и все-таки не исполняютъ ея просьбы, или требованія. Жившая у насъ дѣвочка лѣтъ 13-ти была очень дружна со своей матерью, женщиной лѣтъ 35; затѣмъ, когда дѣвочка стала подростать, мать вполне подпала подъ ея вліяніе, никогда ей ни въ чемъ не прекословила, обращалась съ дочерью такъ, какъ бы считала ея выше себя и не рѣдко получала даже отъ послѣдней выговоры и наставленія. Все сказанное служить, между прочимъ, причиною того, что въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти, въ особенности дѣвочки, сравнительно очень поздно начинаютъ помогать родителямъ въ ихъ домашнихъ, полевыхъ и другихъ работахъ. Въ Нанѣ мы знали очень бѣдную семью, гдѣ даже дѣвочка, лѣтъ 12, ровно ничего не дѣлала, а сынъ здоровый, краснощекий парень, до нельзя избалованный матерью, началъ помогать старику отцу только по достиженіи 17—18 лѣтняго возраста, да и то на каждомъ шагу отговаривался всевозможными воображаемыми болѣстями. По поводу баловства дѣтей бѣднымъ людемъ отъ самихъ же бѣдняковъ намъ не разъ приходилось слышать разсужденія такого рода. У богатыхъ людей, говорили намъ, есть земли, сады, лошади, бараны; они все это холятъ и любятъ не меньше своихъ семей, а бѣдняку остаются одни толь-

ко дѣти, на которыхъ онъ и сосредоточиваетъ свои привязанности.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ городахъ дѣти приучаются къ труду раньше, чѣмъ въ кишлкахъ, а у достаточнаго населенія раньше, чѣмъ у бѣднаго, при чемъ вездѣ дѣти съ матерью живутъ гораздо дружнѣе, чѣмъ съ отцомъ, а почтеніе къ родителямъ, всегда лишь наружное и встрѣчающееся лишь въ болѣе или менѣе зажиточныхъ семьяхъ и тѣхъ, гдѣ всѣ домашніе распорядки ведутся мужемъ, а не женой, ограничивается лишь тѣмъ временемъ, въ продолженіи котораго дѣти находятся подъ родительскимъ кровомъ. (Съ отцомъ дѣти всегда говорятъ на *вы*; съ матерью иногда говорятъ и на *ты*, но сравнительно рѣдко и то больше въ кишлкахъ).

Выйдя замужъ, женщина продолжаетъ видѣться только съ матерью; отца она видитъ или очень рѣдко, или даже и совсемъ прекращаетъ съ нимъ какія бы то ни было сношенія.

Родителямъ замужней женщины нѣкоторое наружное почтеніе отдается въ томъ только случаѣ, если они зажиточны. При обратномъ условіи, мать-вдова очень часто дѣлается работницей своей замужней дочери, живетъ у ней на правахъ прислуги, исполняетъ всѣ черныя, домашнія работы и въ вознагражденіе за труды получаетъ старое, поношенное платье и обувь своей дочери, вышедшей замужъ за зажиточнаго человѣка. Разъ мы видѣли такую сцену. Мать, жившая у замужней дочери, что называется, изъ милости, не угодила послѣдней, не ладно приготовивъ какое-то кушанье. Дочь позвала ея, при насъ же выругала старуху и заставила ея готовить снова. Не смотря на подобную обстановку, очень не рѣдки случаи, когда такая мать не оставляетъ своей дочери до самой смерти. Куда она пойдетъ, если у ней за смертью мужа нѣтъ своего угла? Гдѣ бы она не пристроилась, вездѣ къ ней будутъ относиться одинаково. Будь она богата, тогда, конечно, другое дѣло. Она или жила бы сама по себѣ, взявъ какую-нибудь бѣдную семью для исполненія полевыхъ работъ, или, если бы даже она и поселилась у дочери; то имѣла бы и отдѣльное помѣщеніе и вслѣдствіи почеть.

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ соблюдается этикетъ и приличія, при входѣ въ комнату старшаго мужчины, хозяина дома,

встаютъ и не садятся до тѣхъ поръ, пока онъ не сядетъ, не только жена, дѣти и другія родственницы, но даже и его мать.

При постороннихъ людяхъ между мужемъ и женой отнюдь не принято выражать какія бы то ни было отношенія интимности; въ этихъ случаяхъ мужъ всегда говоритъ въ серьезномъ тонѣ, а жена выслушиваетъ его съ видомъ возможнаго смиренія. При постороннихъ же мужъ и жена всегда говорятъ на *вы* и никогда не называютъ другъ друга по имени, что считается въ высшей степени зазорнымъ. Въ глаза они называютъ другъ друга именемъ ихъ старшаго ребенка, а если такого нѣтъ, то именемъ брата мужа, или брата жены, или же говорятъ другъ съ другомъ въ третьемъ лицѣ. За глаза мужъ, говоря про свою жену, говоритъ: „мое семейство“, а жена, говоря про своего мужа, и тоже не называя его по имени, говоритъ: „мой мужъ, мой хозяинъ, отецъ моей дочери и пр.“.

Случаи особенно прочной нравственной связи между супругами, вслѣдствіе ничтожности числа браковъ, заключающихся по взаимному влеченію, очень рѣдки. Случается, впрочемъ, и не особенно рѣдко, что мужъ и жена, сосватанные очень часто за глаза, оказываются вполне подходящими другъ для друга, и тогда, съ теченіемъ времени, между ними устанавливаются отношенія привычки, прочности которыхъ бываетъ вполне достаточно для того, чтобы союзъ этотъ не разрушался до самой смерти одного изъ его членовъ. Однако-же и при подобныхъ соотношеніяхъ между мужемъ и женой, благодаря тому, что вторая всегда находится въ большей, или меньшей, матеріальной зависимости отъ перваго, никогда почти не замѣчается между супругами отношеній полной откровенности. Наоборотъ, гораздо чаще случается, что половина поступковъ жены навсегда остается тайной для мужа, а двери ея нравственнаго міра гораздо чаще открываются не только пріятельницѣ, но даже и просто знакомой женщинѣ, чѣмъ послѣднему.

Не смотря на то, что и религія, и обычное право, признаютъ мужа главою семьи, очень не рѣдко случается, что глава этотъ вполне подпадаетъ влиянію жены. Мы знали и такія семьи, гдѣ жены, не только держали мужей въ рукахъ, но даже и били ихъ. Одинъ изъ такихъ супруговъ былъ

волостнымъ управителемъ. Чрезвычайно расторопный и очень толковый въ дѣлахъ своей службы, крайне строгій и даже суровый съ подчиненными, онъ совершенно терялся каждый разъ, какъ только входилъ во внутренней дворъ. Разъ, когда онъ задумалъ было взять себѣ вторую жену, супруга надала ему такихъ звонкихъ пощечинъ, что звукъ ихъ былъ слышенъ, вмѣстѣ съ ея крикомъ, даже и на улицѣ.

Въ прежнемъ наманганскомъ вилаѣтѣ былъ и такой курьезъ. Лѣтъ 25 тому назадъ здѣсь умерла женщина, нѣкая *Халь-биди*, известная въ народѣ подъ именемъ *Халь-мирѣбъ-баші*. Мужъ ея *Ходжа-бекъ-мирѣбъ* былъ въ наманганскомъ вилаѣтѣ начальникомъ надъ *мирѣбами*, завѣдующими раздѣломъ арычной воды. Еще и при жизни мужа, хорошо знакомая не только съ обычнымъ правомъ, но даже и съ подробностями мѣстной ирригаціонной системы, энергичная, бойкая и никому не дававшая спуску, *Халь-биди* всегда принимала самое непосредственное участіе въ мужниныхъ дѣлахъ, а послѣ смерти *Ходжа-бека*, когда ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, она одѣлась въ мужское платье, надела сапоги, чалму и кушакъ и, заставивъ Наманганцевъ признать ея своимъ *мирѣбъ-баші*, заняла мѣсто своего мужа и отправляла эти обязанности до самой смерти. Сынъ ея *Сарымсакъ-датха*, которому она сама проложила дорогу въ ханскій дворецъ, былъ впоследствии хакимомъ (губернаторомъ) Намангана.

Что же касается до посредственнаго, или косвеннаго, участія въ административныхъ, политическихъ и другихъ дѣлахъ, то въ нихъ принимали участіе жены, не только хановъ, но даже и сравнительно мелкихъ чиновниковъ.

Если слаба нравственная сторона тѣхъ родственниковъ узъ, которыя существуютъ здѣсь между дѣтьми и родителями, то въ отношеніи другихъ родственниковъ такой связи и вовсе не существуетъ, не смотря на то, что о родственныхъ чувствахъ и отношеніяхъ толкуется очень много. Отношенія между родственниками, даже и такими, какъ братья и сестры, если нѣтъ никакихъ побочныхъ и главнымъ образомъ матеріальныхъ обстоятельствъ и причинъ, ровно ничѣмъ не отличаются отъ отношеній между знакомыми людьми. Рѣдки случаи, когда родные помогаютъ другъ другу изъ своихъ собственныхъ средствъ. Этого рода проявленія родст-

венныхъ чувствъ и соотношеній наичаще встрѣчаются въ средѣ служилаго класса, гдѣ, отнюдь не трогая собственной своей мощи, имѣется нѣкоторая возможность поиграть на струнахъ родственности при помощи представленія того, или другого, доходнаго мѣстечка.

Такимъ образомъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что здѣсь ни для взрослого мужчины, ни для взрослой женщины, въ большинствѣ случаевъ и, за исключеніемъ лишь любви къ малолѣтнему ребенку, и то лишь въ возрастѣ его безпомощности, никакихъ другихъ родственныхъ чувствъ не существуетъ. Для русскаго человѣка въ этомъ отношеніи есть выходъ, ибо хотя онъ и знаетъ сущность 5-ой заповѣди, но ему также, и совершенно достоверно, известно, какъ по наслышкѣ, такъ равно и по житейскому опыту, что „каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“. У сарта такой поговорки нѣтъ, а заповѣдь есть. Вотъ онъ и находится въ нѣсколько, какъ бы, безвыходномъ положеніи. Книжники и фарисеи отлично знаютъ, что вотъ этому сарту, имѣющему цѣлую ораву дѣтей, въ истинномъ значеніи этого слова ѣсть нечего. тѣмъ не менѣе его и стыдятъ и убѣждаютъ въ томъ, что долженъ онъ убогаго своего родителя призрѣть. „Призрѣть надо, дѣйствительно надо, только трудно мнѣ это, очень ужъ трудно. Грѣшники мы всѣ передъ Богомъ, вотъ что я думаю, говорить онъ, и при этомъ вздыхаетъ“. Но вслушайтесь въ тонъ его голоса, всмотритесь въ выраженіе его лица и вы увидите, что онъ говоритъ далеко не то, что думаетъ. А думаетъ онъ приблизительно такъ: „призрѣть надо; не дать же умереть человѣку съ голоду; надо призрѣть, да только не мнѣ это сдѣлать, не съ моей оравой на плечахъ, не съ моимъ рублевымъ заработкомъ въ недѣлю. Сила тутъ нужна, а не я“. Но что это за сила такая, онъ, сартъ, никогда вамъ не отвѣтитъ, ибо и самъ толкомъ не знаетъ, гдѣ и въ чемъ эта сила. А не знаетъ онъ этого по двумъ причинамъ. Во первыхъ, онъ, не знающій и до сихъ поръ въ практикѣ своей общественной жизни ни приютовъ, ни богадѣленъ, ни другихъ учреждений этого рода, предназначенныхъ для призрѣнія убогой и безпомощной части человѣчества, онъ, говоримъ мы, сартъ, никогда не останавливался на этомъ вопросѣ по долгу и никогда не дѣлалъ попытокъ къ его разрѣшенію. Во вто-

рыхъ, онъ плохо знаетъ исторію своей религіи. Если бы онъ зналъ хорошенько послѣднюю, онъ отвѣтилъ бы книжникамъ такъ: „Пророкъ повелѣлъ каждому мусульманину кромѣ поземельной подати платить еще и *закѣтъ* въ размѣрѣ сороковой части капитала, стада и другого имущества. Пророкъ, повелѣлъ, чтобы *закѣтъ* употреблялся одинаково какъ на веденіе войны за *отру*, такъ и на содержаніе бѣдныхъ и убогихъ. Зачѣмъ наши ханы и эмиры присвоили *закѣтъ* себѣ? Зачѣмъ они стали употреблять его на свои только пужды? Зачѣмъ они нарушили завѣтъ Пророка? Зачѣмъ они ограбили бѣдныхъ и калѣкъ? Если бы они не сдѣлали этого, было бы чѣмъ призрѣть и моего отца“.

Переходя къ правиламъ вѣжливости и приличій, предписаннымъ туземной женщиной, замѣтимъ, что правила эти известны въ большей или меньшей степени во всѣхъ слояхъ туземнаго общества, но фактическое соблюденіе многихъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ въ городахъ и то лишь въ средѣ болѣе или менѣе состоятельнаго населенія, къ которому мы въ данномъ случаѣ и обратимся.

Мы уже сказали, что при входѣ въ комнату мужа, отца или другого родственника, старшаго ея лѣтами, женщина, особенно въ присутствіи постороннихъ, встаетъ; при этомъ она потупляетъ глаза и слегка надвигаетъ платокъ на лобъ, дабы скрыть волосы и имѣть возможно скромный и цѣломудренный видъ. Говоря *на ты* съ тѣми лишь, кто моложе ея, туземная женщина каждаго взрослого мужчину называетъ *ака* (старшій братъ), а женщину старшую ея лѣтами — *ая* (тетка) или *бибй* (сокращ. *бѣ*, что значитъ госпожа) (1).

Гостя, стоящая по общественному положенію или состоянію ниже хозяйки, встаетъ съ мѣста каждый разъ, какъ то же дѣлаетъ и послѣдняя. Приѣхавшая откуда либо женщина должна первая побывать у своихъ знакомыхъ. Жела-

(1) Этимъ же именемъ зовутъ старшихъ сестеръ, а иногда и матерей. Кромѣ того женщинамъ разнаго общественнаго положенія принято давать еще и др. эпитеты или титулы. Жены хановъ, беконъ и особенно богатыхъ людей называются — *аймъ*; жены хакимовъ — *байбачй*; жены *ишановъ* — *атунгъ*; жены приходскихъ *имамовъ* — *матломъ* и пр.

ющая съ кѣмъ либо познакомиться, идетъ туда, неся какой-нибудь подарокъ: кусокъ матеріи (на рубашку или на халатъ), блюдо *палау*, блюдо съ лепешками, фисташками и изюмомъ, или что либо въ этомъ родѣ. Если съ приходшею желаютъ быть знакомыми, то, передъ уходомъ послѣдней, её отдариваютъ такъ, чтобы цѣнность возвратнаго подарка была бы отнюдь не меньше цѣнности подарка, принесеннаго гостею. Въ противномъ случаѣ, если послѣднее условіе не соблюдено, гостя, едва успѣвъ выйти за дверь, начинаютъ сначала ворчать, а потомъ и совсѣмъ таки ругаться за ничтожность оказаннаго ей почета. ✓

Въ присутствіи гостей хозяйка оставляетъ работу.

Если ожидаютъ гостей равныхъ съ хозяйкою или стоящихъ выше ея по богатству и общественному положенію (о такомъ посѣщеніи обыкновенно предувѣдомляютъ заранее), то хозяйка, не имѣющая помощницъ, зоветъ одну изъ своихъ небогатыхъ сосѣдокъ помочь ей въ стряпнѣ. Въ ожиданіи гостей метутъ и убираютъ комнату, развѣшиваютъ въ одномъ изъ угловъ наиболѣе нарядныя рубахи и халаты, наскоро пекутъ лепешки, заранее готовятъ рисъ для *палау* и пр. Поприбравшись немного, хозяйка одѣвается. Являются гости, обыкновенно со чады и домочадцы. Хозяйка встрѣчаетъ ихъ внѣ комнаты; кто-нибудь изъ домашнихъ, а не то такъ и она сама, снимаетъ съ наиболѣе уважаемыхъ *паранджй* и отбираетъ принесенныя гостями подносы съ подарками; *паранджй* снимается всегда на дворѣ, надѣвать его въ комнатѣ считается неприличнымъ также, какъ у насъ напр. сидѣть въ комнатѣ въ пальто, калошахъ и пр. Снявъ *паранджй*, гости здороваются съ хозяйкою, обнимаются, спрашиваютъ другъ друга о здоровьи и говорятъ разныя пожеланія. Цѣловаться при встрѣчахъ, хотя бы и очень радостныхъ, ни между мужчинами ни между женщинами отнюдь не принято. Гости разсаживаются въ переднемъ углу комнаты на подостланныхъ имъ одѣялахъ; появляется *дастарханг*: лепешки, фисташки, изюмъ, плохія конфеты, привозимыя сюда изъ Россіи, леденецъ, халва, лѣтомъ фрукты и всенепременно чай. Одною изъ присутствующихъ лепешки ломаются на кусочки и раскладываются на подносѣ или на *дастарханг*. Первой беретъ наиболѣе важная изъ гостей, за ней другія и ужъ послѣ всѣхъ хозяй-

ка и то лишь по особому приглашенію самихъ же гостей. Желая сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, гости одѣлаютъ лакомствами ея дѣтей, цѣлуютъ ихъ, спрашиваютъ учатся ли они и пр. Начинается болтовня; разсматриваютъ другъ у друга наряды; спрашиваютъ объ ихъ стоимости; сплетничаютъ; слегка пикируются; сообщаютъ другъ другу новости; грудные ребята, привыкшіе къ люлькѣ, режутъ благимъ матомъ; матери тщетно стараются уложить ихъ спать и, наконецъ, наскучивъ ихъ пискомъ, выпроваживаютъ куда нибудь съ дѣтьми—подростками.

Уходя изъ комнаты наблюдая за приготовленіемъ *палау* или другого кушанья, вродѣ пельменей, хозяйка проситъ гостей не скучать, заняться ѣдой и разговорами. Если дѣло происходитъ лѣтомъ, то, вдосталь наговорившись, гости выходятъ на дворъ, идутъ осматривать постройки, отправляются въ садъ, если онъ имѣется при домѣ, устраиваютъ качель, до которой большія охотницы не только молодыя женщины, но даже и достаточно пожившія, а не то забираются на крышу одной изъ построекъ, заглядываютъ на сосѣдніе дворы и смотрятъ, что тамъ дѣлается; увидѣвъ женщинъ, вступаютъ съ ними въ разговоры, а наткнувшись на мужчинъ, изображаютъ на своихъ лицахъ страхъ и смятеніе, кидаются назадъ съ пискомъ и восклицаніями вродѣ „*вай-улай*“ (ой, умру) или „*вай джѣнымъ чикѣтъ киттѣ*“ (ой, душенька выскочила) и чуть не кубаремъ летятъ внизъ съ крыши. Особенно интересными въ такіе моменты бываютъ старушки.

Побѣвши *палау* и вторично напившись чаю, гости расходятся, убѣдительно прося хозяйку не забывать и ихъ, а остатки лакомствъ тщательно собираются и прячутся подъ замокъ, въ маленькій кованный сундучекъ.

Въ гости, особенно женщины, ходятъ всегда днемъ; религія совѣтуетъ и мусульманину и мусульманкѣ или возвращаться домой не позже послѣдняго вечерняго *намѣза-хунтанъ*, или же, если это почему либо не удастся, то ночевать тамъ, гдѣ застанетъ ночь. Правило это соблюдается, если и не всегда, то, по крайней мѣрѣ, по возможности. На улицахъ сартовскаго города послѣ *намѣза-хунтанъ* вы никогда почти никого не встрѣчаете. Исключеніе составляетъ

лишь мѣсяцъ поста, когда у большинства день обращается въ ночь и наоборотъ.

Преимущественными способами передвиженія туземной женщины являются: на близкихъ разстоянiяхъ хожденiе пѣшкомъ, а на далекихъ ѣзда на арбѣ. Гораздо рѣже она ѣздитъ верхомъ на лошади. (Ѣздитъ на ишакахъ у женщинъ не принято). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она никогда не отправляется одна. Въ сѣдло садится мужъ, сынъ подростокъ или кто-либо изъ другихъ родственниковъ, а она усаживается позади его, на крупѣ лошади, поверхъ сложеннаго одѣяла или другой подстилки. Въ одиночку верхомъ на лошади (на мужскомъ сѣдлѣ) ѣздить обыкновенно однѣ лишь киргизки и цыганки.

Раньше мы упоминали уже о тѣхъ условiяхъ, при которыхъ женщина появляется на базарѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сказано было, также и о томъ, что какъ религiя, такъ равно и приличiе требуютъ, чтобы женщина выходя на улицу не только закрывала бы свое лицо, но еще заботилась бы и о томъ, чтобы изъ подъ *чимбѣта* и *параджей* не было бы видно ея всегда почти яркихъ нарядовъ. Это послѣднее правило соблюдается далеко не всегда. Замѣчая, что по близости нѣтъ мужчинъ, женщина отбрасываетъ на голову *чимбѣтъ*, открываетъ лицо и часто на поворотахъ улицы не всегда успѣваетъ вновь закрыть его, встрѣтившись съ женщиной. При встрѣчѣ на людныхъ улицахъ знакомыя женщины, узнавшiя другъ друга по одеждѣ или по голосу, подходятъ другъ къ другу совсѣмъ близко, становятся лицомъ къ лицу, слегка приподнимаютъ *чимбѣтъ* и, поболтавъ немного, расходятся. Обниматься при встрѣчахъ на улицахъ, также какъ это дѣлается при встрѣчахъ на дому, не принято. (Давно не встрѣчавшіеся мужчины обнимаются и на улицахъ; иногда для этого и не слѣзаютъ даже съ лошадей).

Вступать въ разговоры на улицѣ съ незнакомыми, между женщинами неприличнымъ не считается. Такъ напр. очень часто случалось, что къ одному изъ авторовъ, къ жепѣ, ходившей подъ такимъ же *чимбѣтомъ* и *параджей*, какъ и у сартянокъ, на улицѣ подходили совершенно незнакомыя женщины, спрашивали почему брался кумачъ на рубашку или *адрысъ* на бешметъ, осматривали и то, и другое и затѣмъ отправлялись своей дорогой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приличiе требуетъ, чтобы женщина не разговаривала на улицѣ съ мужчиной, даже при условiи закрытаго лица. Если мужъ, напримѣръ, встрѣчаетъ свою жену на улицѣ и имѣетъ надобность сказать ей что-либо лично, то онъ дѣлаетъ это такъ, чтобы разговоръ не былъ замѣченъ прохожими; онъ говоритъ ей не громко и смотритъ при этомъ въ сторону.

Женщинами низшихъ классовъ туземнаго общества, а въ особенности въ кишлакахъ, всѣ выше перечисленныя приличiя въ большей или меньшей мѣрѣ игнорируются, однако же только въ отношенiи своихъ единоплеменниковъ; завидѣвъ русскаго, сартянка по меньшей мѣрѣ сторонится и тщательно закрываетъ лицо, причѣмъ нерѣдко прислоняется къ стѣнѣ, уткнувшись въ нее послѣднимъ, или же опрометью бросается назадъ или въ сторону и скрывается въ первую встрѣчную калитку; часто случается, что сопровождающiя еѣ дѣти не успѣваютъ улетѣть вслѣдъ за ней и поднимаютъ тутъ же, на улицѣ, ревъ и вой. Рѣже, когда сартянка замѣчаетъ, что на улицѣ нѣтъ никого, кто могъ бы осудить ея поведенiе, она не только не бросается бѣжать отъ русскаго, но, на оборотъ, отбрасываетъ *чимбѣтъ* и разглядываетъ проѣзжающаго съ замѣчательно добродушнымъ любопытствомъ.

Сартянка, тоже какъ и сартъ, очень большая охотница до всевозможныхъ зрѣлицъ и увеселенiй, которыя она называетъ общемъ именемъ *тамаша* (развлеченiе), а еще больше любитъ она праздники и разнаго рода праздничныя сборища.

Наканунѣ праздника, въ день такъ называемой *храни*, сочельника, во всѣхъ домахъ моютъ бѣлье, пекутъ сдобныя лепешки и заканчиваютъ другiя праздничныя приготовленiя. Вечеромъ того же дня женщины варятъ *палау*, блюда и чашки съ которымъ разпосылаются родственникамъ, знакомымъ и сосѣдямъ. Утромъ въ первый день праздника встаютъ обыкновенно очень рано, чтобы успѣть вовремя вымести комнату и дворъ, вымыть голову, причесаться и привариться. Утреннiй *намаъзъ* въ этотъ день бываетъ не на разсвѣтѣ, какъ въ обыкновенные дни, а часовъ около 8 или 9. Мужчины, вырядившись въ чистыя чалмы и новыя халаты, отправляются каждый въ свою мечеть; за ними туда же

устремляется и большинство женщинъ, посмотрѣть съ улицы или съ ближнихъ къ мечетямъ крышъ на людной праздничный *намъзъ*, по окончаніи котораго, въ городахъ вся эта толпа, частью устремляется на базаръ, гдѣ въ этотъ день большинство лавочекъ открыто, частью же разсыпается по городу. Если вы остановитесь у воротъ какого-нибудь большаго, зажиточнаго двора, вы увидите, какъ въ продолженіи всего дня сюда будутъ входить и выходить и мужчины и женщины; до самаго поздняго вечера идетъ, что называется, сутолока. На другой день около полудня своеобразные звуки длинныхъ сартовскихъ трубъ, *карнаѣ* извѣщаютъ городъ о томъ, что на базарѣ или на другой площади города начинаются представленія *дарваза*, ходящаго по кавату, или фокусника и клоуна, или публичныя пляски *батчѣй*. Народъ, что называется, валомъ валитъ на площадь, и располагается здѣсь густыми толпами вокругъ мѣста представленія; мужчины, женщины съ грудными дѣтьми, дѣти-подростки, дѣвушки, все это перемѣшивается въ нестрой и шумной толпѣ; масса женщинъ виднѣется на ближайшихъ крышахъ и на арбахъ; говоръ, шумъ; всюду снуютъ разносчики съ изюмомъ, фисташками, халвой и леденцами; трубы пенстово воютъ, сзывая сюда все большія и большія массы народа; мало по малу около арены начинается давка, и случайно затесавшіеся сюда конные не могутъ уже сдвинуть съ мѣста своихъ лошадей. Среди толпы, — часть которой, ближайшая къ аренѣ, сидитъ на землѣ или стоитъ на колынахъ, образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ амфитеатра, — на большой сѣрой кошмѣ, подъ мѣрнымъ гулъ громаднаго бубна и рѣзкій визгъ туземнаго кларнета, то сладострастно поводи плечами и торсомъ, то вздрагивая всѣмъ туловищемъ, то быстро кружась на одномъ мѣстѣ, пляшетъ хорошенькій, разодѣтый въ яркіе наряды *батчѣй*; притаивъ дыханіе, тысячами глазъ смотритъ на него нестрая какъ азіатскій коверъ толпа; вотъ онъ завертелся еще быстрѣй, сталъ на колѣна и, слегка вздрагивая плечами, началъ медленно покачивать вправо и влево своимъ гибкимъ туловищемъ, одѣтымъ въ яркій атласъ. Какъ бѣшеная, какъ изступленная взвыла толпа, привыкшая не аплодисментами а дикимъ крикомъ выражать въ этихъ случаяхъ свое одобреніе.....

Въ городахъ праздникъ продолжается обыкновенно шесть или семь дней, а въ кишлакахъ только три, при чемъ тамъ праздничное оживленіе за отсутствіемъ акробатовъ, публичной пляски *батчѣй* и проч. гораздо меньше. Всѣ тамошнія праздничныя развлеченія ограничиваются однимъ лишь хожденіемъ по гостямъ. Въ нѣкоторыхъ кишлакахъ дѣвушки собравшись по нѣскольку человекъ ходятъ изъ дому въ домъ, пляшутъ на внутреннихъ дворахъ; разумѣется и получаютъ за это угощеніе.

Весной, въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы въ разное время — въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, устраиваются такъ назыв. *сайли*, загородныя гулянья въ родѣ нашего 1-го мая. (Такіе же *сайли* бывають и въ большихъ кишлакахъ).

Въ Наманганѣ, напр., они устраиваются три или четыре пятницы подъ рядъ въ мартѣ или начала апрѣля, смотря по веснѣ. Гдѣ-нибудь за городомъ разбиваются палатки, въ которыхъ продають готовый чай, хлѣбъ, изюмъ и фисташки; являются разносчики съ разными лакомствами, и пельменчики на скорую руку здѣсь же устраивають свои печи. Въ назначенный день, съ раняго утра сюда тянутся вереницы арбъ и толпы коннаго и пѣшаго люда. Образуются сотни отдѣльныхъ группъ; женщины обыкновенно особо отъ мужчинъ. Пляшетъ *батчѣй*; иногда появляется и акробатъ; рѣже на скорую руку устраивается скачка. Подъ вечеръ вся эта нестрая, разноцвѣтная толпа длинной вереницей съ пѣснями и бубнами возвращается въ городъ.

## БЕРЕМЕННОСТЬ И РОДЫ. ДѢВОЧКА.

Есть много причинъ тому, чтобы сартянка радовалась беременности, въ особенности же беременности первымъ ребенкомъ. Во первыхъ, молодую женщину мужъ по давно установившемуся здѣсь обычаю почти совсѣмъ не отпускаетъ со двора до тѣхъ поръ, пока она не родитъ перваго ребенка. Во вторыхъ, и религія, и народный умъ видятъ въ потомствѣ одну изъ ближайшихъ наградъ за человѣческія добродѣтели<sup>(1)</sup>. По той же причинѣ женщина неплодная, не ро-

<sup>(1)</sup> Вѣрующимъ и потомкамъ ихъ, последовавшимъ имъ въ вѣрѣ. Мы дадимъ видѣться съ потомствомъ ихъ. (Коранъ глава 52. стр. 21).

дящая дѣтей, на каждомъ шагу слышитъ нарѣканія и сѣтованія мужа на отсутствіе потомства. Названіе неплодной чуть не равносильно названію поганой. Оттого нерѣдки случаи, когда не желая признаться въ неплодіи, женщина увѣряетъ, что она была беременна, но плодъ приросъ къ ея внутренностямъ, отчего вторично забеременѣть она уже не можетъ. Такіе рассказы о воображаемомъ приростаніи плода здѣсь далеко не рѣдкость. Не одинъ разъ къ намъ обращались за совѣтомъ о томъ, какъ быть съ этимъ приросшимъ плодомъ и что надо сдѣлать для того, чтобы отъ него избавиться. вмѣстѣ съ тѣмъ очень рѣдко приходилось слышать сѣтованія на многочисленность дѣтей и трудность ихъ содержанія. Сарты говорятъ такъ: есть дѣти—въ домѣ базаръ (оживленіе); нѣтъ дѣтей—въ домѣ мазаръ (уныніе). Одинъ только разъ пришлось слышать о случаѣ дѣтоубійства, и то оно сопровождалось совершенно исключительными обстоятельствами. Калѣка мать, отъ рожденія немѣвшая ногу, родила дѣвочку. Не имѣя возможности ни сама двигаться, ни поручить кому-либо уходъ за новорожденной, она въ отчаяніи задушила своего ребенка. Случаи значительной плодовитости женщины очень не рѣдки. Намъ не разъ приходилось встрѣчать старухъ, родившихъ въ продолженіи своего замужества по 15—17 дѣтей.

Замѣчательна также и продолжительность того періода, въ теченіи котораго туземныя женщины, а еще болѣе мужчины сохраняютъ способность къ половой воспроизводительности. Мы знали семьи, гдѣ мужьямъ было около 55—60, а женамъ около 40—45 лѣтъ, и дѣти продолжали еще родиться. Въ среднемъ же менструаціи прекращаются около 45 лѣтняго возраста.

Гигіеническая обстановка беременной, не исключая и ея пищи, ничѣмъ не отличается отъ обстановки не беременной женщины; исправляя всѣ обычные для нея работы, она не прекращаетъ и своихъ половыхъ отправленій до самыхъ послѣднихъ дней беременности. По этому поводу существуетъ даже и не совсѣмъ приличная поговорка, въ которой беременная женщина сравнивается съ жеребой кобылой<sup>(1)</sup>.

<sup>(1)</sup> У здѣшнихъ киргизъ въ силу чисто хозяйственныхъ соображеній, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, принято ранней

Искусственное устраненіе забеременизанія, а также производство выкидыша предпринимается (конечно, далеко не всегда съ успѣхомъ) обыкновенно тогда только, когда женщина обзаводится любовникомъ во время продолжительнаго отсутствія своего мужа. Въ первомъ случаѣ по большей части обращаются къ клочку ваты, который накладывается на рыльце матки. Иногда въ эту вату заворачивается щепотка золы, полученной отъ сожженія стараго рѣшета, при чемъ всѣ надежды возлагаются именно на эту золу, какъ медикаментъ, имѣющій по мнѣнію туземцевъ свойства совершенно неотразимыя.

И такъ въ общемъ сартянка радуется своей беременностью. Забеременѣвъ, она горюетъ въ томъ только случаѣ, если зачатіе произошло въ теченіи тяжелаго мѣсяца *Сафаръ*; зачатый въ теченіи этого мѣсяца ребенокъ еще въ утробѣ матери говоритъ: „или я умру, или отецъ умретъ, или мать умретъ“. Беременная со страхомъ ждетъ себя всякихъ несчастій. Но это, конечно, опять таки исключительный случай. Предположимъ, что зачатіе совершилось во благовременіи. Прежде всего начинаютъ разнаго рода наблюденія, путемъ которыхъ и сама беременная и окружающіе ея стараются узнать, кого она родитъ, мальчика или дѣвочку. Если около праваго соска женщины замѣчаются крупные волоски, то родится несомнѣнно мальчикъ, ибо объ этомъ сказано даже и въ некоторыхъ медицинскихъ книгахъ. Чаще, впрочемъ, наблюдаютъ за тѣмъ, какой пищѣ отдаетъ предпочтеніе беременная женщина—горячей или холодной. Если ей больше нравится горячая пища, то родится мальчикъ, если же холодная—дѣвочка<sup>(1)</sup>.

весной, до появленія жеребятъ, ѣздитъ исключительно на жеребыхъ кобылахъ.

<sup>(1)</sup> Пища (равно какъ лекарства и болѣзни) подраздѣляется на горячую и холодную. Къ первой принадлежатъ: баранье мясо, сахаръ, масло, сало, чай черный (фамильный), патока, *палау*, супъ, молочная рисовая каша, а также и хлѣбъ въ зимнее время; лѣтомъ же онъ становится холоднымъ.

Ко второй относится: хлѣбъ въ лѣтнее время, голяжье мясо, молоко, *катыкъ*, всѣ кушанья безъ мяса, но съ *катыкомъ* (кислое молоко), компотъ, который употребляется исключительно въ видѣ лекарства.

Здѣсь также какъ и у насъ, предпочтеніе всегда отдается мальчику передъ дѣвочкой. Особеннымъ благополучіемъ считается рожденіе сына первенца. По случаю его появленія на свѣтъ въ богатыхъ семьяхъ устраиваются цѣлыя торжества; рѣжутся бараны, изводится нѣсколько десятковъ пудовъ рису на *палау* и муки на лепешки, а наиболѣе почетнымъ гостямъ раздариваются халаты<sup>(1)</sup>.

Туземная женщина родить всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ: мать, старшія замужнія сестры или другія какъ ей, такъ и мужнины родственницы; мужъ, по желанію, можетъ присутствовать при родахъ, но дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дому на время родовъ. Повитухи, специально этимъ занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родятъ сартянки всегда или стоя на колѣняхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочтается всѣмъ другимъ, такъ какъ по мнѣнію туземныхъ женщинъ оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурнаго, тяжелаго характера роды всегда бывають относительно трудные).

Во все время потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдняя обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ еѣ къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтитъ начало потугъ. Если роды затягиваются, то обыкновенно

(1) Такого рода празднества, называемые здѣсь общимъ именемъ *туй* устраиваются: въ большихъ размѣрахъ по случаю обрѣзанія сына, а также сороковаго дня или годовщины по покойникѣ, а въ малыхъ по случаю свадьбы, рожденія всякаго вообще ребенка. По случаю перваго положенія его въ люльку на 6 или 7 день послѣ рожденія и по случаю истеченія шести недѣль родильницѣ. Всѣ эти, *туйи*, за исключеніемъ обрѣзанія и поминокъ, дѣлаются обыкновенно только состоятельными людьми, при чемъ со времени прихода въ Фергану русскихъ замѣчается какъ изъ года въ годъ даже и въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ эти обрядовыя празднества принимаютъ все болѣе и болѣе скромный характеръ вмѣстѣ съ упадкомъ всего вообще мѣстнаго, мусульманскаго благочестія.

вѣрно перемѣняютъ нѣсколько повитухъ, при чемъ кромѣ того прибѣгаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистическаго характера. Такъ напр., въ той же комнатѣ, гдѣ происходятъ роды, сжигаютъ кусочекъ конскаго копыта или даютъ роженицѣ пить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой тушью пишется какая нибудь молитва. (Насъ увѣряли, что нерѣдки будто-бы случаи, когда мужъ, присутствующій при трудныхъ родахъ жены, плачетъ, не будучи въ состояніи выносить вида страданій родильницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться тому стоицизму, съ которымъ очень многіе изъ сартовъ выносятъ самую нестерпимую физическую боль и очень тяжелыя операціи). Появившагося на свѣтъ ребенка беретъ, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя тряпки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы. Пуповина перерѣзывается или ножницами или бритвой; перевязывается (ниткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда почти привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, есть обычай стрѣлять около той комнаты, въ которой лежитъ роженица.

Вслѣдъ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ нимъ нѣкоторыя молитвы, но правило это не вездѣ или, вѣрнѣе, не всѣми соблюдается. По окончаніи родовъ, вслѣдъ за выходомъ послѣда, родильница обмывается, и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужія *аврѣтъ*, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея же, съ правой ея стороны кладутъ и новорожденнаго. Лежитъ роженица обыкновенно 6—7 дней; рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это же время ница родильницы состоитъ по преимуществу изъ разнаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ *катыкомъ* (холодная ница), а ухаживаетъ за ней одна изъ ближайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни послѣ родовъ, но и въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну изъ боязни, чтобы еѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ не задушила та желтоволосая *аджинъ*, о которой мы упоминали уже выше.



Не рѣдко случается, что, не желая огорчить отца извѣстиемъ о рожденіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два-три дня, постепенно подготовивъ, совѣтуютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельнаго человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшія при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ долженъ бы былъ быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всемъ знакомымъ полетѣли говцы съ радостнымъ извѣстиемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кромѣ *палау* и другихъ угощеній, гостямъ будутъ раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости — мужчины застали очень скромное угощеніе и очень огорченнаго хозяина отца, объявившаго имъ, что произошла ошибка, что вмѣсто сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особенныхъ торжествъ не будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день было рѣшено, что надо взять вторую жену, которая родила бы сына.

По благополучномъ окончаніи родовъ кто либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ же и наиболѣе близкимъ знакомымъ съ *суинчи* (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждаго изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой же день послѣ родовъ приходятъ родные и знакомые поздравить съ новорожденнымъ родильницу и ея мужа. Иногда посѣщенія эти продолжаются въ теченіи нѣсколькихъ дней. Каждая приходившая женщина приноситъ *палау*, лепешки или пирожки и рубашку новорожденной. Все эти гости приходятъ по большей части цѣлыми компаниями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, причемъ никогда не имѣется въ виду, того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо таки вреднымъ.

Мы сказали уже, что при рожденіи сына, въ особенности первенца, въ богатыхъ домахъ устраиваются цѣлыя торжества. Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большее, что рѣжется баранъ и на *палау* приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знако-

мыхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ *мазарѣ*, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣрѣдко издержки по такому угощенію беретъ на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которымъ онъ наиболѣе друженъ.

По прошествіи 6—7 дней, обыкновенно одновременно съ тѣмъ какъ родильница встаетъ съ постели, мать ея кладетъ новорожденную въ *бишйкъ*, люльку, гдѣ ребенокъ, привязанный двумя широкими бинтами, лежитъ неподвижно, дабы моча и экскременты черезъ отверстіе, имѣющееся въ днѣ *бишйка*, могли бы попадать въ горшечекъ, прикрѣпляемый ко дну люльки съ нижней ея стороны.

*Бишйкъ* всегда ставится на полъ, а не подвѣшивается; для того же, чтобы онъ могъ качаться, основаніе его дѣлается слегка овальнымъ. Первое привязываніе новорожденнаго въ *бишйкъ*, когда между прочимъ на него въ первый же разъ надѣвается и рубашка, тоже сопровождается нѣкоторымъ семейнымъ торжествомъ. Въ этотъ день родильница сзываетъ родственницъ и знакомыхъ и угощаетъ ихъ лепешками, чаемъ и пловомъ, а дѣдъ или отецъ даютъ ребенку имя. Тщательно избѣгаютъ называть новорожденнаго именемъ одного изъ его старшихъ родственниковъ или родственницъ; дѣлается это потому, что впоследствии, когда ребенокъ подрастетъ и начнетъ шалить, ругая и браня его, косвеннымъ образомъ можно оскорбить того изъ старшихъ родственниковъ или родственницъ, чье имя онъ носитъ. Тѣ, у кого дѣти не живутъ, при рожденіи новаго ребенка, желая, чтобы онъ остался въ живыхъ, не умеръ по примѣру дѣтей предшествовавшихъ, даютъ одно изъ такихъ именъ, какъ *Турсунъ* (пусть онъ остается), *Тохта* (подожди, стой), *Махкамъ* (крѣпкій) и др. при чемъ къ этимъ символическимъ именамъ обыкновенно прибавляется еще и одно изъ обычныхъ мусульманскихъ именъ. Такимъ образомъ получаются имена: *Турсунъ-Магомѣтъ*, *Тохта-джанъ*, *Махкамъ-бай* и пр. Часто, впрочемъ однимъ нареченіемъ такого имени не ограничиваются, а желая окончательно избавить новорожденнаго отъ участи умершихъ братьевъ и сестеръ, его отдаютъ на нѣсколько времени какой-либо посторонней женщинѣ, имѣющей молоко, которая кормитъ его своею грудью въ теченіи 5—6 дней. По истеченіи этого срока родители ре-

бенка идутъ ко временной матери съ выкупомъ. Выкупивъ такимъ образомъ ребенка, ему даютъ имя *Сатубъ-алди* (купилъ) если онъ мальчикъ, или *Саткдинъ* (проданная), если это дѣвочка. Послѣ такой операціи родители уже вполне успокаиваются, твердо вѣруя въ то, что ребенокъ не умретъ. При рожденіи двойней мальчиковъ ихъ называютъ *Хусейнъ* и *Хасанъ*, а дѣвочекъ *Зурра* и *Фатма*; если же двойни мальчикъ и дѣвочка, то имена даются безразлично.

При ханахъ существовало правило или обычай, въ случаѣ рожденія тройней одного изъ дѣтей воспитывать на казенный счетъ и кромѣ того отцу и матери давать еще нѣкоторое личное вознагражденіе.

Вмѣстѣ съ нареченіемъ ребенку имени запоминается и названіе того года, въ которомъ онъ родился.

Въ этомъ отношеніи время дѣлится на циклы, изъ коихъ каждый состоитъ изъ двѣнадцати лѣтъ, при чемъ каждый годъ такого цикла носитъ свое особое названіе; а именно: мышъ, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, баранъ, обезьяна, курица, собака, свинья.

Такъ напр., нынѣшній 1886 годъ носитъ названіе *собаки*. Оттого здѣсь очень часто вмѣсто вопроса, который вамъ годъ? спрашиваютъ: какой вашъ годъ? т. е. какъ назывался тотъ годъ, въ которомъ вы родились.

За домашнія работы родильница принимается тотчасъ же, какъ только встанетъ съ постели, но изъ дому или, вѣрнѣе, со двора, почти совсѣмъ не выходитъ въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль. Мы сказали уже, что ребенка обмываютъ вслѣдъ за его появленіемъ на свѣтъ; затѣмъ онъ остается немытымъ до двадцатаго дня, когда его купаютъ во второй разъ и надѣваютъ на него вторую рубашку, а если время года холодное, то и ватный халатикъ, по возможности изъ шелковой матеріи.

Первая рубашка надѣтая на новорожденного на 6-й или 7-ой день оставляется для послѣдующаго ребенка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ таджикскихъ селеніяхъ кокандскаго уѣзда, мальчика моютъ на 18-ый день послѣ рожденія, т. е. двумя днями раньше обычнаго срока съ тѣмъ, чтобы за его невѣсту взяли по меньше *калма*, а дѣвочку на 22-ой т. е. двумя днями позже, чтобы впоследствии за нее дали большой *калманъ*.

Далѣе ребенка купаютъ еще рѣже, такъ какъ по мнѣнію туземцевъ частое купанье мѣшаетъ ему расти и полнѣть; передъ купаньемъ лицо и голова намазываются *катыкомъ* (кислымъ молокомъ); послѣдній плохо отмывается; на темени образуется нѣчто вродѣ коросты изъ перхоти и грязи, а благодаря общей недостаточности въ чистомъ содержаніи, у массы сартовскихъ дѣтей мы встрѣчаемъ глазныя болѣзни, разнаго рода сыпи, лишай и др. кожные болячки.

При отсутствіи молока у матери, кормилица приглашается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно такого ребенка поятъ сначала коровьимъ молокомъ, а по достиженіи имъ возраста 4—5 мѣсяцевъ начинаютъ кормить молочной болтушкой съ саломъ. (При сильной отрыжкѣ и др. болѣзняхъ, считающихся холодными, всѣмъ вообще груднымъ дѣтямъ даютъ кусочки бараньяго сала, принадлежащаго, какъ извѣстно уже читателю, къ горячей пищѣ.)

Случаи подкидышей здѣсь очень рѣдки, по крайней мѣрѣ гораздо рѣже случаевъ отдачи дѣтей подросткомъ на воспитаніе. Желая подкинуть ребенка, его несутъ на разсвѣтѣ, незадолго передъ утреннимъ *намазомъ*, въ мечеть; *азанчи*, придя сюда первымъ, для того чтобы прокричать *азанъ*, призывъ на молитву, находитъ ребенка и сейчасъ же извѣщаетъ объ этомъ весь приходъ, одинъ изъ членовъ котораго, пожеланію, беретъ подкидыша на воспитаніе. (Воспитательныхъ домовъ нѣтъ).

Подкидываніе дѣтей у бѣднаго туземнаго населенія замѣняется обыкновенно отдачею ихъ состоятельнымъ людямъ на правахъ усыновленія, при чемъ у мѣстнаго *кази* составляется документъ (*васика*), въ которомъ значится, что такой-то (или такая-то) отдалъ своего сына (или дочь) на правахъ усыновленія такому-то (или такой то) и навсегда отказывается отъ родительскихъ правъ на названнаго ребенка.

По прошествіи шести недѣль городская женщина отправляется вмѣстѣ съ ребенкомъ къ своей матери, которая по обычаю обязана сдѣлать ей угощеніе и подарить: дочери головной платокъ, а внуку или внучкѣ тюбетейку, халатъ и рубашку. Этимъ празднества, совершаемыя по случаю рожденія ребенка, заканчиваются.

Обрѣзаніе мальчиковъ производится обыкновенно въ возрастѣ между 4 и 12 годами. Обрядъ этотъ, особенно въ

богатыхъ семьяхъ, сопровождается большимъ празднествомъ продолжающимся около 3 дней.

Приготовленія, въ видѣ прикапливанія подарковъ и пр., продолжаются иногда очень по долгу, а самые *түй* осѣдлаго населенія дѣлаются осенью или зимой. Если *түй* происходитъ въ кишлакъ, то прїѣзжіе гости — мужчины въ числѣ иногда нѣсколькихъ сотъ человекъ располагаются на внѣшнихъ дворахъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ хозяина.

Каждый вновь прїѣхавшій гость направляется въ *михманъ* — *хану* хозяина передать ему свой подарокъ и поздравить съ предстоящимъ торжествомъ, а затѣмъ уже отправляется на отведенный ему дворъ, гдѣ такихъ гостей помѣщается обыкновенно по нѣскольку. Гость и его лошадь содержатся здѣсь на счетъ хозяина. Въ первый день гости лишь сѣзжаются и, собравшись компаніями по квартирамъ, забавляются разговорами, пѣснями, пляской батчѣй и пр.

Кто —нибудь изъ важныхъ гостей получаетъ названіе *түй-башы*; онъ распоряжается церемоніаломъ праздника и раздачею призовъ на скачкахъ.

Со всѣхъ сторонъ, слышавъ о предстоящемъ *түй*, знакомые и незнакомые хозяину шлютъ сюда своихъ скакуновъ въ расчетъ на призъ.

На утро гдѣ либо за кишлакомъ устраивается *улякъ*, скачка съ козломъ, котораго одинъ всадникъ вырываетъ изъ рукъ другого. Послѣ *уляка* въ разныхъ домахъ опять *батчѣй* и другія увеселенія. На третій день скачка на большое разстояніе (20 — 30 верстъ) съ призами, смотря по состоянію хозяина.

Не рѣдко въ призъ получается заморенная за зимнюю безкормицу корова, которую получившему ее не удастся даже довести до дому, такъ какъ она околѣваетъ отъ изнуренія еще въ дорогѣ, не будучи въ состояніи пройти 10 — 15 верстъ.

Послѣ скачки гости получаютъ *палау* и подарки (халаты и лошади) и разъезжаются, послѣ чего односельчанамъ или покрайней мѣрѣ домовладѣльцамъ одного прихода раздаются *палау* и по 9 лепешекъ на домъ.

Самое обрѣзаніе совершается послѣ разъѣзда гостей-мужчинъ, а одновременно съ этимъ на внутреннемъ дворѣ устраивается угощеніе для женщинъ.

Въ первые годы жизни ребенка, пока ему не надѣнутъ штановъ, что для дѣвочекъ происходитъ обыкновенно на 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ году, одежда его состоитъ изъ рубашки съ горизонтальнымъ воротомъ (*муллача*) и халатика. На голову или надѣвается тюбетейка, или повязывается платокъ, безразлично, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ; наиболѣе же употребительна тюбетейка. Низъ, какъ халата, такъ и рубашки, никогда не подрубляется; есть примѣта, что въ противномъ случаѣ послѣдующій ребенокъ не будетъ жить.

Первые четыре — пять мѣсяцевъ ребенокъ почти постоянно лежитъ въ *бишйкъ*. Затѣмъ *бишйкъ* ему мало по малу надоѣдаетъ; ребенокъ начинаетъ пищать и этого совершенно довольно для того, чтобы началось безконечное, продолжающееся иногда до трехъ, до четырехъ лѣтъ, няньченье, не рѣдко идущее прямо въ ущербъ здоровью, такъ какъ избалованный, постоянно сидящій на рукахъ, ребенокъ крайне медленно выучивается ходить.

Помимо того, что всѣ вообще сарты и сартянки очень чадолюбивы, быть причиною плача ребенка считается большимъ грѣхомъ, а потому стоитъ только ему пискнуть, какъ его сейчасъ же или начинаютъ качать въ *бишйкъ*, или же берутъ на руки и ублажаютъ всяческими способами. Няньчать его безусловно всѣ члены семьи, могущіе его поднять и свободные въ данный моментъ отъ работы. Особенно не любятъ его няньчить мальчики-подростки, за что имъ не рѣдко попадаетъ и въ видѣ ругани, и въ видѣ пинковъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ у матери работы много, а нянекъ — подростковъ нѣтъ, желая унять грудного ребенка, не дающаго днемъ работать, а ночью отдыхать отъ этой работы, сартянка прибѣгаетъ къ разнаго рода, не безвреднымъ конечно, усыпительнымъ средствамъ.

Зубы у сартовскихъ дѣтей прорѣзываются въ среднемъ около десяти-мѣсячнаго возраста; если прорѣзываніе зубовъ сопровождается какими-либо болѣзненными проявленіями, то обычными способами леченія ребенка въ этомъ случаѣ являются: отчитываніе, посыпаніе мукой, или купанье его въ теплой еще крови-только что зарѣзаннаго, чистаго (употребляемаго въ пищу) животнаго.

По достиженіи ребенкомъ годичнаго возраста, ему въ первый разъ стригутъ волосы.

Стрижетъ дѣдъ, отецъ, или кто-либо изъ старшихъ мужчинъ въ семьѣ; иногда стрижка эта производится ~~на~~ дому; иногда-же ребенка относятъ для этого на одинъ изъ ближайшихъ мазаровъ, гдѣ обрядъ этотъ сопровождается приготовленіемъ *палау*.

Стригутъ голову обыкновенно не сплошь, а оставляя два пучка волосъ на вискахъ, надъ ухомъ; когда пучки эти подрастутъ, ихъ заплетаютъ въ маленькія коски, къ концамъ которыхъ у дѣвочекъ привязываются кораллы, бусы, или амулеты. Дѣвочекъ стригутъ вышеописаннымъ способомъ лѣтъ до 7—8, послѣ чего волосы отпускаются.

Ходить туземный ребенокъ въ среднемъ пачинаетъ около годичнаго возраста, но случаи запаздыванія очень не рѣдки; приходилось видѣть здоровыхъ, сравнительно, на видъ дѣтей 2-хъ и 3-хъ лѣтнаго возраста, которые съ трудомъ могли дѣлать нѣсколько шаговъ; приписать это можно тому только, что, балуя ребенка и желая ублажить чѣмъ бы то ни было, его носятъ на рукахъ въ такомъ возрастѣ и при такихъ условіяхъ, когда это смѣло можно было-бы считать совершенно лишнимъ. Въ томъ случаѣ, если полутора, или двухъ-лѣтній, ребенокъ особенно сильно раскапризничается, и нѣтъ возможности его чѣмъ бы то ни было ублажить, мать начинаетъ стращать его разными пугалами, изъ коихъ наиболѣе дѣйствительными считаются: *буджѣ* (бука), *бурѣ* (волкъ) и *урѣс* (русскій).

Кормленіе грудью продолжается обыкновенно очень долго, лѣтъ до 2—3; раньше оно прекращается только въ томъ случаѣ, если у матери пропадаетъ молоко, или наступаетъ вторичная беременность; въ *бишйкѣ* ребенокъ спитъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не приучится проситься на дворъ, что происходитъ въ періодѣ между полутора и трехъ-лѣтнимъ возрастомъ.

Первыя слова, которыя выучивается говорить туземный ребенокъ, это названія матери, отца и материнской-же груди. Отца и мать въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы дѣти зовутъ различно: или по персидски, называя отца *дедъ*, а мать *амъ*, или *бѣвѣ* (сокращ. *бѣ*, отъ персидскаго *бибѣ*), или по тюркски: отца—*атъ*, или *акъ*, а мать—*инъ* или *анъ*, (*атъ*—отецъ; *акъ*—старшій братъ; *инъ*—мать; *анъ* старшая сестра). При употребленіи тюркскихъ названій отца и матери, въ очень

многихъ мѣстностяхъ соблюдается слѣдующее правило, оставшееся въ послѣдіе отъ прежней кочевой, общинной жизни. Отецъ и мать называются словами *атъ* и *инъ* въ томъ только случаѣ, если въ домѣ не живутъ *дѣдъ*, или *бабка*. Въ случаѣ же ихъ совмѣстнаго жительства, дѣдъ носитъ имя *атъ* (отецъ), бабушка называется *инъ* (мать), отецъ—*акъ* (старшій братъ), а мать—*анъ* (старшая сестра).

Разговаривая съ малолѣтнимъ ребенкомъ и приучая, такимъ образомъ, самого его говорить, и мать и отецъ очень часто, вмѣсто правильныхъ словъ, употребляютъ такія, по большей части не созвучныя имъ, которыя, по простотѣ звуковъ, наиболѣе легко усваиваются и произносятся ребенкомъ; такъ напр., вмѣсто *иссыкъ* (горячій), ребенокъ приучается говорить *па-пъ*; вмѣсто *имыкъ* (грудь)—*мамъ*, вмѣсто *чирайликъ* (красивый)—*айъ* и т. п. Также, какъ и у насъ, очень часто говорятъ съ дѣтьми нарочно картавя (особенно женщины), но тѣмъ не менѣе картавья дѣти встрѣчаются очень рѣдко. Гораздо чаще искусственно картавятъ дѣвочки лѣтъ 8-12, при чемъ у нихъ это является не болѣе, какъ своеобразнымъ кокетствомъ и модничаньемъ.

Красивыя, миловидныя дѣти, съ полными, румяными и здоровыми лицами, встрѣчаются на каждомъ шагу, но въ то-же самое время полныя, мускулистыя руки и ноги, пропорціальныя животы, замѣчаются обыкновенно лишь до двухъ, или трехъ-лѣтнаго возраста. Позднѣе руки и ноги становятся худы и тонки, а животы до 5-6 лѣтнаго возраста не соразмѣрно велики. На шестомъ, или седьмомъ году, у большинства дѣтей полнота, если и остается, то только въ лицѣ, что, можетъ быть, зависитъ главнымъ образомъ отъ его скулистости. Все вышеизложенное уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о недостаточности питанія средняго туземнаго ребенка, а вмѣстѣ съ убожествомъ гигиенической его обстановки, конечно, не можетъ не вліять на число смертныхъ случаевъ и заболѣваній. Зимой въ городѣ свирѣпствуетъ оспа, а масса дѣтей бѣгаетъ по уличной грязи, или по снѣгу, въ коротенькихъ, неподпоясанныхъ халатинкахъ, или босикомъ, или въ калошахъ на босу ногу и очень часто безъ штановъ; какъ не мрутъ они тысячами, уму не постижимо.

Какъ только ребенокъ ставеть на ноги, мать въ значительной мѣрѣ прекращаетъ заботы о немъ и болѣе уже никогда почти его не купаетъ. Купается онъ самъ, по своей инициативѣ, и то лишь лѣтомъ, въ какомъ нибудь мутномъ арыкѣ, гдѣ по цѣлымъ днямъ барахтается въ сообществѣ своихъ сверстниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ.

Кромѣ чрезвычайно распространенныхъ кожныхъ болѣзней, являющихся прямымъ послѣдствіемъ грязи, въ которой живетъ ребенокъ, другими, наичаще встрѣчающимися дѣтскими болѣзнями слѣдуетъ называть: разстройство желудка, оспу, корь, скарлатинъ, коклюшъ, гриппъ и водянку. О леченіи мы уже говорили.

Умершаго ребенка, также какъ и взрослыхъ, хоронять, по возможности, немедленно же, т. е. или въ день смерти, или утромъ на другой день. Первое время послѣ похоронъ, мать умершаго избѣгаетъ выходить со двора, соблюдая трауръ, а самъ умершій ребенокъ считается ангеломъ, замаливающимъ на небѣ грѣхи родителей.

Въ случаѣ смерти родителей, дѣти-сироты воспитываются своими родственниками, а завѣдываніе оставшимся имуществомъ поручается опекуну. Опекуны бываютъ трехъ родовъ: 1) естественные, какъ напр. дѣдъ, дядя и другіе родственники—мужчины, или мать, если она знакома съ наследственнымъ правомъ; 2) назначаемые въ завѣщаніи и 3) назначаемые правительствомъ въ томъ случаѣ, если нѣтъ первыхъ двухъ.

Религія указываетъ на опекунство и на воспитаніе сиротъ, какъ на способы проявленія благочестія, но въ большинствѣ случаевъ житейской практики, положеніе сиротъ, въ особенности малосостоятельныхъ, очень и очень незавидное. Дѣти, у которыхъ осталось какое нибудь наследство отъ отца, по выходѣ матери за другого мужа, часто не получаютъ отъ отчима никакого другого содержанія, кромѣ нищи и одѣваются на свои собственные средства.

Замѣтимъ здѣсь же, что въ среднихъ, по состоянію, классахъ семейное положеніе всѣхъ вообще дѣтей, и главнымъ образомъ мальчиковъ, ничѣмъ въ сущности не отличается отъ положенія работниковъ и другой прислуги. Одѣты они всегда хуже отца и лишь нѣсколько лучше работниковъ, наравнѣ съ которыми встають при входѣ хозяина дома,

держатъ лошадь подъ уздцы, когда послѣдній садится на нее, или съ нея слѣзаетъ, метутъ дворъ, ходятъ за плугомъ и пр. Оттого очень не рѣдки случаи, когда сыновья живутъ несравненно дружнѣе съ работниками, чѣмъ съ отцомъ. (Все это гораздо рѣже замѣчается въ наиболее богатыхъ семьяхъ, гдѣ положеніе дѣтей нѣсколько иное).

Достигнувъ трехъ, четырехъ лѣтняго возраста, ребенокъ, что называется, отходитъ отъ рукъ; на мѣсто его въ большинствѣ случаевъ является другой; мать, сосредоточивая всѣ заботы на новорожденномъ, предоставляетъ подростка ребенка или заботамъ старшихъ дѣтей, всегда отъ заботъ этихъ отлынивающихъ, или же самому себѣ.

Въ это же время, не только въ бѣдныхъ, но даже и въ среднихъ, по состоянію, семьяхъ, ребенокъ впервые получаетъ обувь, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ сапоговъ, или калошъ на босу ногу и то зимою только; лѣтомъ онъ долго еще ходитъ босикомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ богатыхъ и зажиточныхъ семьяхъ дѣвочку начинаютъ уже мало по малу приучать къ нарядамъ, надѣвая на нее при гостяхъ, или идя въ гости, шелковыя рубашки и халатики, кораллы и пр.

Если дѣтей въ семьѣ нѣсколько, то одинъ изъ нихъ, по большей части одинъ изъ числа младшихъ, дѣлается любимцемъ, *иркѣ*, котораго особенно балуютъ, наряжаютъ и въ большинствѣ случаевъ портятъ самымъ безразсуднымъ образомъ.

Какъ только ребенокъ начнетъ понимать рѣчь, онъ дѣлается, если не активнымъ, то, по крайней мѣрѣ, пассивнымъ участникомъ разговоровъ, ведущихся старшими. При немъ говорятъ обо всемъ и обо всѣхъ, все и вся называя обычными ихъ именами. Высылаютъ ребенка въ томъ только случаѣ, если опасаются, что онъ можетъ разболтать слышанное и тѣмъ причинить говорящимъ какой-либо вредъ. Такимъ образомъ въ 6—7 лѣтнемъ возрастѣ сартовскія дѣти вполне постигаютъ уже то, большинство чего остается сокровенной тайной для многихъ изъ 15—17 лѣтнихъ нашихъ барышень и, не смотря на все это, отнюдь не замѣчается такихъ явленій, которыя указывали бы на особенный вредъ, происходящій отъ подобнаго рода отношенія родителей къ дѣтямъ.

Единственно, что мы можем засвидѣтельствовать по этому поводу, это громадную толковость и солидность, съ которыми говорить большая часть сартовскихъ дѣтей; при этомъ слѣдуетъ прибавить, что въ общемъ дѣти бѣдныхъ и среднихъ классовъ разсудительнѣе, нежели богатыхъ, такъ же какъ городскія бойчѣе киншачныхъ, и что дѣти бѣдныхъ городскихъ классовъ, пожалуй, даже пересолили въ дѣлѣ своей опытности и разсудительности, ибо, достигнувъ 9—11 лѣтняго возраста, они прекраснo знаютъ не только гдѣ, что и какъ слѣдуетъ купить, или продать такъ, чтобы это было выгодно, но даже и гдѣ, что и какъ можно стянуть.

Одновременно съ тѣмъ, какъ ребенокъ начнетъ болѣе или менѣе свободно говорить, родители по немногу, постепенно преподають ему главнѣйшіе догматы религіи и нѣкоторыя изъ наиболѣе употребительныхъ молитвъ, а также и правила вѣжливости по столько, по сколько все это извѣстно имъ самимъ. Въ мало-мальски порядочныхъ и состоятельныхъ семьяхъ ребенокъ лѣтъ 6—7 начинаетъ уже привѣтствовать гостя *саламомъ*, говорить съ нимъ на *вы* и не дрогивается до того угощенья, которое поставлено передъ послѣднимъ и пр. Въ это же самое время въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти выучиваются отъ матерей выпрашивать, кланяться и попрошайничать. Однако же такое попрошайничество практикуется ими въ отношеніи однихъ только постороннихъ лицъ. Дома, не только въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ не всегда имѣется въ запасѣ лишній кусокъ лепешки, или чашка какой-нибудь кашицы, но даже и въ состоятельныхъ, особенно среди городского населенія, дѣти до того вымуштрованы, что лишь очень рѣдко сами просятъ ѣсть.

Взятая нами на воспитаніе дѣвочка—сартянка, въ первое время жизни у насъ, пока она не осмотрѣлась, не привыкла къ новымъ для нея порядкамъ и отношеніямъ, никогда ничего не просила, а только усиленно смотрѣла въ глаза, давая этимъ понять, что, если ей дадутъ, то она не прочь чего—нибудь поѣсть. Дома это вкоренили въ нее настолько сильно, что потомъ намъ стоило очень большого труда отучить ее отъ этой привычки. Не рѣшаясь просить, она въ то же время не разъ была замѣчена въ вороватости. Впоследствии, когда она стала, не только просить, но даже и удовлетворять своему аппетиту вполне, по личному ея усмотрѣнію, воровскія наклонности совсѣмъ исчезли.

Какъ ни понятливъ сартовскій ребенокъ, какъ ни доступно ему пониманіе разговоровъ, ведущихся при немъ старшими, все это однако же интересуется и занимаетъ его очень мало; поэтому, если только онъ достаточно сытъ и если на дворѣ не особенно холодно, онъ непрестанно помышляетъ о томъ, какъ бы ему улизнуть на улицу. Жаръ его положительно не держитъ. Весь бронзовый, зачастую не только съ открытой головой, но даже и совсѣмъ таки голый, онъ, будь то мальчикъ, или дѣвочка лѣтъ до 4—5, сидитъ по срединѣ улицы и воздвигаетъ здѣсь вмѣстѣ съ товарищами *куртанъ*, крѣпость, сооружаемую изъ толстаго слоя уличной пыли.

Лѣтъ съ 5-ти, 6-ти, ребенокъ здѣсь же, на улицѣ, начинаетъ принимать участіе въ многочисленныхъ общественныхъ дѣтскихъ играхъ, дѣйствующими лицами которыхъ являются одинаково, какъ мальчики, такъ и дѣвочки лѣтъ до 8—9.

Играють въ мячъ, въ бабки, въ камешки и въ прятки. Изъ другихъ, болѣе шумныхъ, игръ назовемъ *акъ—терекъ*. Дѣти раздѣляются на двѣ равныхъ партій. Каждая партія берется за руки и образуетъ собою шеренгу; обѣ шеренги стоятъ лицомъ другъ къ другу. Изъ одной шеренги на распѣвъ спрашиваютъ:

„Акъ терекъ ма? Кукъ—терекъ?

„Бызь—данъ сызгъ кимъ керекъ?“

(Губный или сѣрый тополь?

Кого изъ насъ вамъ нужно?“)

Отвѣчаютъ, такого-то или такую-то. Вызванный бросается на противустоящую шеренгу и старается ее прорвать; если это ему удастся, то онъ уводитъ одного изъ разорванной имъ шеренги въ свою; въ противномъ случаѣ самъ остается здѣсь, и игра продолжается.

Ранней весной, до наступленія жаровъ, большинство мальчиковъ, оставляя всѣ другія игры, занято почти исключительно пусканіемъ змѣя, которому здѣсь придаютъ самыя разнообразныя формы, начиная отъ четырехъ-угольника и кончая формою птицы, или дракона. Въ это же время дѣвочки, которыхъ до этой забавы обыкновенно не допускають, усиленно носятся съ мячами.

Всѣ вообще дѣтскія игры сопровождаются различнѣйшими приѣвами, пѣсенками и прибаутками.

На улицѣ играетъ въ мячъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ отъ 5 до 9-лѣтняго возраста. Проходитъ мимо караванъ верблюдовъ. Ребятишки бросаютъ игру, собираются въ кучу и, припрыгивая на одномъ мѣстѣ, начинаютъ на распѣвъ выкрикивать:

„Лѣкъ, лѣкъ, тюляръ!  
„Ачйкъ, ачйкъ тюляръ!“  
(Верблюды, верблюды!  
Горкіе верблюды!)

Бдутъ киргизы, и толпа ребятъ съ такими же припрыгиваніями провожаетъ ихъ пѣсней:

„Кыргызь, кыргызь, кырыльдѣ;  
„Бирь бурчакка тыкылды;  
„Улай, улай, диганда,  
„Кетменъ алыпъ югурды!“  
(Киргизы, киргизы, передохли;  
Всѣ сбились въ одинъ уголь,  
А когда пришла голодная смерть,  
Взяли заступы и разбѣжались.)

(Это насмѣшка надъ киргизами, у которыхъ теперь остались однѣ лишь горныя земли, и которые принимаются за хлѣбопашество только при самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ.)

Кучка ребятъ играетъ по срединѣ улицы и видитъ приближающагося сарта, наружность котораго кажется озорникамъ почему-либо смѣшною. Слышатся остроты и сдержанный смѣхъ. Сартъ подъѣзжаетъ. Ребятишки, давая ему дорогу, отходятъ въ сторону, а одинъ изъ наиболѣе бойкихъ съ очень важнымъ видомъ раскланивается, прижимая ладони рукъ къ животу, и говоритъ: „ас—селымъ— алыкюмъ“; сартъ не менѣе важно отвѣтствуетъ: „алыкюмъ—ас—селымъ“ и проѣзжаетъ. Ребятишки перемигиваются и въ догонку проѣхавшему летитъ: „бакъ!“ (лягушка). Сартъ медленно оборачиваетъ голову, отпуская приличествующее поздравленіе, а пакостники и пакостницы съ гикомъ и громкимъ смѣхомъ, какъ горохъ, разсыпаются по сосѣднимъ воротамъ и калиткамъ, спасаясь отъ воображаемаго преслѣдованія.

Такия-же шалости продѣлывались и продѣлываются, конечно, и съ русскими. Когда заняли Коканъ, гдѣ дѣти, какъ и вообще въ большихъ городахъ, особенно бойки и шаловливы, нашлись такіе высокоумные россияне, которые не замедлили усмотрѣть во всѣхъ этихъ дѣтскихъ шалостяхъ политическую подкладку и настоятельно изывали къ начальству о необходимости драть за подобное третированіе ихъ національной гордости, не только озорныхъ сартятъ, но, буде окажется возможность, также и ихъ родителей, внушая имъ тѣмъ самымъ уваженіе къ имени русскому.

Не менѣе пѣсенокъ и припѣвовъ дѣти любятъ рюемы—экспромты и загадки.

Ранней весной чаще другихъ, дѣтскихъ пѣсенокъ можно слышать:

„Лайлякъ кѣльдѣ, язъ булды;  
„Искй чапанъ буз-варды“.  
(„Прилѣтели аисты, лѣто настало.  
„И изорвало старый халатъ“.)

Приведемъ нѣсколько загадокъ:

1) „Тапъ-тапъ итады  
„Тагиданъ караванъ утады.  
(Само издаетъ звукъ: тапъ-тапъ.  
А внизу его проходитъ караванъ).

Сито, черезъ которое просѣиваютъ муку.

2) Съ одной стороны идетъ снѣгъ, съ другой градъ.

(Очистка хлопка отъ сѣмянъ. На одну сторону *чагрыка* падаетъ вата, а на другую сѣмяна *чигитъ*).

3) Идетъ, идетъ, назадъ не оглядывается. (Вода).

4) „Каузыйнъ устыда булакъ;  
„Булакыйнъ устыда чиракъ;  
„Чиракыйнъ устыда калымъ;  
„Калымыйнъ устыда чангаль;  
„Чангальныйнъ ичида донгузь“.

(Надъ прудомъ родникъ; надъ родникомъ свѣтило; надъ свѣтиломъ камышъ; надъ камышемъ кустарникъ, а въ кустарникѣ свинья).

Ротъ, носъ, глаза, брови, волосы и насѣкомое.

Въ длинныя зимніе вечера любимымъ развлеченіемъ дѣтей являются сказки, въ общемъ очень сходныя съ нашими. (Золотая рыбка; баба-Яга; коверъ-самолетъ). Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

✓ *Сказка первая.* Жилъ былъ сартъ. Жена у него умерла; остались отъ него мальчикъ и дѣвочка. Сартъ женился на другой женѣ. Черезъ нѣсколько времени она забеременила и стала привередничать. Однажды говоритъ мужу: „зарѣжь своего сына, я его съѣмъ“. Жаль сарту сынишку, да и женѣ то хочется угодить. Позвалъ онъ сына въ садъ, собирать хворостъ на топливо. Черезъ нѣсколько времени приходитъ назадъ одинъ, безъ сына и говоритъ женѣ: „ступай подъ навѣсъ, тамъ подъ снопомъ хвороста найдешь то, чего просила“. Пошла жена подъ навѣсъ, сварила тамъ пасынка и съѣла, а кости выбросила на дворъ. Увидѣла на другой день эти кости падчерица, узнала въ нихъ кости своего брата и залилась слезами. Поплакала, поплакала, собрала все косточки до одной, сложила въ мѣшечекъ и повѣсила на *тѹтъ*. Кости обратились въ горлицу. Проходитъ мимо разносчикъ. „Спой, говоритъ, мнѣ горлица пѣсню“. — „Дай мнѣ иголку, спою“. Далъ разносчикъ горлицѣ иголку, спѣла. Разносчику понравилось. „Спой, говоритъ, еще“. — „Дай еще одну иголку, спою. Далъ разносчикъ еще одну иголку, горлица еще спѣла. Пошелъ отецъ въ мечеть, видитъ—на *тѹтъ* сидитъ горлица и не поетъ. „Спой, говоритъ, мнѣ, горлица, пѣсню“. — „Закрой глаза и открой ротъ, тогда я спою“. Только что отецъ успѣлъ закрыть глаза и открыть ротъ, горлица бросила въ него иголку. Иголка попала въ ротъ и прошла во внутренности. Отецъ тотчасъ же умеръ. Вышла мачиха на дворъ, хлѣбъ печь, и видитъ издали на *тѹтъ* горлицу. „Спой, говоритъ, мнѣ, горлица, пѣсню“. — „Закрой глаза и открой ротъ, спою“. Только она успѣла закрыть глаза и открыть ротъ, горлица бросила въ нее иголку; и мачиха тутъ же умерла. Тогда горлица спустилась на землю, перекувыркнулась и стала хорошевымъ мальчикомъ.

*Сказка вторая.* Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ былъ Султанъ и у него было сорокъ визирей. Одинъ изъ нихъ былъ любимцемъ султана; остальные визири завидовали ему и захотѣли его извести. Пришли они однажды къ Султану и говорятъ: „*таксіръ*, вамъ нужно бы украсить свой дворецъ

такой штукой: сдѣлать изъ скорлупы грѣцкаго орѣха два прудика. въ которыхъ вода сама переливалась бы изъ одного въ другой. Повелите это вашему любимцу, онъ сдѣлаетъ“. Призываетъ Султанъ своего любимаго визиря и велитъ ему сдѣлать сказанное въ теченіи сорока дней. Загоревалъ визирь и пошелъ въ степь, думать какъ ему быть, какъ избѣгнуть Султанскаго гнѣва. Тамъ къ нему явился св. Хызыръ, далъ двѣ скорлупки отъ грѣцкаго орѣха и велѣлъ идти и врыть ихъ въ землю во дворѣ султанской *урды*. Визирь пошелъ, врылъ скорлупки въ землю на Султанскомъ дворѣ: откуда ни взялась вода и стала переливаться изъ одной скорлупки въ другую. Видятъ завистники, что дѣло ихъ не выгорѣло и идутъ опять къ Султану. „Вамъ бы, говорятъ, *таксіръ*, слѣдовало построить такой домъ, который не касался бы ни земли, ни неба. Прикажите вашему любимцу, онъ это сдѣлаетъ“. Призываетъ Султанъ своего любимца и говоритъ ему: „построй мнѣ черезъ сорокъ дней домъ, который не касался бы ни земли, ни неба. Ты долженъ найти только каменщиковъ, а матеріалъ и другихъ рабочихъ я тебѣ найду.“ Закручинился визирь и пошелъ съ горя странствовать. Дорѣгой къ нему присталъ какой-то старикъ. Пошли вмѣстѣ. Пришли въ тотъ городъ, гдѣ жилъ спутникъ визиря. Старикъ зазвалъ его къ себѣ. У старика оказалась красавица дочь; влюбилась она въ визиря и вышла за него замужъ. Въ первый день свадьбы сидитъ визирь грустный и вздыхаетъ. Молодая жена спрашиваетъ его, что съ нимъ. Говоритъ ей визирь, что велѣлъ ему Султанъ выстроить такой то домъ. „Ступайте, говоритъ жена, въ поле и поймите молодаго жаворонка“. Пошелъ визирь въ поле, поймалъ молодаго жаворонка и принесъ къ женѣ. Та въ нѣсколько дней выучила его кричать: „Лѣй! Гѣштъ!“ (Этимъ словами туземные каменщики понукаютъ рабочихъ, подающихъ имъ цементъ—*лѣй* и кирпичъ—*гѣштъ*).

Отправились къ Султану. Визирь говоритъ: „у меня рабочіе готовы, велите начинать работу“. Приготовили кирпичи и цементъ; собрались поденщики. Визирь незамѣтно подбросилъ на верхъ жаворонка; тотъ взвился высоко и кричитъ оттуда: „Лѣй! Гѣштъ!“ Рабочіе бросаютъ вверхъ кирпичи, но они падаютъ внизъ, очевидно, не достигая до невидимыхъ никому каменщиковъ. Тогда только Султанъ по-



няли, что работа эта не возможна, а впоследствии уразумѣлъ даже и то, что все это были козни завистливыхъ ви-зирей.

*Сказка третья.* На берегу большой, глубокой, прозрачной рѣки былъ обширный *тугай* (заросль кустарниковъ, камыша и пр). Въ тугаѣ жили и кабаны, и дикія козы, и зайцы, и лисы, и всякіе звѣри. Жили мирно и дружно, такъ какъ всѣмъ было и сытно, и просторно. Житье было бы чудесное, если бы однажды въ томъ же тугаѣ не поселился тигръ. Началъ онъ хватать и ѣсть и козъ, и кабановъ, и зайцевъ, и лисъ. Собрались звѣри на совѣтъ. Судили, рядили, но ни до чего не додумались. Тогда лиса дала такой совѣтъ: „Чѣмъ всѣмъ намъ жить въ постоянномъ страхѣ, распорядимся, говорить, лучше такъ: будемъ добровольно ходить къ тигру на закуску по очередно; я сама пойду къ нему вести объ этомъ переговоры, а вы за это избавите все мое потомство отъ очереди“. Звѣри согласились. Пошла лиса къ тигру и говоритъ: „*Таксыръ*, чѣмъ вамъ бѣгать за нами по тугаю и беспокоиться, лежите вы лучше смирно, а я каждый день сама буду приводить къ вамъ разныхъ звѣрей на закуску“. Согласился и тигръ. Лиса стала водить къ нему разныхъ своихъ пріятелей, но скоро тигръ не удовольствовался этимъ: кромѣ добровольно приходившихъ къ нему на закуску звѣрей, сталъ ловить и другихъ и ѣсть ихъ по прежнему. Звѣри опять перенюхались и опять собрались на совѣтъ. Тутъ выступилъ тушканчикъ и сказалъ такъ: „на нѣсколько дней всѣ попрятесь въ норы и логовища и никуда не выходите; наче всего не ходите къ тигру на закуску, а тамъ ужъ я самъ все устрою“. Звѣри попрятались. Тигръ ждетъ день, ждетъ два, никто не является. Проголодался тигръ и разсвирѣпѣлъ. Тогда является къ нему тушканчикъ и говоритъ: „*Таксыръ!* въ нашемъ тугаѣ появился тигръ, совершенно похожій на васъ и—еще болѣе васъ—лютой. Многихъ онъ передушилъ, а остальные разбѣжались въ разныя стороны, отчего царство ваше опустѣло. Вы конечно сильнѣе вашего противника и должны его извести, дабы возстановить порядокъ. Убейте его, тогда всѣ звѣри вернутся въ тугай и снова начнутъ являться къ вамъ на закуску.“

Тигръ согласился. Тогда тушканчикъ повелъ его, обѣщая показать, гдѣ скрывается врагъ. Привелъ онъ тигра къ обрывистому берегу рѣки и говоритъ: „посмотрите внизъ, онъ навѣрно тамъ“.

Тигръ глянулъ внизъ и увидѣлъ въ водѣ свое изображеніе; вообразивъ, что это и есть его противникъ, тигръ бросился внизъ и утонулъ. Съ той поры въ тугаѣ опять водворились миръ и спокойствіе.

Сказки рассказываютъ обыкновенно зимой, по вечерамъ, когда старшіе, по большей части, ничѣмъ не заняты. Настаетъ весна, тепло. Вездѣ принимаются за работы. Ребятишки привыкли за зиму къ сказкамъ и пристають къ матери или отцу: расскажи, да расскажи. Тѣмъ некогда и они гонятъ отъ себя ребятъ; ребята въ ревъ. Тогда послѣднихъ запугиваютъ, увѣряя, что у каждаго, кто рассказываетъ, или слушаетъ сказки не зимой, а весной, или лѣтомъ, въ непоказанномъ мѣстѣ выростутъ зубы. Какъ ни пріятно слушать сказки, однако страхъ зубовъ, выросшихъ въ непоказанномъ мѣстѣ, беретъ свое и ребятишки устремляются на улицу, гдѣ и пребываютъ, почти исключительно, вплоть до пастушенія новой зимы.

Лѣтъ съ 8—9 дѣвочка играетъ, по преимуществу, съ дѣвочками же, а не съ мальчиками. Съ этого времени, и обыкновенно впродолженіе до выхода за мужъ, главнѣйшей ея забавой становятся куклы (*кугурчакъ*), по большей части очень уродливыя, ея же собственнаго приготовленія. Кукламъ шьются рубахи, халаты, одѣяла и подушки. Онѣ выходятъ за мужъ, родятъ и умираютъ. Обыкновенно въ куклы играютъ по нѣскольку дѣвочекъ вмѣстѣ. На куклиныхъ сватбахъ поютъ пѣсни и пляшутъ, а на похоронахъ воютъ. Иногда, наскучивъ куклами, дѣвочки играютъ или въ *михманъ-михманъ* (гости), при чемъ однѣ изображаютъ гостей, а другія хозяекъ, или въ сватбу же, гдѣ роль невесты достается одной изъ дѣвочекъ, а къ изображенію жениха привлекается одинъ изъ младшихъ братьевъ. Драки между дѣвочками этого возраста становятся значительно рѣже, но за то ругаются онѣ самымъ безпощаднымъ образомъ. Такъ какъ ругань вообще очень распространена между сартами, особенно въ

низшихъ классахъ общества, то на ругань дѣтей почти никакого вниманія не обращается и никто ихъ отъ этого занятія не удерживаетъ, по какой причинѣ въ очень еще раннемъ возрастѣ дѣти доходятъ въ этомъ отношеніи до значительной степени совершенства. Ругаются съ большимъ чувствомъ, очень вниательно и обладаютъ въ большинствѣ случаевъ громаднымъ запасомъ самыхъ стереотиповъ. Единственно, что отъ нихъ, дѣтей, требуется и обществомъ, и родителями, — это непремѣнное употребленіе только тѣхъ, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ фразъ ругательнаго содержанія, которыя приняты обычаемъ для даннаго пола.

Намъ лично приходилось видѣть случаи, когда мать била дѣвочку не за то, что она ругается, а за то, что, ругаясь, извергаетъ слова, употребленіе коихъ принято только у мужчинъ, за то, что дѣлаетъ *посуды*, на осуществленіе которыхъ не имѣетъ никакой физической возможности.

Около того же возраста, т. е. лѣтъ около 8—9, дѣвочка начинаетъ учиться шитью, очисткѣ хлопка и пряжѣ. Учитъ её, по большей части, сама мать, рѣже которая-нибудь изъ родственницъ. Если имѣется желаніе и возможность, то съ этого же возраста начинается и обученіе грамотѣ. Въ результатѣ послѣдняго въ большинствѣ случаевъ получается: умѣнье читать коранъ, или часть его, не понимая, разумѣется, смысла читаемаго; умѣнье съ трудомъ разбирать книги, написанныя на тюркскомъ языкѣ, и рѣже—умѣнье написать простенькое письмо со множествомъ ошибокъ. Хорошо знающія грамоту женщины очень рѣдки. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Омаръ-хана (1816—1821) въ Коканѣ существовало двѣ поэтессы, писавшихъ: одна подъ псевдонимомъ *Зиннэтъ*, а другая—подъ псевдонимомъ *Махзунъ*. Увѣряютъ, что одна изъ нихъ являлась ко двору хана въ мужскомъ платьѣ, съ открытымъ лицомъ и имѣла (генеральскій) титулъ—*датхъ*. Произведенія обѣихъ вошли въ *Маджмӯ-и-Шуаръ*, сборникъ стиховъ, написанныхъ, какъ самимъ Омаръ-ханомъ, такъ равно и его придворными поэтами.

Обученіемъ дѣвочекъ грамотѣ занимаются женщины—учительницы, *атунъ*, при чемъ самое обученіе производится обыкновенно на дому у такихъ учительницъ и по тому же почти методу, о которомъ мы упоминали уже выше, говоря о нижней школѣ (*мактабъ*) для мальчиковъ.

Годамъ къ 9—10 волосы у дѣвочки отрастаютъ; ихъ начинаютъ заплетать въ нѣсколько мелкихъ косокъ, изъ которыхъ по одной, или по двѣ, заплетаютъ на вискахъ, надъ ушами.

Тюбетейки она уже больше не носитъ, а повязываетъ голову, также какъ и взрослая женщины, платкомъ.

Въ это же время въ богатыхъ семьяхъ дѣвочка снабжается болѣе или менѣе полнымъ комплектомъ такихъ украшеній, какъ ожерелья, кольца, серьги и браслеты; она замѣтно и все больше и больше начинаетъ заботиться о своей наружности и самымъ тщательнымъ образомъ изучаетъ науку туземнаго кокетства. Не рѣдко случается, что говоря до сихъ поръ совершенно правильно, она вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ картавить и шепелявить, что, какъ мы уже сказали выше, въ данномъ возрастѣ туземными дѣвочками считается однимъ изъ орудій кокетства. вмѣстѣ съ тѣмъ она начинаетъ усиленно подкрашивать брови и рѣсницы, а передъ праздникомъ красить себѣ ногти и ладони шафраномъ.

Въ томъ случаѣ, если родители имѣютъ желаніе выдать её за мужъ въ возможно непродолжительномъ времени, дѣвочкѣ начинаютъ по немногу прибавлять года; вмѣсто 10—11 ей оказывается уже 12 лѣтъ.

Если дѣвочка старшая изъ дѣтей, то младшіе братья и сестры зовутъ её *анъ*, или *беве*, до известной степени бояся её и слушаются не рѣдко болѣе даже, чѣмъ матери.

Но бѣда ея, если у нея есть старшій братъ; тогда она въ семьѣ почти ничто; она лишь нянька и помощница матери; она не имѣетъ никакого голоса даже въ самыхъ мелкихъ семейныхъ дѣлахъ; младшія дѣти замѣчаютъ это, конечно, безъ большаго труда и ей очень рѣдко удается не только держать ихъ въ повиновеніи, но даже и имѣть хотя бы какое-нибудь на нихъ вліяніе. Все это переходитъ въ руки старшаго брата.

Въ городахъ, по достиженіи 12—13 лѣтняго возраста (въ кишлакахъ иногда нѣсколько позже), дѣвочка надѣваетъ *паранджъ* и *чимбѣтъ*. Про нее говорятъ: „*балагаткә йттә*“ (пришла въ возрастъ), или „*кузид курунунъ калды*“ (начинаетъ правиться; производитъ впечатлѣніе). Дѣвочка обращается въ дѣвушку, въ невѣсту.

## ДѢВУШКА. СВАТОВСТВО И БРАКЪ.

Первый дѣвическій *паранджй*, шьется по большей части не изъ той сѣрой матеріи, какъ у женщинъ, а изъ бѣлаго тика съ узкими красными полосками. Остальной за тѣмъ костюмъ и прическа остаются тѣ же, что и у дѣвочки. Въ городахъ, впрочемъ, даже и въ бѣдныхъ семьяхъ, при первой же возможности дѣвушка снабжается ичигами; босикомъ она уже болѣе не ходитъ, а калоши на босу ногу надѣваетъ лѣтомъ только и то, главнымъ образомъ, дома.

Игры съ подругами и сверстницами на улицѣ прекращаются. Дѣвушка начинаетъ принимать все большее и большее участіе въ такихъ работахъ, какъ приготовленіе пици, очистка хлопка и пражы нитокъ.

Дома она можетъ рѣзвиться и рѣзвится, сколько ей угодно, но, выходя на улицу, должна держать себя и дѣйствительно держать, въ большинствѣ случаевъ, очень сдержанно и прилично.

Изъ дому она рѣдко уходитъ одна, особенно если ей предстоитъ идти далеко. Очень часто еѣ сопровождаетъ кто либо изъ младшихъ сестеръ, или братьевъ. Не считается однако-же зазорнымъ, если нѣсколько подругъ, собравшись вмѣстѣ, отправляются куда бы то ни было и безъ провожатыхъ. Такими компаніями дѣвушки однолѣтки ходятъ обыкновенно на *сайли*, на представленія акробатовъ и пляску *батчѣй* во время праздниковъ и проч.

Главнѣйшими забавами и развлеченіями этого возраста слѣдуетъ назвать: куклы, съ которыми очень часто не расстаются и въ первое время замужества (14—15 лѣтъ), и сборища. Сборища эти можно подраздѣлить такъ, какъ и женскія, на два разряда: праздничныя и рабочія. Ко вторымъ относятся сборища дѣвушекъ (и женщинъ) у знакомыхъ на посидѣлки, иногда со своей работой, и помочъ, на которую приглашаютъ знакомыхъ для очистки хлопка, или перебиванья ваты, шитья одѣялъ, или сбора коробочекъ хлопчатника. Большинство этихъ сборищъ сопровождается пляской, битьемъ въ бубенъ и пѣснями. Пляшутъ почти такъ-же, какъ и *батчѣй*. Поютъ въ большинствѣ случаевъ плохо, не смотря на то, что есть напѣвы очень музыкальные. Пѣть стараются возможно громче и возможно высокими нотами; въ

результатѣ получается визгъ или выкрикиваніе, при чемъ вдобавокъ многія (также какъ и мужчины) поютъ нѣсколько въ носъ, полагая въ этомъ особенную чувствительность.

Одновременно съ тѣмъ, какъ 12—13-лѣтняя дѣвочка надѣваетъ *паранджй* и *чимбѣтъ*, отношенія къ ней взрослыхъ быстро мѣняются. Женщины начинаютъ говорить съ ней почти какъ съ равной, часто упоминая при пей о возможности скорого замужества. Если она и играетъ въ куклы, то только съ тѣми подругами, которыя моложе ея годами. Съ подругами однолѣтками она забавляется уже не куклами, а пѣснями, пляской и разговорами. Очень нерѣдко темою послѣднихъ являются сны, иногда быть можетъ даже и вымышленныя, но всегда почти касающіеся такъ или иначе того, что ожидаетъ еѣ впереди, въ замужствѣ. Далеко не рѣдки случаи, когда въ этомъ же возрастѣ, въ 12—13 лѣтъ, дѣвочкой овладѣваетъ столь пламенное желаніе сочетаться бракомъ, что все ея помышленія останавливаются исключительно почти на этомъ вопросѣ. Одна изъ нашихъ приятельницъ сартянокъ чистосердечно признавалась намъ въ томъ, что когда еѣ выдавали замужъ (въ 12—13 году), она была столь рада этому обстоятельству, что въ день свадьбы скакала, прыгала, носилась по дому какъ угорѣлая и притихла лишь послѣ трѣпки, полученной ею за то, что она на радостяхъ совсѣмъ забыла объ обычномъ у сартовъ вытѣхъ невѣсты.

Въ дѣтствѣ дѣвочка сдружается съ подругами и сверстницами путемъ игръ. Дѣвушки сближаются главнымъ образомъ при посредствѣ обмѣна ихъ мыслей: также какъ и женщины сходятся онѣ чрезвычайно быстро, но тѣмъ не менѣе никогда почти не приходилось наблюдать особенно долгой и тѣсной дружбы. На сколько быстро эта дружба возникаетъ, на столько же, если еще не быстрой, она и разрушается иногда по самымъ ничтожнымъ, мелочнымъ поводамъ.

Къ 13—14 годамъ характеръ дѣвушки въ большинствѣ случаевъ вполне почти слагается; главнѣйшія черты его совершенно идентичны съ чертами характера молодой женщины. Только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ характеръ этотъ нѣсколько измѣняется подъ вліяніемъ впечатлѣнія перваго періода брачной жизни. На большинство же, прекрасно знакомое съ тѣмъ, что ждетъ ихъ за этихъ рубикомъ,

бракъ самъ по себѣ совсѣмъ почти не вліяетъ въ отноше-  
ніи измѣненій характера. Гораздо болѣе важнымъ момен-  
томъ въ послѣдствіи является рожденіе перваго ребенка. Не  
разъ приходилось видѣть примѣры того, какъ до 19—20 лѣтъ  
молодая женщина-сартянка и по привычкамъ и по характеру  
оставалась совершенно такой же, какой она была въ то время  
когда выходила замужъ на 13—14 году. Непосѣдливая, вѣчно  
праздная, вспыльчивая, а иногда просто таки злая, родивъ  
перваго ребенка, она дѣлалась совершенно неузнаваемой;  
она становилась въ высшей степени спокойной и ровной,  
начинала мало по малу приниматься за работу и отнюдь не  
проявляла болѣе той злобой вспыльчивости, которая еще  
такъ недавно была одной изъ основныхъ чертъ ея характера.  
Замѣтимъ однакоже, что этотъ послѣдній ходъ развитія  
нравственнаго міра туземной женщины, конечно не можетъ  
считаться общимъ. Скорѣе его слѣдуетъ назвать одною изъ  
наиболѣе удачныхъ случайностей, такъ какъ основныя черты  
характера, замѣчаемыя нами у дѣвушки, по большей части  
остаются ея достояніемъ до могилы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ складывается характеръ  
дѣвушки, замѣчаются и нѣкоторыя измѣненія въ ея паруж-  
ности. Къ 14—15 годамъ, а иногда и раньше, лицо сильно  
грубѣетъ. Всего вѣроятнѣе, что для большинства явленіе это  
бываетъ совокупнымъ результатомъ какъ вліяній климата и  
дѣйствія солнечныхъ лучей, такъ равно и крайней неудов-  
летворительности питанія и той степени чистоты, въ усло-  
віяхъ которой вырастаетъ и живетъ большинство туземцевъ.  
Очень рѣдки случаи, когда, чрезвычайно хорошенькая и  
пизанная въ дѣтствѣ, дѣвушка-сартянка успѣваетъ огрубѣть  
и сильно подурнѣть еще до замужства.

Начало менструацій въ среднемъ относится къ 15-му  
году. Въ частности, по замѣчанію сартовскихъ женщинъ,  
возрастъ этотъ различенъ въ зависимости отъ матеріальнаго  
благосостоянія той семьи, въ которой дѣвушка вырастаетъ.  
Такъ напр., по увѣренію сартянокъ, у дочерей мясниковъ  
менструаціи наступаютъ около 12 лѣтъ<sup>(1)</sup>, а у дочерей *арба-*

(1) Объ этомъ же упоминается, между прочимъ, и въ тѣхъ  
книгахъ *шаріата*, которыя написаны въ средней Азіи, какъ напр.  
*Хидай-и-Шерифъ*.

*кдшей*, постоянно занимающихся извозомъ въ отдаленныя  
мѣстности, лѣтъ около 18 или 19-ти. Такое запаздываніе мен-  
струацій у послѣднихъ объясняется тѣмъ, что отецъ, нахо-  
дящийся въ частыхъ и продолжительныхъ отлучкахъ, не рѣд-  
ко оставляетъ семью безъ всякихъ средствъ; при такихъ  
условіяхъ семьѣ этой приходится зачастую, и иногда по долгу,  
довольствоваться самымъ скуднымъ питаніемъ. (Средній воз-  
растъ первыхъ родовъ находится между 16 и 20 годомъ, а  
начало фактическаго сожитія съ мужемъ наступаетъ обыкно-  
венно вслѣдъ за заключеніемъ брака, т. е. въ среднемъ  
между 13 и 15 годомъ, при чемъ у большинства менструа-  
ціи начинаются уже по выходѣ въ замужство).

Случаи старыхъ дѣвъ сравнительно очень рѣдки и встрѣ-  
чаются по преимуществу между дочерями *ходждѣй*, которые  
(какъ уже замѣчено выше), женись сами безразлично на дѣ-  
вушкахъ и женщинахъ *караи*, дочерей своихъ отдаютъ  
только за *ходждѣй* же.

Такое отсутствіе здѣсь старыхъ дѣвъ обуславливается  
многими причинами. Во первыхъ, въ отношеніи условныхъ  
понятій о красотѣ сарты крайне мало требовательны и раз-  
борчивы; во вторыхъ, при условіи незначительныхъ размѣ-  
ровъ *калина*, сартъ всегда считаетъ женитьбу выгодною для  
себя, такъ какъ въ лицѣ жены онъ пріобрѣтаетъ по меньшей  
мѣрѣ сотрудницу; въ третьихъ, благодаря сравнительной сво-  
бодѣ разводовъ, брачующіяся стороны очень мало чѣмъ рис-  
куютъ; въ четвертыхъ, религія смотритъ на бракъ, какъ на  
явленіе желательное для каждаго человѣка, при чемъ осо-  
бенно полезнымъ признаетъ его для женщины, которая прі-  
обрѣтаетъ въ мужѣ покровителя и защитника ея правъ; въ  
пятыхъ, завѣтною мечтой, завѣтнымъ жизненнымъ идеаломъ  
каждаго солиднаго и истаго сарта является оставленіе послѣ  
себя потомства и возможность видѣть подъ старость даль-  
нѣйшіе его отпрыски, отчего каждый туземецъ старается  
жениться въ молодыхъ годахъ. Такимъ образомъ для каждой  
дѣвушки, не представляющей собою совершеннаго уroda,  
выходъ замужъ можетъ считаться и считается вполнѣ почти  
гарантированнымъ тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случа-  
евъ она не принимаетъ никакого участія въ выборѣ жениха,  
ибо согласіе на сдѣланное черезъ свахъ или сватовъ пред-  
ложеніе дается родителями невѣсты, а не самой послѣдней.

Случается, впрочем, что дѣвушка заснживается иногда до 20—23 лѣтъ. Причинами этого являются обыкновенно слѣдующія, болѣе или менѣе исключительныя обстоятельства: или проданную дѣвушку ходят упорные слухи о томъ, что она особенно плохая работница; или женихъ по несостоятельности растягиваетъ уплату *калына* на нѣсколько лѣтъ, а потому на такой же срокъ откладывается и сама свадьба; или, наконецъ, богатые и чванные родители долго отказываютъ женихамъ, надѣясь, что для ихъ дочери впоследствии выищется болѣе подходящій. (Года три тому назадъ, въ Наманганѣ, въ одной богатой сартовской семьѣ родители, дожидаясь такого подходящаго жениха, довели дѣло до того, что ихъ 23 лѣтняя дочь сбѣжала съ татаринкомъ).

Въ среднемъ туземныя дѣвушки, какъ уже было сказано выше, выходятъ замужъ въ возрастѣ между 13 и 15 годовъ. Бываютъ однакоже примѣры выхода и въ значительно болѣе раннемъ возрастѣ, лѣтъ 10—11; обыкновенно такая несовершеннолѣтняя жена хотя и живетъ у мужа, но не вступаетъ съ нимъ въ фактическое сожитіе; въ тѣхъ случаяхъ, когда сожитіе начинается съ такими несовершеннолѣтними женами вслѣдъ за бракосочетаніемъ, это очень часто влечетъ за собою довольно серьезныя патологическія послѣдствія и сопровождается предварительнымъ искусственнымъ опьяненіемъ дѣвочки при посредствѣ вина или опиума.

У туземцевъ, также какъ и у большинства другихъ народовъ, невѣстѣ дѣвушкѣ, дѣвственницѣ, отдается полное предпочтеніе передъ *джунг*, женщиной, недѣвственницей, будь то вдова или разведенная. Помимо мотивовъ общечеловѣческихъ причинами сказаннаго здѣсь являются еще: во первыхъ, религіозное повѣрье, гласящее, что на томъ свѣтѣ женщина будетъ женою перваго своего законнаго мужа, т. е. того, съ которымъ она сочеталась, будучи дѣвушкой, а во вторыхъ, отношенія къ этому вопросу, и самой религіи, наиболѣе одобряющей бракъ съ дѣвушками же (см. Коранъ. Глава 5 ст. 7; Глава 4 ст. 29 и Глава 2 ст. 235). Но разъ сартъ рѣшаетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ жениться не на дѣвушкѣ, а на *джунг*, то тогда онъ не дѣлаетъ уже никакого различія между вдовой и разведенной, лишь бы остальные условія этого брака въ видѣ возраста невѣсты, размѣра расходовъ по свадьбѣ и пр. были подходящими. Большинство не придаетъ также никакого значе-

нія и тому, за сколькоими мужьями успѣла побывать разведенная женщина-невѣста и каково было ее прежнее поведение.

Въ житейской практикѣ, особенно среди бѣдныхъ классовъ, мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ примѣрами того, какъ женщины, завѣдомо занимавшіяся не только тайной, но даже и открытой проституціей и дающія обѣщаніе прекратить этотъ образъ жизни, безъ большого труда находятъ себѣ мужей, совершенно игнорирующихъ прошлое, такъ какъ заключеніе брака уже само по себѣ считается вполне достаточнымъ искупленіемъ этого прошлаго.

Есть, впрочемъ и другія причины, по которымъ при плохихъ обстоятельствахъ мужчина отдаетъ предпочтеніе браку съ женщиной передъ бракомъ съ дѣвушкой. Дѣло въ томъ, что *калынь* платится обыкновенно только за дѣвушку. Женясь на вдовѣ или разведенной, сартъ беретъ на себя лишь расходы по свадьбѣ (угощеніе), которые въ бѣдныхъ и среднихъ классахъ никогда не превышаютъ 30 много 40 руб., а иногда нисходятъ даже до 4 р. сер.

За невѣсту — *джунг*, не дѣвственницу, *калынь* платится въ тѣхъ только случаяхъ, если:

1) она не разведена еще съ мужемъ, при чемъ желаемый разводъ вызываетъ необходимость установленной закономъ (для нѣкоторыхъ случаевъ) уплаты первому (ей) мужу того *калына*, который былъ данъ имъ при заключеніи брака;

2) если разведенная уже женщина состоитъ въ долгу у родственниковъ, возвратившихъ за нею первому ея мужу *калынь* во время совершения развода.

При подобныхъ условіяхъ развода и слѣдующаго за нимъ новаго брака должная сумма денегъ уплачивается женихомъ или первому мужу невѣсты, или ея родственникамъ. Однако же, какъ мы увидимъ это ниже, подобнаго рода обязательства далеко не всегда ложатся на женщину, разводящуюся съ мужемъ, а потому, во первыхъ, разведенныя и вдовы дѣлаются вполне свободными, такъ какъ послѣ заключенія перваго брака родительская власть надъ ними рушится и онѣ сами уже располагаютъ дальнѣйшею своею судьбой, а во вторыхъ, для мужчинъ вступленіе въ бракъ съ большинствомъ изъ нихъ значительно облегчается, ибо съ устраненіемъ необходимости уплаты *калына* значительно же уменьшаются и размѣры расходовъ по свадьбѣ.

Выдавая замужъ дочь (или жена сына), родители всегда отдають предпочтеніе бракамъ близкимъ какъ по разстоянію, такъ и по родству, передъ браками отдаленными; при этомъ, вступая въ бракъ съ родственниками, наблюдаютъ за тѣмъ лишь, чтобы не перейти въ этомъ отношеніи границъ, указанныхъ и установленныхъ религіею. (Коранъ. Глава 4).

Браки близкіе по разстоянію предпочитаются невѣстой и ея родителями потому, что иначе, уйдя далеко отъ нихъ и др. родственниковъ, молодая женщина очутится на чужбинѣ, первое время замужства будетъ долго скучать, а впоследствии, если бы это понадобилось, не будетъ имѣть при себѣ надежныхъ защитниковъ ея личныхъ интересовъ и правъ. Браки близкіе по родству предпочитаются и родителями жениха, ибо въ этомъ случаѣ обыкновенно рассчитывается и возлагается много надеждъ на возможность устроить дѣло по родственному, съ уплатой возможно меньшаго *каліна*.

Въ городахъ очень рѣдки случаи, когда женихъ совсѣмъ не знаетъ и никогда не видѣлъ своей невѣсты; онъ видитъ ея въ первый разъ послѣ свадьбы, когда молодую привезутъ въ его домъ. Такой порядокъ сватовства и женитьбы считается нормальнымъ, должнымъ, а потому сартъ далеко не всегда признается въ томъ, что ему удалось видѣть свою невѣсту до брака или до сватовства. Приличіе требуетъ скрывать отъ постороннихъ то, что невѣста была высмотрѣна, а иногда даже и болѣе чѣмъ высмотрѣна, еще за долго до свадьбы. Въ большинствѣ же тѣхъ случаевъ, когда сартъ женится на дѣвушкѣ одного съ нимъ кишлака или одного городского квартала, онъ обыкновенно очень хорошо знаетъ на комъ женится, и какова его будущая жена. Во-первыхъ, онъ нѣсколько разъ видѣлъ свою невѣсту дѣвочкой, когда она бѣгала по улицамъ съ открытымъ еще лицомъ; во вторыхъ, если бы даже этого и не было, то родственницы всегда устроятъ дѣло такъ, чтобы онъ могъ вполне разглядѣть дѣвушку до сватовства или до свадьбы, хотя бы на томъ же *сумалѣкѣ*, обычай котораго описанъ выше; въ третьихъ, наконецъ, если сватовство происходитъ въ кишлакѣ, женихъ можетъ разсмотрѣть невѣсту во время уборки хлопчатника и пр. Что же касается до дѣвушки, то ей разсмотрѣть своего жениха еще легче, такъ какъ мужчины не прячутся и лицъ не закрываютъ.

Такимъ образомъ большинство брачующихся, живущихъ въ одномъ и томъ же селеніи или кварталѣ города, всегда имѣютъ возможность разсмотрѣть другъ друга. (Мы не говоримъ, конечно, о близкихъ сосѣдяхъ, для которыхъ все сказанное облегчается еще болѣе). Тѣмъ не менѣе браки по любви или, по крайней мѣрѣ, такіе браки, которые заключались бы вслѣдствіе хотя бы нѣкотораго взаимнаго влеченія, далеко не часты. Обусловливается это, конечно, прежде всего тѣмъ, что согласіе на бракъ дается у большинства не дѣвушкой, и ея родителями, при чемъ въ виду имѣются главнымъ образомъ вопросы чисто матеріальнаго характера, а во вторыхъ, слишкомъ мало такихъ условій при которыхъ возможно было бы вполне свободное нравственное сближеніе между мужчиной и дѣвушкой. Оттого такіе браки по любви встрѣчаются по преимуществу не для дѣвушекъ, а для молодыхъ вдовъ и разведенныхъ, которыя, по своему общественному положенію болѣе или менѣе самостоятельныхъ женщинъ, имѣютъ въ сравненіи съ дѣвушками гораздо больше возможности столкновеній съ мужчинами при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Такъ напр. мы знали одного молодого, холостаго еще *арбакѣша*, которому пришлось однажды везти изъ одного города въ другой, въ тотъ, въ которомъ онъ самъ жилъ, незнакомую ему женщину. Въ дорогѣ они пробыли около трехъ дней. Разговорились. Оказалось, что пассажирка была молодая вдова, ничего не имѣющая противъ вторичнаго замужства. Дорогою, въ безлюдныхъ мѣстахъ, она по обыкновенію поднимала *чимбѣтъ* и открывала такимъ образомъ свое лицо. *Арбакѣшъ* разсмотрѣлъ ея и рѣшилъ на ней жениться. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ отецъ молодого человѣка согласился на бракъ сына со вдовой и бракъ этотъ состоялся.

Какъ ни рѣдки сравнительно браки по любви для дѣвушекъ, однако же случаются и они. Мы знали одну богатую купеческую семью, въ которой дочь, лѣтъ 14—15 сошлась съ молодымъ сосѣдомъ. Однажды ихъ накрыли; дѣло не обошлось, конечно, безъ трѣпки и нѣкотораго скандалчика. Тѣмъ не менѣе мѣсяца черезъ два послѣ этого происшествія оказалось несомнѣннымъ, что дочь находится уже во второй половинѣ беременности, и родителямъ волей не волей пришлось поскорѣе выдать беременную дѣвицу за ея любовника. Старшая сестра сбѣжала съ татаринномъ, а

мѣстный поэтъ не упустилъ случая написать по этому поводу длинный и достаточно ѣдкій *хиджвъ* (сатира).

Въ старину часто практиковался выходящійся нынѣ изъ употребленія обычай сватовства съ колыбели (*бишйкъ кертанй*). Поводомъ къ такому роду сватовства служатъ обыкновенно: во первыхъ, дружескія отношенія родителей мальчика и дѣвочки, а во вторыхъ, соображеніе о томъ, что при такомъ порядкѣ сватовства значительно увеличивается промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, а потому и уплата *калына* значительно облегчается. Теперь обычай этотъ практикуется по преимуществу среди кочеваго населенія, гдѣ обычные размѣры *калына* гораздо больше, чѣмъ у сартовъ.

Точно также мало по мало выходитъ изъ житейской практики и обычай сочетанія бракомъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ послѣднее время обычай этотъ практиковался изрѣдка лишь въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ, отцы которыхъ принадлежали или къ крупному купечеству, или къ высшему классу ханскихъ служилыхъ людей.

Мы сказали уже, что въ среднемъ туземная дѣвушка выходитъ замужъ въ возрастѣ между 13 и 15 годовъ. Молодые люди, если только родители ихъ или они сами имѣютъ возможность немедленной же уплаты *калына*, женятся, начиная съ 16—18 лѣтняго возраста. Родители рѣшаютъ, что пора женить сына или, по крайней мѣрѣ, сосватать ему невѣсту. По нѣкоторомъ совѣщаніи останавливаются на той или другой дѣвушкѣ. Цосылаются свахи, родственницы или близкія знакомыя. Если дѣвушку сватаютъ въ незнакомомъ домѣ, сваха, кромѣ тщательнаго осмотра самой невѣсты, особенное вниманіе обращаетъ на чистоту и порядокъ въ домѣ, такъ какъ предполагается, что мать невѣсты передаетъ послѣдней наслѣдственно все свои какъ хорошія, такъ и дурныя качества.

Если предложеніе принято, мать невѣсты даритъ свахѣ платокъ, полотенце или что нибудь въ этомъ родѣ.

(Иногда просятъ подождать отвѣта нѣсколько дней; родственницы невѣсты идутъ въ домъ жениха и въ свою очередь тоже производятъ тамъ осмотръ, послѣ чего жениховы свахи черезъ нѣсколько дней вторично идутъ за отвѣтомъ).

На другой день послѣ того, какъ свахи принесутъ вѣсть о согласіи, въ домъ невѣсты отправляются мужчины и услов-

ливаются тамъ о размѣрахъ *калына* и *мэхра* и др. подробностяхъ (').

Въ случаѣ обоюднаго соглашенія родственники или родственницы жениха идутъ въ третій разъ въ домъ невѣсты, неся туда *палъу*, лепешки и разные подарки (смотря по состоянію) вродѣ калашъ, зеркала, ситца или шелковыхъ матерій и пр. Въ богатыхъ домахъ размѣры этого перваго подарка (*саръ-силля*) иногда бываютъ очень велики, а самый подарокъ отдаривается. На тѣ же подносы, на которыхъ принесли подарки невѣстѣ, кладутся вещи равно приблизительно стоимости съ тѣми, которыя принесены отъ жениха, и относятся въ домъ послѣдняго. Такой возвратный подарокъ называется *идишь-кайтәръ* (возвращеніе посуды).

Лица, принесшія подарки отъ жениха, получаютъ въ домѣ невѣсты угощеніе, послѣ котораго одинъ изъ присутствующихъ провозглашаетъ: „*аллахъ акбаръ*“ (Богъ великъ) чѣмъ и завершается заочное обрученіе.

Въ бѣдныхъ семьяхъ первый подарокъ невѣстѣ обыкновенно очень невеликъ, при чемъ въ городахъ принято одновременно съ нимъ доставлять въ домъ невѣсты арбу топлива и припасы для угощенія, взаменъ чего женихъ получаетъ платокъ, кушакъ, халатъ или что нибудь въ этомъ родѣ.

*Калынь* уплачивается обыкновенно родителями жениха; послѣдній платитъ его лично въ томъ только случаѣ, если раздѣлившись съ отцомъ или старшими братьями, имѣетъ свое собственное имущество. Размѣры *калына* очень различны. Мы знали напр. браки, гдѣ онъ не превосходилъ 12—15 руб., а дѣвушки, выданныя при подобныхъ условіяхъ, были по большей части или круглыя сироты, или дочери особенно бѣдныхъ родителей. Въ тоже самое время

(') Мусульманское законодательство, собственно говоря, устанавливаетъ правила, касающіяся одного лишь *мэхра*, т. е. брачнаго дара, который по древне-арабскому обычаю дѣлается женихомъ своей будущей женѣ и можетъ состоять изъ разнаго рода предметовъ разной же цѣнности. Но у сартовъ на ряду съ этимъ имѣется и свой древне-узбекскій обычай *калына*, уплачиваемаго женихомъ не невѣстѣ, а ея родителямъ въ видѣ возвращенія имъ тѣхъ затратъ, которыя дѣлались въ свое время при воспитаніи ими ихъ дочери.

въ богатыхъ купеческихъ семьяхъ размѣры *калына*, платимаго женихомъ или его родителями, возрастаютъ до нѣсколькихъ сотъ рублей, при чемъ родители невесты прибавляютъ отъ себя къ полученной отъ жениха суммѣ приблизительно столько же; на эти совокупныя средства дѣлается приданое и справляется свадьба. Деньгами *калына* уплачивается обыкновенно только въ городахъ. Въ кишлакахъ большая часть его вносится скотомъ и хлѣбомъ.

Смотря по возрасту невесты и жениха, а также и по состоятельности послѣдняго, *калына* или вносится немедленно же, или уплата его растягивается на болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и производится частями. Въ послѣднемъ случаѣ принято эти части *калына* уплачивать ежегодно наканунѣ праздника Рамазана, при чемъ кромѣ очередной части *калына* невестѣ приносятся еще и другіе подарки, вродѣ обуви, одежды или матерій. Родители жениха стараются поддержать до свадьбы возможно лучшія отношенія со своими *худо* (или *кудо*); однакоже поддержать эти отношенія удается далеко не всегда; зачастую родители невесты, получая часть причитающагося имъ *калына* начинаютъ кочевряжиться и гонять въ три шен сватьюшку, явившуюся съ тощей коровенкой или кобылой и надѣявшуюся отдѣлаться на этотъ разъ безъ особыхъ затѣй, по родственному.

У средняго по достатку какъ городского, такъ и кишлачнаго населенія размѣры *калына* за дѣвушку (вмѣстѣ съ тѣмъ, что, кромѣ *калына*, дается женихомъ на устройство свадебнаго угощенія) рѣдко превышаютъ по стоимости 70—80 р. сер. Одною изъ непремѣнныхъ принадлежностей *калына* въ большинствѣ мѣстностей являются 5—15 пудовъ неочищенныхъ коробочекъ хлопчатника. Въ семьѣ невесты хлопокъ этотъ очищается и перерабатывается частью въ пряжу, частью же въ вату только на приготовленіе одѣяль, подушекъ и пр. Получивъ *калына*, родители невесты обязуются соразмѣрно количеству послѣдняго снабдить дочь при отправкѣ ея къ мужу одѣялами и подушками, сдѣлать для обоихъ молодыхъ обмундировку и кромѣ того устроить свадебное угощеніе.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ мѣстной практики даннаго обычая, на *калына* приходится смотрѣть лишь какъ на уплату женихомъ всѣхъ вообще расходовъ,

связанныхъ съ совершеніемъ брачнаго союза; здѣсь онъ отнюдь не имѣетъ характера покупки невесты, такъ какъ родители послѣдней получивъ отъ жениха *калына*, обязуются произвести изъ него всѣ необходимые по обычаю расходы.

Даже и въ томъ случаѣ, когда размѣры *калына* превышаютъ собою размѣры предстоящихъ по свадьбѣ расходовъ, большинство туземцевъ смотритъ на этотъ излишекъ, поступающій въ пользу родителей дѣвушки, не какъ на плату за послѣднюю, а какъ на вознагражденіе ея родителей за тѣ расходы и заботы, которые были понесены ими при воспитаніи дочери. Значеніе и роль *калына* измѣняются лишь впоследствии, въ случаѣ возбужденія вопроса о разводѣ по инициативѣ самой жены, не имѣющей на то никакихъ законныхъ причинъ. Тогда мужъ имѣетъ право требовать возврата ему всѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при заключеніи брака. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплата *калына* является какъ бы гарантіей мужа отъ вполнѣ произвольнаго и безпричиннаго оставленія его женой. Этого же рода гарантіей, хотя и въ значительно меньшей степени, въ отношеніи женщины является *мэхръ*, который въ силу обычая установившагося путемъ мѣстной практики, является настолько же свадебнымъ даромъ жениха своей будущей женѣ, насколько и обезпеченіемъ послѣдней на случай развода ея съ мужемъ (1).

Выше мы упомянули уже о томъ, что *шаріатъ*, мусульманское право, признаетъ одинъ лишь *мэхръ* и что *калына* есть одинъ изъ древне-узбекскихъ, не мусульманскихъ обычаевъ, не отвергаемый мѣстнымъ духовенствомъ въ силу того обстоятельства, что по сущности своей онъ можетъ считаться не противорѣчающимъ главнѣйшимъ основамъ ислама. Здѣсь мы позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя изъ шаріатныхъ постановленій о *мэхрѣ*, заимствуя ихъ изъ книгъ: *Джамъ-ур-рамъузъ*, *Хидай и-шерифъ* и *Раддъ-уль-мухтаръ*.

1. *Мэхръ* по способу его уплаты раздѣляется на *мэхръ-и-муаджалъ* (مهر معجل) платимый наличностью при заключеніи брака и *мэхръ-и-муаджалъ* (مهر مؤجل) остающійся въ долгу за мужемъ.

2. Количество того и другаго *мэхра* зависитъ отъ взаимнаго согласенія.

3. Если количество того и другаго *мэхра* при заключеніи брака не было обусловлено, то въ случаѣ нужды (напр. при раз-



*Мэхр* получается женщиной двойным образом: или при выходѣ замужъ или же послѣ, какъ во время замужства, такъ ровно и при разводѣ.

Первый случай практикуется между туземцами гораздо рѣже втораго, обыкновенно лишь или между состоятельными и богатыми людьми, или же при условіи существованія сомнѣній со стороны родителей невѣсты въ томъ, выполнитъ-ли впослѣдствіи будущій мужъ ихъ дочери данное имъ обязательство вполне добросовѣстно.

Условіе о размѣрахъ *мэхра* всегда включается въ число другихъ общихъ условій брака.

Выдача *мэхра* при свадьбѣ выражается обыкновенно въ переводѣ на имя жены дома, небольшого сада, участка земли и т. п. Имущество это переходитъ въ потомственное

водѣ) количество это устанавливается *казіи* по мѣстнымъ обычаямъ.

4. До получения женою *мэхр-и-муаджиль* (مهر<sup>م</sup> محلی) она имѣетъ право отказать мужу въ фактическомъ съ нимъ сожитіи, а равно можетъ отказаться отъ сожитія ему въ путешествіи.

5. Если при заключеніи брака размѣръ *мэхра* не былъ определенъ, жена имѣетъ право требовать отъ своего мужа *мэхр-и-мисль* (مهر<sup>م</sup> مثل) разъ только начнется ихъ фактическое супружеское сожитіе.

6. Подъ именемъ *мэхр-и-мисль* разумѣется *мэхр* равный по своимъ размѣрамъ тому *мэхру*, который полученъ женщинами равными данной женщиной.

7. Равными въ отношеніи данной женщины считаются ея родственницы по мужской линіи, равныя ей по красотѣ, возрасту, богатству, умственнымъ способностямъ, принадлежности къ городскому или сельскому сословію, дѣвственности или не дѣвственности и современности. (Данную женщину нельзя сравнивать съ тѣми, которыя жили раньше ея, а слѣдовательно при иныхъ житейскихъ условіяхъ).

8. Въ случаѣ незаконнаго брака (какъ напр. на пятой женѣ; на родственницѣ въ запретной степени и пр.) уплата *мэхра* не обязательна, если только сожитія не было.

9. Если при заключеніи брака размѣръ *мэхра* былъ условенъ и брачующая выдавалась за дѣвственницу, а потомъ оказалась не дѣвственницей, она все-таки имѣетъ право на полученіе всего того *мэхра*, который былъ условенъ при заключеніи этого брака.

10. Если послѣ заключенія брака сожитія не было, жена можетъ (при разводѣ напр.) требовать лишь половину того *мэхра*, который былъ обусловенъ въ брачномъ договорѣ.

владѣніе жены и, какъ мы сказали уже выше, на практикѣ служить обезпеченіемъ ея на случай развода.

Если *мэхр* даруется мужемъ въ видѣ недвижимой собственности, то въ большинствѣ случаевъ доходами съ нея распоряжается самъ мужъ, а у жены хранится лишь документъ на это обезпеченіе, которое она всегда вправе отчуждить отъ другой какъ женщиной, такъ и семейной собственности въ свое исключительное пользованіе и владѣніе.

Размѣры такого *мэхра* въ среднихъ классахъ по стоимости рѣдко превышаютъ 100—150 р. Гораздо чаще при заключеніи брака *мэхр* не требуется съ мужа немедленно же, а лишь обуславливаются заранѣе его размѣры.

Въ большинствѣ случаевъ размѣры *мэхра* одинаковы съ размѣрами *каліна*, а въ случаѣ женитьбы на вдовѣ или разведенной опѣ (*мэхр*) значительно меньше *мэхра*, даваемого дѣвушкамъ, и исходитъ иногда до 2 р. сер.

Промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, какъ мы уже сказали, бываетъ различенъ, колеблясь отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Въ богатыхъ семьяхъ на продолжительность его вліяютъ главнымъ образомъ соображенія о возрастѣ жениха и невѣсты, такъ какъ бывають случаи обрученія не только несовершеннолѣтнихъ, но и малолѣтнихъ, при чемъ очень многіе родители не допускають слишкомъ раннихъ браковъ ни для сыновей, ни для дочерей. (1)

Въ бѣдныхъ семьяхъ на продолжительность срока между сговоромъ и свадьбой главенствующее вліяніе имѣетъ уплата *каліна*. Очень не рѣдки случаи, когда, вслѣдствіи малосостоятельности жениха и его родителей, уплата *каліна* растягивается на два—три года, не смотря на то, что невѣста давно уже перешла за рубежъ совершеннолѣтія.

При подобныхъ условіяхъ, въ особенности если семья невѣсты такая же бѣдная, какъ и семья жениха, дѣло очень

(1) Признаками совершеннолѣтія считаются: 1) истечение мужскаго сѣмени или случай оплодотворенія женщины; 2) появленіе регуль. По мнѣнію большинства мусульманскихъ законодателей признаки эти появляются около 15 лѣтняго возраста.

По нѣкоторымъ, совершеннолѣтіе определяется появленіемъ усовъ у мужчинъ и нагляднымъ развитіемъ груди у дѣвушекъ, при чемъ минимальнымъ предѣломъ совершеннолѣтія принимается: для мужчинъ 12, а для дѣвушекъ 9 лѣтній возрастъ.

рѣдко обходится безъ дразгъ и ссоръ, а по результатамъ своимъ всегда почти очень тяжело отражается на благосостояніи обѣихъ сторонъ.

Происходитъ все это приблизительно такимъ образомъ. Если, напр., сватовство ведется между семьями близкими по родству или знакомству, то очень часто случается, что при сговорѣ вполне точно не обуславливаются ни размѣры *калына*, ни размѣры тѣхъ расходовъ по свадьбѣ, которые женихъ и его родители должны по обычаю взять на себя. Не заключается же вполне точныхъ условій потому, что обѣ стороны рассчитываютъ впоследствии поднадутъ одна другую. Родители невесты питаютъ надежду, благодаря отсутствію точныхъ условій, взять по больше, а родители жениха утѣшаются мыслью о возможности дать поменьше. Такимъ образомъ, когда дѣло доходить до окончательной уплаты, нерѣдко поднимается такой содомъ, что увяты его съ трудомъ удается лишь всѣмъ собравшимся старикамъ даннаго селенія.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Мы сказали уже, что въ недостаточныхъ семьяхъ уплата *калына* растягивается иногда на нѣсколько лѣтъ.

Ежегодно уплачивается лишь нѣкоторая часть его. Родители невесты тороняты уплатою. Женихова сторона дѣлаетъ иногда непосильныя для нея траты, дабы удовлетворить предъявляемыя ей требованія, разстраиываетъ хозяйство и въ концѣ концовъ все-таки не можетъ развязаться съ уплатой *калына* за одинъ разъ.

Въ тоже самое время родители невесты, получая *калыны* частями, расходуютъ его на свои домашнія потребности и стараются не думать о томъ, что впереди предстоитъ свадьба, а слѣдовательно и расходы какъ по обмундированію молодыхъ, такъ и по угощенію.

Свадьба наступаетъ. Большая часть *калына* давно уже израсходована. Тогда не рѣдко и дословно почти сбывается сартовская поговорка, гласящая о томъ, что, послѣ выдачи дочери замужъ, въ домѣ ея родителей не остается даже и вѣника.

Нужно ли говорить о томъ что при подобныхъ условіяхъ родители снабжаютъ свою дочь вмѣсто одѣяль, подушекъ и платья никуда не годной дрянью, а прійдя въ домъ мужа, молодая очень часто встрѣчаетъ нищету, явившуюся

результатомъ тѣхъ усилій, которыя приходилось дѣлать при уплатѣ *калына* ея же родителямъ.

Не смотря на всю очевидность неудобствъ, а нерѣдко даже и просто таки губительныхъ послѣдствій, исполненія такого обычая, какъ *калыны* и получка его съ обязательствомъ доставленія приданого, обычай этотъ настолько въѣлся въ практику мѣстной народной жизни, что неисполненіе его считается своего рода неприличіемъ, а размѣры *калына* очень часто являются предметомъ хвастовства той женщины, за которую онъ былъ заплаченъ.

Однакоже за послѣднее время замѣчается между прочимъ, что среди бѣднаго населенія, особенно городовъ и большихъ селеній, обычай этотъ начинаетъ понемногу видоизмѣняться.

Начинаютъ уже по временамъ встрѣчаться примѣры того, какъ уплата *калына* замѣняется одними лишь расходами по свадьбѣ, при чемъ женихъ самъ, сообразуясь со своими средствами, дѣлаетъ приданое невестѣ. Это имѣетъ за собой два чрезвычайно важныхъ послѣдствія: во первыхъ, для обѣихъ сторонъ устраняется крайне невыгодный въ матеріальномъ отношеніи переходъ *калына* изъ однихъ рукъ въ другія; во вторыхъ, упраздненіе *калына* само по себѣ уже освобождаетъ женщину отъ части тѣхъ обязательствъ, отъ того гнета и тѣхъ неудобствъ, которыя кладетъ на нее въ бракоразводномъ дѣлѣ получка *калына* ея родителями, ибо въ томъ случаѣ, если женихъ *калына* не платилъ, а взялъ на себя одни лишь расходы по свадьбѣ, цифра, которую при разводѣ (по инициативѣ жены) онъ можетъ требовать обратно, значительно уменьшается и всегда почти можетъ быть покрыта *мэхромъ*.

Положеніе невесты, также какъ и вездѣ, по всей вѣроятности, одно изъ наиболее завидныхъ. Всѣ, не исключая и самихъ ея родителей, стараются ей угодить. Если женихъ мало мальски состоятеленъ, то она часто получаетъ отъ него подарки, а потому въ это время лакомится и франтитъ такъ, какъ никогда ни раньше, ни послѣ этого времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по установившемуся обычаю невеста послѣ сговора тщательно прячется отъ всей родни жениха, а женихъ не менѣе тщательно прячется и избѣгаетъ встрѣчь съ родными своей невесты. Иногда по этому повозу случается

ются сценки очень комичнаго свойства. Въ небольшихъ кишлакахъ всегда, конечно, и вѣсьмъ извѣстно, кто съ кѣмъ сосватанъ. Идетъ женихъ на маленький кишлачный базарчикъ, подходитъ къ арбѣ съ дьянами, окруженной со всѣхъ сторонъ народомъ и не замѣчаетъ, что почти рядомъ съ нимъ стоитъ отецъ его невѣсты. Онъ то этого не замѣчаетъ, а окружающая публика давно уже смѣтила и начинаетъ хихикать. Женихъ и отецъ его невѣсты оглядываются по сторонамъ, замѣчаютъ другъ друга, на нѣсколько секундъ ошалѣваютъ и затѣмъ при общемъ хохотѣ бросаются въ разныя стороны.

Въ нѣкоторыхъ кишлакахъ, полуофициально впрочемъ, практикуется обычай, по которому женихъ задолго еще до свадьбы въ однихъ мѣстностяхъ видится только, а въ другихъ и спитъ даже со своей невѣстой. (Въ городахъ этого обычая нѣтъ). Дѣлается это обыкновенно такъ. Послѣ того какъ сговоръ совершенъ, а часть *калына* уже уплачена, одна изъ родственницъ жениха идетъ къ невѣстиной матери и условливается съ ней о томъ, въ который изъ ближайшихъ вечеровъ женихъ можетъ видѣться со своей нарѣченной. Въ назначенный вечеръ, когда совсѣмъ уже стемнѣетъ, женихъ, запасшись предварительно какимъ нибудь подаркомъ и сладостями, отправляется къ невѣстѣ. Его проводятъ въ какую нибудь отдѣльную комнату такъ, чтобы онъ не встрѣтился бы съ будущимъ тестемъ и тещей. При свиданіи этомъ, главнѣйшею цѣлью котораго является желаніе дать возможность обрученнымъ узнать и попривыкнуть другъ ко другу до свадьбы, по крайней мѣрѣ на первый разъ присутствуетъ одна изъ родственницъ невѣсты. Въ ея же присутствіи обрученные укладываются спать, при чемъ на ея обязанности лежитъ не уходить все время изъ комнаты и наблюдать за тѣмъ, чтобы молодые люди не увлеклись. Не задолго до разсвѣта женихъ долженъ уйти такъ, чтобы его никто не увидѣлъ.

Посѣщенія эти продолжаются потомъ болѣе или менѣе безпрепятственно, при чемъ ни какія родственницы уже не присутствуютъ, а обрученные вступаютъ въ фактическое сожитіе.

Мы знали случай когда при подобныхъ обстоятельствахъ уплата *калына* растянулась на долго и потомъ при-

шлось торопиться со свадьбой, ибо невѣста находилась въ въ послѣднемъ уже періодѣ беременности.

Случаи сватовства, разстроившагося послѣ уплаты хотя бы части *калына*, очень рѣдки, такъ какъ представляются невыгодными для той стороны, которая объявляетъ отказъ. Женихъ (если отказъ съ его стороны) теряетъ право на уплаченный имъ *калынь*, а родители невѣсты (если былъ сдѣланъ ими) присуждаются къ немедленному же возврату всего полученнаго отъ жениха (1).

Такого же рода счеты сводятся и въ случаѣ смерти жениха, или невѣсты. Если умираетъ женихъ, *калынь* остается въ рукахъ родителей невѣсты; при смерти послѣдней, полученный за нее *калынь* долженъ быть возвращенъ по принадлежности.

Свадьбы совершаются обыкновенно осенью, или зимой, такъ какъ, во первыхъ, время это для большинства наиболѣе свободное, а во вторыхъ, въ теченіи весны и лѣта успѣваютъ заготовить такіе, нужные для свадьбы, продукты, какъ зерно, хлопокъ и проч.

Если со стороны жениха нѣтъ задержки въ уплатѣ *калына*, то время бракосочетанія опредѣляется заблаговременно. Наканунѣ, или за нѣсколько дней до свадьбы въ домѣ невѣсты справляется дѣвичникъ—*майлисъ* (маджлисъ), на которомъ присутствуютъ главнымъ образомъ подружки невѣсты, а также и знакомыя съ ея семьей женщины. Поютъ нѣсни, пляшутъ и угощаются.

Само бракосочетаніе совершается, обыкновенно вечеромъ, въ домѣ невѣсты и никакими особенными торжествами не сопровождается. Приглашается *имамъ* своей мечети; невѣста помещается въ углу комнаты, за занавѣсомъ. При

(1) Приводимъ статьи изъ *шаріата*.

1. Если кто-либо, просватавъ невѣсту, уплатитъ *калынь*, или часть его, и послѣ этого ему откажутъ, онъ имѣетъ право требовать обратно или всѣ, данныя имъ, вещи, или ихъ стоимость.

2) Если (при этомъ) отцомъ невѣсты были сдѣланы *подарки* жениху, то они тоже возвращаются (или ихъ стоимость).

3. Равно взаимно возвращаются и всѣ *подарки*, сдѣланные женихомъ невѣстѣ и невѣстой жениху.

ходить женихъ съ двумя или нѣсколькими свидѣтелями изъ его родственниковъ. *Има́мъ* спрашиваетъ жениха и невѣсту согласны ли они на вступленіе въ бракъ. Дѣвушка, во вниманіе къ ея застѣнчивости, можетъ выразить свое согласіе молчаніемъ, а женщина должна дать надлежащій устный отвѣтъ <sup>(1)</sup>.

Когда обоюдное согласіе будетъ констатировано, *има́мъ* читаетъ молитву и бракъ—(*ника́хъ*) считается совершеннымъ.

<sup>(1)</sup> Приводимъ статьи изъ *шаріата*.

1) Бракъ завершается *иджа́бомъ* (предложеніе) и *кабу́ломъ* (согласіе), которыя должны быть выражены въ глагольной формѣ прошедшаго времени. Напр: «Вышла ли ты за него замужъ?» — «Вышла»).

2. Оба брачующіеся должны взаимно слышать выраженіе *иджа́ба* и *кабу́ла*.

3. При произнесеніи *иджа́ба* и *кабу́ла* должны присутствовать два свидѣтеля: свободные (не рабы) мужчины, или одинъ свободный мужчина и двѣ свободныхъ женщины.

4. Свидѣтелями должны быть совершеннолѣтніе мусульмане, обладающіе здравымъ разсудкомъ.

5. Свидѣтели должны слышать произнесеніе *иджа́ба* и *кабу́ла* одновременно.

6. Во время заключенія брака вмѣсто одного изъ брачующихся можетъ присутствовать довѣренное лицо.

7. Спрашивая у дѣвушки о ея согласіи на бракъ, ей обязательно должны сообщить имя жениха, а количество условеннаго *мѣхра* можетъ быть и не сообщено.

8. Когда отецъ спрашиваетъ совершеннолѣтнюю, раньше не вступавшую въ бракъ, о ея согласіи на вступленіе въ данное супружество, то за выраженіе ея согласія могутъ быть приняты: молчаніе, улыбка, или же тихій плачь безъ крика.

9. Если о согласіи на бракъ у дѣвушки спрашиваетъ не отецъ, а кто-либо изъ родственниковъ, или постороннихъ, то согласіе должно быть выражено словами.

10. Женщина, при выходѣ во второй и послѣдующіе браки, должна выразить свое согласіе словами.

11. Дѣвушки, лишившіяся невинности путемъ прелюбодѣнія, или инымъ какимъ либо образомъ, въ отношеніи способовъ выраженія ими согласія на бракъ приравниваются къ невестувавшимъ въ бракъ.

Женихъ и пришедшіе съ нимъ свидѣтели угощаются и затѣмъ уходятъ восвояси.

При желаніи со стороны жениха и невѣсты, одновременно съ заключеніемъ брака пишется и брачный договоръ. Въ немъ прощаются, между прочимъ, размѣры уплаченныхъ *калина* и *мѣхра* или обязательство уплатить послѣдній въ означенныхъ размѣрахъ по востребованію.

Документъ этотъ скрѣпляется приложеніемъ печати мѣстнаго *казы* <sup>(1)</sup>.

Отвозъ новобрачной къ мужу въ разныхъ мѣстностяхъ происходитъ различно. Въ городахъ обыкновенно вслѣдъ за совершеніемъ *ника́ха*, а въ большинствѣ кишлаковъ лишь черезъ нѣсколько дней. Въ Наманганѣ ночью; въ Коканѣ на разсвѣтѣ, а во многихъ кишлакахъ днемъ.

За нѣсколько часовъ до отвоза молодой, въ домѣ ея родителей собираются родственницы и знакомыя. Молодую одѣваютъ въ чистую, всегда бѣлую, обыкновенно кисейную, рубанку, а на голову повязываютъ нѣсколько платковъ на подобіе чалмы. Въ такомъ костюмѣ молодая садится по срединѣ комнаты; родственницы и знакомыя окружаютъ ея, и начинается вой.

Вдоволь наголосившись, молодую поднимаютъ съ мѣста и падѣваютъ на нее *чимбѣтъ* и *паранджй*. Отецъ выводитъ ея изъ комнаты. Какъ только выйдутъ на дворъ, причитанья моментально умолкаютъ. На улицѣ ждутъ уже одна или двѣ арбы и толпа ребятнишекъ; нѣкоторые изъ нихъ съ бубнами. Невѣста, вмѣстѣ съ такимъ числомъ женщинъ, какое можетъ только умѣститься, садится на арбу; на другую складывается ея приданое. Поѣздъ трогается. Лошадь еле тащитъ арбу съ насѣвшими на нее бабами; мальчишки хватаются за колеса и тормозятъ ихъ, бьютъ въ бубны и во все горло орутъ свадебную пѣсню:

„Кой килдуръ козы биланъ  
„Яръ, яръ, яръ — дустъ, дустъ, дустъ!  
„Биръ бирейпъ изъ биланъ  
„Яръ ма падаръ!“

<sup>(1)</sup> Въ Ферганѣ составленіе такихъ брачныхъ договоровъ практикуется рѣдко.

У воротъ новобрачнаго поѣздъ, двигавшійся все время очень медленно, останавливается. Къ этому времени здѣсь же успѣваютъ собраться и все тѣ, кому не хватило мѣста на арбѣ. Молодую вводятъ во дворъ и останавливаются у воротъ. Одна изъ свахъ беретъ её за талию и, выстуная медленно, шагъ за шагомъ, выкрикиваетъ имена молодого и всехъ его ближайшихъ родственниковъ и родственницъ по старшинству, привѣтствуя каждого изъ нихъ отдѣльно *селямомъ*.

Такимъ образомъ шествіе входитъ во внутренній дворъ. Здѣсь сваха въ послѣдній разъ провозглашаетъ: „большимъ, и малымъ — всемъ *ас-селямъ!*“ Женщины входятъ во внутреннія комнаты, а мужчины въ *михманхану*, послѣ чего сейчасъ же начинается угощеніе, размѣры, характеръ и продолжительность котораго очень различны, смотря по достатку хозяевъ.

Въ то же самое время молодую помѣщаютъ за занавѣской, за которой она сидитъ въ теченіи трехъ сутокъ, не показываясь своей новой роднѣ. Этимъ въ сущности свадебныя празднества и заканчиваются. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на другой день утромъ отецъ и мать молодой приходятъ провожать дочь и приносятъ съ собою *палау*, а также по халату отцу и матери ихъ зятя. Въ другихъ (мѣстностяхъ), по большей части въ кишлакахъ, на третій день послѣ свадьбы, утромъ, молодая уходитъ къ своимъ родителямъ и остается тамъ цѣлый день. Вечеромъ посылаютъ за молодымъ и его родителями, угощаютъ ихъ и отдариваютъ, послѣ чего молодая уходитъ къ себѣ, домой, и уже болѣе не прячется отъ своей новой родни.

Помѣщаются молодые всегда почти въ отдѣльной комнатѣ.

Случай, когда они поселяются не у мужниныхъ, а у жениныхъ родителей, сравнительно рѣдки и имѣютъ мѣсто тогда только, если молодая богаче своего мужа, или если у послѣдняго нѣтъ ни родителей, ни своего собственнаго помѣщенія.

Поселившись въ домѣ родителей мужа, молодые живутъ съ ними на первое время не въ раздѣлѣ и своихъ личныхъ, опредѣленныхъ средствъ, по большей части, не имѣютъ. Пища изъ одного котла съ родителями; одеждой

снабжаются или мужнинымъ отцомъ, или же приобрѣтаютъ ее на часть своихъ заработковъ.

Первые полтора — два мѣсяца старики обыкновенно избѣгаютъ обременять молодую работами, давая ей это время на то, чтобы осмотрѣться и попривыкнуть къ новой семьѣ и ея порядкамъ. Затѣмъ, мало по малу, свекровь сваливаетъ на неё все почти домашнія работы.

Одновременно съ этимъ между обѣими, въ большинствѣ случаевъ, возникаютъ препирательства, и не больше, какъ черезъ годъ молодые начинаютъ уже серьезно подумывать объ раздѣлѣ со стариками. Много причинъ заставляетъ ихъ желать этого раздѣла. Молодая находитъ, что на нее взвалено слишкомъ много работъ, и что свекровь слишкомъ ужъ часто попрекаетъ её и въ лѣности, и въ дармоѣдствѣ. Молодой мужъ недоволенъ тѣмъ, что отецъ слишкомъ мало удѣляетъ изъ общихъ средствъ на одежду его молодой жены и т. д.

Такъ какъ исторіи этого рода повторяются чуть не въ каждой семьѣ, то во многихъ мѣстностяхъ, въ средѣ состоятельныхъ людей, вошло въ обычай отдѣлять молодыхъ по истеченіи года послѣ ихъ брака, при чемъ раздѣлъ этотъ производится по большей части по инициативѣ самихъ стариковъ, а годъ сроку дается молодымъ для того, чтобы они въ теченіи этого времени успѣли сжиться и чтобы молодая попривыкла къ веденію самостоятельнаго хозяйства.

Въ большинствѣ случаевъ такого рода добровольный раздѣлъ выражается въ томъ, что старики снабжаютъ молодыхъ домомъ, рабочимъ скотомъ и самой необходимой утварью.

Подъ постройку дома или удѣляется часть своего усадьбаго мѣста, или послѣднее приобрѣтается покупкой гдѣ либо по близости; при этомъ въ земледѣльческихъ семьяхъ сынъ или продолжаетъ работать на землѣ своего отца въ качествѣ *кошчи* (объ условіяхъ см. выше), или же получаетъ во временное пользованіе часть отцовской земли, которую эксплуатируетъ въ свою пользу до окончательнаго раздѣла, происходящаго по смерти старика.

Однако-же на ряду со сказаннымъ, даже и въ средѣ состоятельныхъ семей, далеко не рѣдки случаи, когда, при раздѣлѣ молодыхъ со стариками, послѣдніе снабжаютъ пер-

выхъ такимъ ничтожнымъ скорбомъ и при такихъ условіяхъ, что раздѣль этотъ становится похожимъ не на раздѣль, а скорѣе на простое изгнаніе молодыхъ изъ подъ родительскаго крова.

У бѣднаго населенія, гдѣ родители не въ состояніи выдѣлить молодыхъ на условіяхъ, подобныхъ выше-приведеннымъ, послѣдніе отдѣляются отъ стариковъ на свои собственные средства и нерѣдко прямо таки въ ущербъ своимъ же матеріальнымъ интересамъ.

Не вынося далѣе попрековъ свекрови, невестка принуждаетъ мужа къ раздѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ средства на обзаведеніе своимъ домомъ нѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ очень часто случается, что, оставаясь жить на одномъ дворѣ со стариками (въ разныхъ лишь комнатахъ), молодые заводятъ свой особый котель и др. посуду, питаются и работаютъ отдѣльно отъ стариковъ.

Отъ ссоръ все это, конечно, далеко еще не гарантируетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизненные средства и обстановка обѣихъ семей значительно ухудшаются.

Разъ одна такая невестка говорила намъ, что она раздѣлилась бы со стариками, если бы у ней было 2—3 руб. на покупку котла и посуды. Интересно знать, что она стала бы варить въ этомъ котлѣ, при подобныхъ матеріальныхъ условіяхъ ея бытія.

Въ то-же самое время въ средѣ богатыхъ и главнымъ образомъ купеческихъ семей встрѣчаются примѣры вполнѣ безраздѣльнаго хозяйства родителей и нѣсколькихъ женатыхъ сыновей. Все живутъ вмѣстѣ, на одномъ или нѣсколькихъ смежныхъ дворахъ и не дѣлятся ни въ чемъ до самой смерти старика—отца. За этимъ предѣломъ такое общее хозяйство, державшееся только волей патриарха, всегда распадается.

Такимъ образомъ, въ общемъ, можно сказать, что у сартовъ стремленіе къ раздѣламъ замѣчается общее, какъ у родителей, такъ и у семейныхъ ихъ дѣтей, при чемъ въ отношеніи родителей обратное явленіе замѣчается главнымъ образомъ лишь въ наиболѣе богатыхъ купеческихъ семьяхъ, гдѣ мелочныхъ расчетовъ меньше, а матеріальныя выгоды обще-житія и общаго хозяйства наиболѣе наглядны.

Съ мужемъ молодая женщина осваивается сравнительно очень скоро, даже и въ томъ случаѣ, если она не знала и

не видѣла его до сватъбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ у большинства также скоро начинаютъ возникать и препирательства, и ссоры, за поводами къ которымъ дѣло не станеть.

Главнѣйшимъ и первымъ по времени изъ такихъ поводовъ являются отлучки молодой со двора. У туземцевъ принято или совсѣмъ не отпускать молодую со двора, или, по крайней мѣрѣ, отпускать ее очень рѣдко до тѣхъ поръ, пока у ней не родится первый ребенокъ<sup>(1)</sup>.

Обычай этотъ соблюдается, въ большей, или меньшей мѣрѣ, повсемѣстно и всѣмъ очень хорошо извѣстенъ, тѣмъ не менѣе каждый новый случай его практики, какъ самую молодую, такъ равно ея матерью и др. родственниками, встрѣчается какъ нѣчто не только неожиданное, но даже и небывалое.

Одна и та-же семья почти одновременно женить сына и выдаетъ дочь. Относительно невестки вышеприведенное правило соблюдается съ возможной точностію; но въ то-же время, прійдя навѣстить свою собственную дочь, старуха начинаетъ причитать надъ ней: „попала ты, доченька, въ клѣтку; попала ты въ тюрьму, въ адъ; видишь ты только небо да стѣны“ и пр. Все это, разумѣется, еще больше раздражаетъ молодую женщину, которая и безъ того досадуется на новое и непривычное для нея положеніе обязательной домохозяйки, положеніе, съ которымъ она, ни по своимъ дѣвичьимъ привычкамъ, ни по наклонностямъ, ничего общаго не имѣетъ. Потерпѣть, потерпѣть, да и примется ругаться съ мужемъ.

Подобная исторія разыгрывалась на нашихъ глазахъ въ одной знакомой намъ сартовской семьѣ. Выдали замужъ дѣвушку лѣтъ 15. Первые 2—3 недѣли все шло прекрасно. Сидѣла молодая, по обыкновенію, дома, принялась было даже за работу и, повидимому, не особенно тяготилась своимъ положеніемъ. Тѣмъ временемъ ея мать и отчимъ успѣли

(1) Въ *шаріатѣ* по этому поводу сказано такъ:

1. Родители имѣютъ право войти къ своей замужней дочери, или она можетъ пойти къ нимъ, разъ въ недѣлю. (Пятница).
2. Съ другими родственниками она можетъ видѣться разъ въ годъ.

поссориться со своимъ зятемъ изъ за части *калына*, которая, по частному для этого случая условію, должна была быть уплачена черезъ нѣсколько дней послѣ сватѣбы. Начались причитанья надъ молодой. Мало по малу она вообразила себя несчастной затворницей и принялась ревѣть; пошли ссоры съ мужемъ; бабенка оказалась очень задорной и дѣло зачастую доходило чуть не до свалки. Въ концѣ концовъ она объявила своему мужу, что если онъ не дастъ ей полной свободы, то она сбѣжитъ отъ него и поступитъ въ домъ терпимости. Случаи этого рода далеко не рѣдкость. Чуть не на каждомъ шагу видишь и слышишь, какъ вмѣшательства жениной родни въ конецъ разстраиваютъ жизнь той, или другой, семьи.

Мы знали такой примѣръ. Очень небогатая семья состояла только изъ мужа и жены; дѣтей не было. Это послѣднее обстоятельство послужило причиною натянутости отношеній между супругами, тѣмъ болѣе что жена имѣла большой зобъ<sup>(1)</sup> и вообще была очень некрасива. Стала она замѣчать, что у мужа завелись любовницы. Вмѣсто того, чтобы перетолковать съ нимъ и порѣшить на чемъ либо путномъ (вродѣ развода), она созвала въ его отсутствіи свою родню. Собрался совѣтъ, на которомъ было постановлено наказать на первый разъ невѣрнаго супруга такимъ образомъ: лучшей его шелковый халатъ распороть и передѣлать на бешметъ оскорбленной женѣ. Приговоръ этотъ сообща привели въ исполненіе немедленно же. Является мужъ — халата нѣтъ. Когда онъ узналъ въ чемъ дѣло, то до того обозлился, что потомъ лѣтъ пять не могъ простить своей женѣ этой проделки, а отношенія ихъ навсегда остались враждебными.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда молодая жена правится своему мужу, не рѣдки примѣры самой безразсудной ревности. Намъ извѣстна семья, гдѣ молодой мужъ не только никуда не пускалъ свою жену со двора, но даже строжайше запрещалъ ей громко говорить на внутреннемъ дворѣ, дабы посторонніе, входящіе на наружный дворъ, не слышали бы ея голоса.

<sup>(1)</sup> Эта болѣзнь очень распространена въ Ферганѣ и главнымъ образомъ въ кокандскомъ уѣздѣ.

Итакъ поводовъ къ ссорамъ и препирательствамъ всегда болѣе чѣмъ достаточно, особенно если мужъ не живетъ дома, а жена получаетъ отъ него содержаніе на руки.

Ссоры эти, продолжаясь иногда по нѣскольку недѣль, сопровождаются громогласнѣйшей руганью, обѣщаніями сбѣжать, поступить въ публичный домъ, перебить посуду и т. п. Съ своей стороны мужъ тоже предупреждаетъ о его намѣреніи избить до полусмерти, выгнать изъ дому и испортить нѣкоторыя части тѣла на столько, что поступленіе въ публичный домъ сдѣлается совершенно невозможнымъ.

Однако-же обѣщанія эти обыкновенно такъ обѣщаніями только и остаются: и котлы, и посуда, и части тѣла пребываютъ въ цѣлости; жена не сбѣгаетъ, ибо убѣжать ей положительно некуда, не съ кѣмъ и не съ чѣмъ, а не изгоняется она потому, что у мужа нѣтъ денегъ на уплату ей *мэхра*.

Тѣмъ не менѣе ожесточенные разговоры о разводѣ ведутся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и очень часто начинаются по истеченіи какихъ нибудь трехъ-четырехъ мѣсяцевъ послѣ заключенія брака.

Въ общемъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что мирное и тихое житіе есть удѣлъ сравнительно очень немногихъ семей. До фактическаго развода дѣло доходить, правда, не особенно часто, но разговоры о немъ вмѣстѣ съ разнаго рода препирательствами и перебранками, особенно въ семьяхъ низшихъ классовъ, ведутся болѣе чѣмъ часто-временно. Теперь прибавимъ ко всему сказанному, что всѣ вообще сартянки, бойкія и отъ природы достаточно страстнаго темперамента, очень большія охотницы до любовныхъ похожденій. Вотъ причины, почему рѣдкая замужняя женщина, пользуясь хотя бы нѣкоторой долей свободы, не имѣла бы на своемъ вѣку любовника, или даже нѣсколькихъ.

Сходятся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Не будемъ говорить о томъ, что сосѣди, мужчины и женщины, всегда имѣютъ возможность высмотрѣть другъ друга; опустимъ и такіе случаи, когда какая нибудь купчиха сходится съ однимъ изъ прикащиковъ, или работниковъ ея мужа во время отсутствія послѣдняго, а равно также и примѣры обзаведенія любовникомъ не изъ любви къ искусству, а въ ра-

счетъ на наживу, т. е. когда женщина, попросту говоря, занимается проституціей.

Обратимся къ тѣмъ молодымъ и среднихъ лѣтъ женщинамъ, у которыхъ подходящихъ знакомыхъ, или извѣстныхъ мужчинъ, нѣтъ, а желаніе пожуировать имѣется.

Прежде всего замѣтимъ, что въ нѣдрахъ туземной жизни нѣтъ ничего такого тайнаго, которое въ самомъ же непродолжительномъ времени, хотя бы для нѣкоторыхъ, не стало бы явнымъ. Пронюхаетъ напр. такая бабенка, что въ такомъ то кварталѣ, или на такой то улицѣ, объявилась вдовица, обыкновенно не особенно богатая, но и не очень бѣдная, у которой по вечерамъ собираются гости, мужчины и женщины. Отправившись дамочка у мужа дня на два къ какойнибудь родственницѣ верстъ за 5—10, забираетъ съ собой подносъ съ лепешками, или съ *палау* и летитъ съ этимъ даромъ въ землю обѣтованную. Тамъ она немедленно же соприсчисляется къ лику многочисленныхъ вдовушкиныхъ пріятельницъ и, натѣшившись вдоволь, какъ ни въ чемъ ни бывало возвращается домой. Приноситъ съ собой мужу поклонны отъ родственниковъ и родственницъ, сообщаетъ ему, какъ они поживаютъ; вретъ на пропалую, путается, а вмѣстѣ съ тѣмъ обдумываетъ уже планъ новаго бѣгства, или опять ко вдовицѣ, или въ мѣста, указанныя вновь заведенными пріятелями.

Бываютъ случаи и иного рода. Предположимте, читатель, что вы здѣсь, въ какомънибудь Наманганѣ, знаете сартовскій языкъ и не презираете женщинъ.—Подъ вечеръ, но еще засвѣтло, вы надѣваете халатъ и тюбетейку, дабы возможно меньше походить на русскаго, садитесь на лошадь и шажкомъ отправляетесь колесить по сартовскому городу. Лѣто. Вечеръ душный и пыльный. Солнце только что сѣло. Отовсюду и на разные голоса несется протяжный призывъ *азанчѣй* на молитву—*ахшамъ*. Купцы на дожихъ иноходцахъ разѣзжаются изъ лавокъ и изъ каравансаравъ по домамъ. Женщины въ сѣрыхъ и синихъ *паранджѣй*, съ дѣтями и безъ дѣтей двигаются по улицамъ во всѣхъ направленіяхъ, торопясь прійти домой засвѣтло. Вы направляетесь къ окраинамъ города.

Чѣмъ дальше, улицы становятся все пустыниѣй, а сумерки все гуще и гуще. Вонъ впереди васъ идетъ сартянка

въ новомъ, нарядномъ *паранджѣй*. Вы догоняете ее, въ польголоса начинаете съ пей заговаривать. Только при особенномъ несчастіи для васъ она, или свернетъ въ сторону, или отвернется отъ васъ, прислонится къ стѣнѣ и будетъ ждать въ такомъ положеніи, чтобы вы проѣхали. Гораздо чаще она сначала какъ бы неохотно, а затѣмъ все бойчѣй и развязнѣй вступитъ съ вами въ разговоръ. Вы очень хорошо знаете, что она по меньшей мѣрѣ на половину вретъ, рассказывая вамъ разныя небылицы и про себя, и про своего мужа, но вамъ до этого, разумѣется, никакого дѣла нѣтъ.

Ведя сладкіе разговоры, вы ѣдете, а она идетъ довольно долго; по временамъ, когда встрѣчаются пѣшіе и конные люди, вы расходитесь по разнымъ сторонамъ улицы, дабы соблюсти приличіе.

Между тѣмъ успѣло уже совсѣмъ стемнѣть. Вы очутились въ садахъ, на окраинѣ города; кругомъ ни души. Спутница ваша со вздохомъ объявляетъ, что она, кажется, заблудилась и не знаетъ, какъ ей быть. Вы, натурально, предлагаете ей сѣсть на вашу лошадь позади васъ, убираете лѣвую ногу стремени и нѣсколько наклоняетесь на правый бокъ. Дамочка оглядывается по сторонамъ, вкладываетъ лѣвую ногу въ подставленное вами стремя, хватается за васъ обѣими руками и довольно ловко вспрыгиваетъ на крупъ вашей лошади...

## МНОГОЖЕНСТВО. РАЗВОДЪ. ВДОВСТВО И СМЕРТЬ ЖЕНЩИНЫ.

Религія разрѣшаетъ мусульманину имѣть одновременно не болѣе четырехъ женъ. Разновременное-же число женъ, разрѣшаемыхъ ему шаріатомъ, неограничено. Такъ напр., имѣя уже четырехъ женъ и желая почему-либо жениться въ пятый разъ, онъ долженъ развестись съ одной изъ имѣющихся женъ, и тогда религія не препятствуетъ ему замѣнить еѣ новою. Точно также и женщина, послѣдовательно вдовѣя, или разводясь съ мужьями, можетъ выходить замужъ неограниченное число разъ.



Хозяйкой дома всегда считается старшая, первая жена; на ней лежит общій надзоръ за хозяйствомъ и исполненіе тѣхъ работъ, которыя она сама беретъ на себя; всѣ остальные работы должны исполняться младшими женами по ея указанію. Эти послѣднія зовутъ её *бѣвѣ* (*бибѣ* — старшая сестра, тетка, госпожа) и должны относиться къ ней съ почтеніемъ, какъ къ старшей и ближайшей своей родственницѣ. (Ниже мы увидимъ, что большинствомъ правила эти не соблюдаются). Въ случаѣ смерти, или развода, старшей, первой жены, мѣсто ея заступаетъ обыкновенно не послѣдующая, а та, которую больше любить мужъ.

За глаза жены одного и того же мужа называютъ другъ друга *кундашій*. Слово это можетъ быть переведено такъ: та, съ которой дѣлятся дни. Происхожденіемъ же своимъ терминъ этотъ обязанъ постановленію религіи, а равно и установившемуся на этомъ, законномъ, основаніи обычаю, требующему, чтобы мужъ, имѣющій нѣсколькихъ женъ, спалъ (безъ обязательства иныхъ отпращиваній) съ каждою изъ нихъ не менѣе одного раза въ 4 дня <sup>(1)</sup>.

<sup>(1)</sup> Приводимъ изъ *шаріата* нѣкоторыя, касающіяся даннаго вопроса, статьи.

1. Относительно правъ на пищу, одежду и совмѣстное съ мужемъ сожитіе всѣ жены даннаго лица, какъ мусульманки такъ и имѣющія писаніе (христіанки и еврейки), находящіяся въ здоровомъ разсудкѣ и сумасшедшія, дѣвственницы и недѣвственницы, считаются равными, не взирая на то, здоровъ мужъ, или болѣвъ, находится ли онъ въ здоровомъ разсудкѣ, или же подвергнутъ сумасшествію.

2. Вышеизложенныя права жены, всѣми признаваемыя за нею относительно пищи, питья, одежды и совмѣстнаго сожитія съ мужемъ, въ отношеніи привлеченія послѣдняго къ отпращиванію имъ супружескихъ обязанностей (фактич. сожит.) остаются спорными.

3. По нѣкоторымъ толкователямъ закона, въ случаѣ одной жены за ней признается право требовать отъ мужа совмѣстнаго проведенія съ ней одной ночи въ теченіи четырехъ сутокъ, однако же безъ обязательности совокупленія.

4. Обладаніе двумя и болѣе женами разрѣшается тому только, кто надѣется волюбѣ удовлетворить своихъ женъ въ отношеніи пищи, питья, одежды и фактическаго съ ними сожитія.

Въ большинствѣ случаевъ всѣ жены живутъ вмѣстѣ (на одномъ дворѣ), при мужѣ, имѣя однако-же отдѣльныя комнаты. У богатыхъ людей, имѣющихъ земли и иную недвижимую собственность въ разныхъ кишлакахъ, или даже городахъ, жены нерѣдко живутъ врознь, каждая на томъ хуторѣ, или на той землѣ, которая ближе къ ея мѣсту рожденія. Особенно часто это практиковалось между прежними ханскими служилыми людьми. Молодой человекъ изъ хорошей фамиліи, положимъ въ Наманганѣ, женится и обзаводится хозяйствомъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ поступаетъ на службу; требуютъ его въ Кокань, къ ханскому двору. Родня его жены не соглашается на отъѣздъ послѣдней въ Кокань. ъдетъ онъ туда одинъ. Часто бывать въ Наманганѣ за службой не приходится; тогда онъ пріобрѣтаетъ въ Коканѣ домъ, или садъ, заводитъ хозяйство и беретъ вторую жену. Черезъ годъ, или два, его назначаютъ въ Ошъ. Ни Кокандская, ни Наманганская жена ѣхать туда не соглашаются. Это заставляетъ его въ Ошѣ жениться на третьей женѣ.

То-же самое происходитъ иногда и теперь. Женатый уже горожанинъ пріобрѣтаетъ въ кишлакѣ, верстахъ въ 30—40 отъ города, землю и заводитъ тамъ хозяйство. Присмотрѣвъ за послѣднимъ нѣкому, такъ какъ самъ онъ занятъ торговыми и другими дѣлами въ городѣ. Тогда онъ женится въ данномъ кишлакѣ. Жена помѣщается: или на вновь пріобрѣтенной землѣ своего мужа, если тамъ имѣется помѣщеніе, или остается жить у своихъ родителей, которымъ поручается главный надзоръ за вновь устроеннымъ хозяйствомъ.

Если, женись на одной изъ послѣдующихъ женъ, мужъ не можетъ почему либо взять её къ себѣ въ домъ, то она остается жить у своихъ родителей, а онъ обязанъ выдавать ей содержаніе, при чемъ ходитъ или ѣздитъ къ ней на домъ.

5. Право на проведеніе съ мужемъ одной, или нѣсколькихъ очередныхъ ночей, по добровольному соглашенію можетъ быть уступлено одной женою другой, при чемъ данное обѣщаніе этого рода всегда можетъ быть взято обратно.

Мужу, имѣющему нѣсколькихъ женъ, религія совѣтуетъ относиться ко всѣмъ имъ совершенно одинаково, дабы не возбуждать между ними зависти и недружелюбія; религія рекомендуетъ ему, давая одежду одной женѣ, точно такую же одежду давать и другимъ. Правило это, конечно, никогда почти не соблюдается, а потому, при общей для большинства сартовскихъ женщинъ склонности къ ссорамъ и перебранкамъ, очень и очень рѣдки примѣры мирнаго совместнаго пребыванія нѣсколькихъ женъ подъ кровомъ ихъ мужа.

Береть сартъ вторую жену. Въ самомъ же непродолжительномъ времени старшей начинаетъ казаться, что ея новая *кундаши*, во первыхъ, ничего не дѣлаетъ, а во вторыхъ, относится къ ней крайне неуважительно. Въ наказаніе она перестаетъ давать второй женѣ хлѣбъ. Та жалуется мужу. Мужъ, болѣе сострадательный къ новой, молодой женѣ, накидывается на старшую. Старшая накидывается на младшую. Эта, чувствуя себя не вполне лишенной защиты, пріободряется и въ свою очередь тоже не даетъ спуску. Начинается ежедневная ругань. Мужъ сначала пробуетъ унять и примирить враждующія стороны. Не тутъ-то было. Чѣмъ дальше, тѣмъ перебранки становятся все болѣе и болѣе ожесточенными. Однажды мужъ тоже ожесточается, дунитъ обѣихъ женъ и велитъ имъ готовить пищу каждой отдѣльно. (Точь въ точь такую исторію мы наблюдали въ богатой сартовской семьѣ, глава которой занимала очень видное, по здѣшнему, общественное положеніе).

Нужно ли говорить о томъ, что, при малѣйшей невоздержанности со стороны одной изъ женъ, поводовъ къ ссорамъ и перебранкамъ, въ родѣ описанной выше, всегда найдется очень много. Одна очень красивая сартянка, мужъ которой взялъ себѣ вторую жену, говорила намъ, что она жила бы со своей *кундаши* въ мирѣ, если бы та была хоть не много получше. „Она такъ дурна собой и такъ глупа, что мнѣ совѣстно называть ея своею *кундаши*. Вотъ причина, почему я ея ненавижу“, говорила оскорбленная красавица.

Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ удовольствіе имѣть нѣсколькихъ женъ покупается очень дорогой цѣной, при чемъ далеко не рѣдки примѣры того, какъ, наскучивъ постоянными семейными дразгами, сартъ разводится съ лич-

ними женами, оставляетъ при себѣ лишь одну изъ нихъ, наиболѣе подходящую и навсегда клятвенно отрекается отъ многоженства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію большинства сартовъ возможность мирной совместной жизни нѣсколькихъ женъ находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ такта и покладистости, какъ самого мужа, такъ и его старшей жены.

Не согласиться съ этимъ мнѣніемъ не можемъ, ибо намъ нѣсколько разъ случалось видѣть примѣры, доказывающіе собою резонность такого воззрѣнія. Такъ напр. мы знали семью, состоявшую изъ мужа и трехъ женъ, изъ которыхъ у первой было четверо малолѣтнихъ дѣтей, а двѣ младшія тогда были еще бездѣтными и исполняли всѣ домашнія работы, предоставляя старшей только заботы о ея дѣтяхъ. Обѣ послѣднія жены послѣдовательно были взяты по настоянію первой, на рукахъ которой до того времени были и дѣти, и дойный скотъ, и всѣ др. домашнія работы. Прося мужа взять еще одну, или двухъ, женъ, она прямо указывала ему на необходимость ввода въ домъ еще одной или двухъ работницъ, замѣнить которыхъ въ данномъ случаѣ было совершенно не кѣмъ, такъ какъ въ кишлакахъ достать служанку, *акъ-чачъ*, очень трудно, а подходящихъ родственницъ не было. Намъ обоимъ приходилось и слышать о жизни этой семьи, и часто пріѣзжать туда, иногда совсѣмъ невзначай.

Никогда не случалось наталкиваться на семейныя бури; наоборотъ, нельзя было не удивляться тѣмъ дружескимъ отношеніямъ, которыя существовали между всѣми тремя женами и тому, какъ удалось имъ устроить свою жизнь безъ ругани и ссоръ, не смотря на то, что въ отношеніи домашнихъ работъ старшая жена пользовалась большими, сравнительно, преимуществами.

Въ другой зажиточной, купеческой семьѣ, по тѣмъ же почти причинамъ, что и выше, жена сама сватала мужу вторую супругу, при чемъ главное ея вниманіе было обращено на то, что бы будущая ея *кундаши* была работяща и имѣла бы хорошій, уживчивый характеръ.

Къ сожалѣнію намъ осталось неизвѣстнымъ, какъ устро-

илась послѣдующая жизнь этой семьи послѣ ввода въ нее второй жены.

И такъ, хотя и рѣдко, но бывають всетаки случаи, когда сожителство нѣсколькихъ женъ не вызываетъ ни ссоръ, ни семейныхъ дразгъ, и когда старшая жена не противится послѣдующимъ женитьбамъ мужа, но даже и поощряетъ его къ этому. (Есть, впрочемъ, еще одно условіе, при которомъ двѣ жены одного и того же мужа не только живутъ въ мирѣ, но даже и сдружаются; это происходитъ тогда, когда у одной изъ нихъ есть любовникъ, а другая покровительствуетъ этой связи, извлекая изъ нея свои личныя выгоды. Мы знали два такихъ примѣра. Въ одной семьѣ покровительницей являлась старшая жена, а въ другой младшая).

Однако-же на случаи мирнаго сожитія нѣсколькихъ женъ слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на исключенія, ибо наибольшая часть видѣнныхъ и извѣстныхъ намъ примѣровъ практики многоженства отличается совершенно обратнымъ характеромъ.

Старшая жена всегда почти возстаетъ противъ послѣдующихъ женитьбъ мужа и всеми правдами и неправдами старается помѣшать заключенію этихъ браковъ.

Громадное большинство послѣднихъ заключается противъ желанія старшихъ женъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ уставовъ религіи; хотя послѣдняя и разрѣшаетъ мусульманину имѣть одновременно четыре жены, но въ тоже самое время она обязываетъ его брать вторую жену не иначе, какъ съ согласія на то первой.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ данныхъ для мирнаго житія нѣсколькихъ женъ подъ одной крышей всегда имѣется очень мало, тѣмъ болѣе что сартовская женщина—одна изъ очень задорныхъ.

Вотъ причины, почему большинство туземцевъ, имѣющихъ нѣсколькихъ женъ, всегда стараются устроить каждую изъ нихъ по возможности отдѣльно; если всѣ жены и живутъ на одномъ дворѣ, то онѣ, не только имѣють отдѣльныя помѣщенія, но и пищу варять каждая отдѣльно, дабы имѣть возможно меньшее число точекъ соприкосновенія. Вполнѣ естественно, что подобнымъ условіямъ, требующимъ большихъ сравнительно денежныхъ и другихъ затратъ, могутъ удовлетворить немногіе лишь мужья, а потому, по необходимости,

и правомъ многоженства пользуются тоже лишь немногіе.

Обращаясь къ туземной жизни, мы видимъ, что многоженства въ городахъ, гдѣ скопляется масса пролетаріевъ, охотно отдающихъ своихъ дочерей за самый ничтожный *калѣнъ*, практикуется значительно чаще, чѣмъ въ кишлакахъ, а повсемѣстно зажиточнымъ населеніемъ не сравненно чаще, чѣмъ малосостоятельнымъ и бѣднымъ. Что же касается до малосостоятельныхъ и бѣдныхъ кишлачныхъ, сельскихъ семей, то среди ихъ одновременное обладаніе двумя или нѣсколькими женами случается лишь какъ рѣдкое исключеніе. Это совершенно понятно, впрочемъ, потому что при всѣхъ приведенныхъ выше условіяхъ въ этой части мѣстнаго населенія многоженство должно влечь и на самомъ дѣлѣ влечетъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, къ одному лишь разоренію.

У зажиточнаго сельскаго населенія двоеженство болѣе часто практикуется тѣми *каракамаками*, *кипчаками* и недавно осѣвшими *киргизами*, у которыхъ одновременно съ болѣе или менѣе значительными запашками, находящимися на днѣ долины, имѣется еще и скотъ, уходящій ежегодно лѣтомъ на горныя пастбища. Въ этихъ семьяхъ одна жена находится постоянно при землѣ, а другая весну, лѣто и часть осени проводитъ въ предгорьяхъ и горахъ со скотомъ.

Въ средѣ богатаго, особенно городскаго, населенія обладаніе нѣсколькими женами является своего рода шикомъ, необходимою, обязательной для каждаго приличнаго и состоятельнаго человѣка также, какъ у насъ напр. считается шикомъ обладаніе красивой и дорого стоящей актрисой и пѣвицей; но громадная разница между двумя этими явленіями лежитъ въ послѣдствіяхъ подобныхъ сожителствъ для обѣихъ женщинъ. Въ то самое время какъ наша содержанка, будучи прогнанной, поступаетъ въ разрядъ чуть не парій человѣчества, одна изъ четырехъ женъ мусульманина, разведясь со своимъ мужемъ, не только не теритъ даже и малѣйшей частицы своихъ человѣческихъ правъ, всегда и безъ большого труда находя себѣ другаго мужа но, наоборотъ, выигрываетъ даже въ томъ отношеніи, что становится вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, такъ какъ надъ ней не тяготѣють болѣе ни власть родителей, ни экономическая зави-

симость отъ послѣдующихъ мужей, которые женятся на ней въ большинствѣ случаевъ уже безъ уплаты *кадына*.

Впослѣдствіи отношенія туземцевъ къ многоженству, по всей вѣроятности, видоизмѣнятся; очень возможно, что если только условія развода чѣмъ либо не осложнятся, то случаи многоженства даже и значительно уменьшаться, но это дѣло будущаго, а потому скажемъ: *qui vivit — veget*.

Гораздо интереснѣе и назидательнѣе прошлое этого явленія.

Прежде во времена хановъ, каждый жилъ подъ болѣе или менѣе тяжелымъ клерикально—правительственнымъ гнетомъ<sup>(1)</sup>. Духовенство (книжники и фарисеи вѣтхозавѣтной жизни) напоминало правительству о необходимости строгаго охраненія религіи, устоевъ теократическаго государства, а обществу оно предлагало наблюдать за своими сочленами, внушать, увѣщевать, не допускать, а въ случаѣ нужды и представлять къ начальству. Каждый, занимавшій сколько нибудь солидное общественное положеніе, конечно, не рѣшался компрометировать себя тѣмъ или другимъ запретнымъ поступкомъ, а при нуждѣ искалъ такого пути, такого выхода, который давался бы ему самимъ *шаріатомъ* и былъ бы слѣдовательно законнымъ. Наскучивъ женою, чувствуя потребность, или по крайней мѣрѣ влеченіе, къ новымъ, свѣжимъ впечатленіямъ, онъ бралъ вторую жену. Зачѣмъ было ему рисковать жизнью или хотя бы шкурой, заводя любовницу, когда *шаріатъ* указывалъ ему въ этомъ случаѣ иной, гораздо болѣе удобный и вполнѣ легальный путь, особенно если къ тому же имѣлись и достаточныя матеріальныя средства.

Все сказанное, касаясь только обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи людей, конечно, отнюдь не устраняло ни любовныхъ похиженій; ни проституціи такъ какъ наравнѣ съ легальнымъ многоженствомъ всегда имѣлись условія для существованія и этихъ послѣднихъ явленій; тѣмъ не менѣе менторское направленіе и карательная политика ханскихъ правительствъ вели прямо къ расширенію въ обществѣ предѣ-

<sup>(1)</sup> Ибо каждое мусульманское государство прежде всего есть государство теократическое.

ловъ практики многоженства также, какъ и къ привитію въ немъ обычая въ родѣ *батчѣй*, при чемъ главнѣйшими вводителемъ этихъ модъ и обычая всегда являлись тѣже ханы, у которыхъ и женъ, и *батчѣй*, и наложницъ въ буквальномъ смыслѣ слова было безъ числа.

Такимъ образомъ мало по малу устоявились отношенія къ многоженству какъ къ такому учрежденію, при посредствѣ котораго половыя прихоти, и потребности мужчины могутъ удовлетворяться вполнѣ законнымъ образомъ, и которое въ тоже самое время можетъ до нѣкоторой степени играть роль вывѣски общественнаго положенія даннаго лица.

Оттого и до сихъ поръ, слѣдуя по инерціи привычекъ и традиціямъ добраго стараго времени, каждый почти сартъ, не вкушившій еще обычныхъ сладостей многоженства, стремится къ послѣднему въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда обладаетъ сколько нибудь сноснымъ достаткомъ.

Лишь наиболѣе благоразумные, или наученные горькимъ опытомъ, или въ достаточной мѣрѣ насмотрѣвшіеся и слышавшіеся о прелестяхъ сожителства съ нѣсколькими женами заразъ, или, наконецъ, наиболѣе расчетливые, говорятъ въ сердцѣ своемъ: „пусть другіе заводятъ хоть по десяти женъ, а ужъ я обойдусь лучше какъ нибудь съ одной. Коли и съ этой-то подчасъ ладу нѣтъ, что же съ двумя-то будетъ! Нѣтъ, други милые, хотите жениться, женитесь, а меня не проведешь—дудки!“.

Нѣкоторымъ наука эта достается такъ дорого, что даже дѣтямъ, и тѣмъ зарекаются брать больше одной жены, разумѣется, одновременно.

И такъ въ богатыхъ классахъ многоженство практикуется главнымъ образомъ какъ средство или способъ легальнаго удовлетворенія требованій комфорта и прихотей мужчины; въ зажиточныхъ — оно даетъ возможность или введенія въ домъ нѣсколькихъ работницъ, или снабженія хозяйками нѣсколькихъ хозяйствъ, принадлежащихъ одному и тому же лицу, по находящихся или ведущихся въ разныхъ мѣстахъ; въ бѣдныхъ классахъ, гдѣ хозяйство обыкновенно очень несложно, а помысленія о комфортѣ, разумѣется, отходятъ на задній планъ, многоженство практикуется, особенно въ кибиткахъ, сравнительно очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе бывають все таки случаи, когда бѣсълюбопытствія овладѣваетъ бѣд-

никакомъ и онъ заводитъ двухъ—трехъ женъ не смотря на то, что и одной то досыта накормить ему нечѣмъ. Такъ около кишлака Нанай мы знали двѣ киргизскихъ семьи, изъ которыхъ въ каждой было по двѣ жены, при чемъ вторыя были взяты подъ предлогомъ бездѣтности первыхъ.

Имущество первой, бездѣтной, семьи состояло изъ кибитки (юрты), 4-хъ лѣтняго жеребенка и одной коровы; земли не было; мужъ занимался очень малоприбыльной охотой (въ горахъ) и выдѣлкой деревянной посуды.

Въ другой семьѣ земли также не было; имѣлись: плохенькая, продыравленная кибитка, двѣ дойныхъ козы и трое дѣтей; мужъ занимался углеобжиганіемъ.

Кромѣ такихъ поведеній къ многоженству какъ стремленіе къ комфорту, или желаніе ввести въ домъ лишнюю работницу, предлогами, выставляемыми мужчиной очень часто являются еще: 1) бездѣтность первой жены; 2) отсутствіе у нея сына и 3) то обстоятельство, что первая жена была взята въ замужество не дѣвушкой, а вдовой или разведенной<sup>(1)</sup>.

Мы сказали, что старшая жена всегда почти относится къ послѣдующимъ бракамъ своего мужа враждебно, а вмѣстѣ съ тѣмъ религія совѣтуетъ и даже обязываетъ мусульманина брать вторую жену не иначе, какъ съ согласія первой, при чемъ точно такіе же дары, какіе дѣлаются невѣстѣ, будущей второй женѣ, мужъ обязанъ сдѣлать и первой; другими словами, столько же, сколько онъ тратитъ на свою вторую свадьбу, онъ долженъ дать первой женѣ или въ видѣ денегъ или въ видѣ иныхъ подарковъ.

Намъ извѣстно нѣсколько такихъ примѣровъ, когда вторичный бракъ служилъ поводомъ и причиною развода по инициативѣ первой жены, не соглашавшейся на вторичный бракъ мужа. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ огорчен-

<sup>(1)</sup> Читателю извѣстно уже о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ у туземцевъ къ безплодію женщины, къ рожденію дѣтей вообще и мальчиковъ въ особенности, а также и о томъ повѣрѣіи, что жена, взятая вдовой или разведенной, въ будущей жизни отойдетъ къ первому изъ своихъ мужей. Отсюда для такого мужа являются: во первыхъ, опасеніе остаться на томъ свѣтѣ безъ жены, а во вторыхъ, желаніе взять вторую жену изъ дѣвушекъ.

ная жена не только развелась со своимъ невѣрнымъ супругомъ, но даже предварительно, въ день второй его свадьбы, нанесла ему еще и заушеніе. Разводъ состоялся черезъ нѣсколько дней и тѣмъ болѣе легко, что женщина была состоятельна, имѣла свой домъ, садъ и землю.

Не вдаваясь въ подробный разборъ теоретической стороны довольно сложнаго и запутаннаго мусульманскаго бракоразводнаго права, мы ограничимся лишь общимъ и по возможности краткимъ сводомъ главнѣйшихъ частныхъ случаевъ мѣстной, туземной практики разрѣшенія этого вопроса.

Разводъ (*талакъ*) совершенно свободенъ въ томъ случаѣ, если совершается съ обоюднаго согласія обоихъ супруговъ.

Жена имѣетъ право требовать развода въ ниже слѣдующихъ случаяхъ:

1) если мужъ безпричинно нанесетъ ей побои съ оставленіемъ ясно видимыхъ знаковъ на тѣлѣ;

2) если мужъ безъ ея позволенія (или согласія) беретъ вторую жену;

3) если онъ въ теченіи шести мѣсяцевъ не даетъ ей пропитанія;

4) если онъ увозитъ ея (безъ ея согласія) изъ мѣста постоянного жительства на разстояніе большее трехдневнаго пути;

5) если онъ впадетъ въ сумасшествіе;

6) если онъ окажется прокаженнымъ (*махдун*).

Предварительное расторженіе брака достигается произнесеніемъ (супругами или однимъ изъ супруговъ) слова *талакъ*, послѣ чего религія совѣтуетъ переждать три дня. Время это дается обомъ для того, чтобы обдумать предстоящій шагъ. Если въ теченіи означеннаго срока примиренія не произойдетъ, супруги отправляются къ *казы*, заявляютъ ему при законномъ числѣ свидѣтелей о своемъ рѣшеніи развестись и получаютъ разводный документъ.

Если разводъ совершается по желанію мужа безъ уважительныхъ на то причинъ, послѣдній долженъ выдать удаляемой имъ женѣ *мэхръ* и кромѣ того лишается права требовать возвращенія ему *калына* или расходовъ по свадьбѣ.

Если же такой разводъ произошелъ по настоянію жены, она лишается права на *мэхръ* и кромѣ того должна возвратить мужу уплаченный имъ за нее *калынь*.

Въ отношеніи возможности возстановленія расторгнутаго брака по послѣдствіямъ своимъ разводъ подраздѣляется на два главнѣйшихъ вида:

1) если при совершеніи его слово *талікъ* было произнесено одинъ или два раза, *шаріатъ* допускаетъ простое примиреніе между разошедшимися супругами и не препятствуетъ возстановленію брака безъ совершенія новаго обряда бракосочетанія;

2) если же при совершеніи развода слово *талікъ* было произнесено три раза, бракъ считается окончательно расторгнутымъ, а разведенная можетъ вступить въ новый бракъ со своимъ прежнимъ мужемъ не ранѣе того, какъ, выйдя замужъ за другого, разведется съ этимъ послѣднимъ.

Въ этомъ случаѣ прежній мужъ женится на ней какъ на посторонней уже женщинѣ, а не какъ на разведенной съ нимъ женѣ, при чемъ для того, чтобы бракъ этотъ былъ законнымъ, необходимо долженъ быть совершенъ новый обрядъ бракосочетанія.

По совершеніи развода женщина уходитъ отъ мужа и поселяется или у кого либо изъ ближайшихъ родственниковъ, или въ своемъ собственномъ домѣ, если такой имѣется.

Право на вступленіе во вторичный бракъ, если она не беременна, разведенная съ мужемъ женщина получаетъ лишь по истеченіи періода трехъ мѣсячныхъ очищеній. (Коранъ. Глава 2. ст. 228). Срокъ этотъ называется *иддъ*; установленъ же онъ для того, чтобы не было сомнѣній въ происхожденіи перваго ребенка, рождающагося послѣ совершенія развода.

Въ томъ случаѣ, если разводъ застаётъ женщину въ сосостояніи беременности, вторичный бракъ ея откладывается до разрѣшенія ея отъ бремени. (Коранъ. Глава 65. ст. 4).

Въ случаѣ развода супруговъ жена имѣетъ право удерживать при себѣ малолѣтнихъ дѣтей до достиженія ими 7 лѣтняго возраста, при чемъ средства для воспитанія должны давать ихъ отецъ. Отобратъ малолѣтнихъ дѣтей отъ матери до достиженія ими 7 лѣтняго возраста отецъ можетъ въ томъ случаѣ, если послѣ развода съ мужемъ она вступить въ новое супружество.

Въ случаѣ отсутствія матери вышеприведенныя права ея на малолѣтнихъ дѣтей переходятъ или къ бабушкѣ съ материнной стороны, или ко взрослой (правоспособной) сестрѣ

этихъ дѣтей, или къ ихъ теткѣ съ материнной стороны; только за отсутствіемъ этихъ трехъ родственницъ, данныя права переходятъ къ теткѣ съ отцовой стороны.

По достиженіи 7 лѣтняго возраста отецъ имѣетъ право взять ребенка къ себѣ; по достиженіи совершеннолѣтія сынъ живетъ, гдѣ хочетъ, а дочь должна жить при отцѣ или дѣдѣ съ отцовой стороны.

Однако же по взаимному соглашенію дѣти могутъ быть раздѣлены разводящимися супругами, причемъ мальчики обыкновенно остаются у отца, а дѣвочки уходятъ съ матерью.

Со смертью мужа всѣ обязательства, лежащія на женщинѣ по части *кальина*, рушатся. Женщина дѣлается вполнѣ свободной; лишь общественныя приличія не допускаютъ особенно скорого выхода ея замужъ, почему она переживаетъ обыкновенно около года до 1½ или даже до 2 лѣтъ<sup>(1)</sup>.

Вдова — сартянка, смотря по обстоятельствомъ, или продолжаетъ жить въ домѣ, оставшемся ей и дѣтямъ отъ мужа, или же уходитъ жить куда либо на сторону.

Если дѣти уже взрослые, имущество, оставленное отцомъ, обыкновенно немедленно же дѣлится и старуха вдова или поселяется у одного изъ своихъ дѣтей, или устраивается у кого либо изъ родственниковъ. (О положеніи ея здѣсь мы говорили уже выше).

При малолѣтнихъ дѣтяхъ она побольшей части остается жить въ домѣ мужа и, если не особенно стара, то черезъ годъ, черезъ два по большей части вновь выходитъ замужъ. Случай ея выхода въ замужество на 40 и даже 45 году, смотря потому, на сколько она сохранилась, далеко не рѣдки, особенно же если она обладаетъ домомъ, садомъ или другой какой либо собственностью, приносящей болѣе или менѣе постоянный и обеспеченный доходъ.

Трауръ (синяя рубаха; темный халатъ, а во время оплакиванія синій кушакъ) сартянка носитъ по мужѣ отъ 4 мѣсяцевъ до одного года. У большинства трауръ снимается послѣ того, какъ будутъ справлены годовые поминки.

(1) У кочевого населенія положеніе вдовы совсѣмъ иное. Тамъ она обязана сочетаться бракомъ съ однимъ изъ братьевъ покойнаго ея мужа.

Выше мы упоминали уже о томъ что большинство сартовскихъ старухъ очень подвижны, дѣятельны и работащи. Наибольше быстро и замѣтно сартовская женщина отцвѣтаетъ въ возрастѣ между 18 и 25 годомъ; далѣе въ особенности послѣ 30 лѣтъ, явленія наружнаго устарѣванія идутъ очень медленно и послѣдовательно, а измѣненія въ ея нравственномъ мѣрѣ становятся почти незамѣтными. Энергичная, всегда готовая поболтать и посмѣяться, охотница до всевозможныхъ женскихъ сборницъ, бодрая и работающая въ 40, въ 45 лѣтъ она остается такою же почти до самой смерти, лѣтъ до 55, до 60, если только ея не разслабитъ какая нибудь случайная, тяжелая болѣзнь.

Примѣры достиженія 70—80 лѣтняго возраста, далеко не рѣдкіе между мужчинами, въ отношеніи женщинъ являются лишь какъ исключенія. (Въ кинлакѣ Ахтамъ намаганскаго уѣзда мы знали старуху 90 лѣтъ; мужу ея было за 100. Она продолжала еще прядь, а онъ ткалъ *матю*. Разумѣется, къ работамъ этимъ оба относились лишь какъ къ развлеченію).

Фаталисты вообще, по достиженіи преклоннаго возраста и мужчина, и женщина одинаково съ замѣчательнымъ спокойствіемъ встрѣчаютъ смерть, вѣруя въ то, что *аджалъ*, часъ смерти, предвѣчно предопредѣленъ для каждаго человека въ книгѣ судебъ, и что никакія силы не могутъ отдалить этого срока даже и на мгновеніе. Разъ намъ пришлось присутствовать при смерти одного, не стараго еще *муллы*. Онъ умиралъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему наканунѣ ночью разбойниками, не потерявъ почти до конца жизни сознанія. Съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, не обращая болѣе никакого вниманія на окружавшихъ его, тихимъ, замѣтно слабѣвшимъ голосомъ онъ самъ читалъ себѣ отходную.

Какъ только наступитъ смерть, окружающіе покойника или покойницу немедленно же приступаютъ къ оплакиванію.

На воили и причитанія начинаютъ понемногу сходиться сосѣди; знакомымъ и родственникамъ даютъ знать о томъ, что такой то или такая-то *каза кылды* — совершила предопредѣленное ей. (Услышавъ такое извѣстіе говорятъ: *Худай размиштъ буасунъ* — Богъ да будетъ (къ нему или къ ней) милостивъ).

Одновременно съ этимъ покойнику или покойницѣ подвязываютъ косышкой нижнюю челюсть, дабы ротъ не остался открытымъ, закрываютъ вѣки, вытягиваютъ руки вдоль боковъ и покрываютъ трупъ кускомъ какой либо матеріи.

Тѣмъ временемъ собираются родственники и знакомые; приходятъ *югуй*, омывальщики или омывальщицы труповъ. Женщины проходятъ во внутренней дворъ, а мужчины собираются въ *михманханъ*. И тутъ, и тамъ идетъ оплакиваніе. Мужчину оплакиваютъ и женщины; женщину женщины же и лишь ближайшіе родственники: мужъ, сыновья, братья.

Мужа и жену оплакиваютъ словами: *„юлюмъ-дй!“* (о, мой цвѣтокъ!) или *„ашукымъ ой“* (о, моя любовь!) Возгласы эти (и подобные имъ) выкрикиваются на распѣвъ, подражая плачу, а въ промежуткахъ между ними воютъ и стонутъ безъ словъ.

Въ зажиточныхъ семьяхъ всѣмъ собравшимся на похороны раздають кусочки колена коры или другой бумажной матеріи съ завернутыми въ нихъ мелкими монетами.

Омовеніе трупа производится по большей части одними только *югуй*, всегда въ отдѣльной комнатѣ. Такъ какъ прикосновеніе къ покойнику считается оскверняющимъ человека, то *югуй* надѣваютъ на руки маленькіе мѣшки, замѣняющіе собой рукавицы. Омывъ раздѣтый донага трупъ, на него надѣваютъ саванъ, приготовляемый изъ бѣлой бумажной матеріи и имѣющій видъ мѣшка, открытаго съ обоихъ концовъ. Надѣвъ саванъ на трупъ, открытые концы его завязываютъ надъ головой и у (подошвѣ) ногъ. Затѣмъ трупъ кладутъ на длинныя, похоронныя носилки, покрываютъ послѣднія простыней (иногда какими нибудь матеріями, халатами, *паранджй* покойницы) и выносятъ на наружный дворъ. Здѣсь въ присутствіи всѣхъ собравшихся мужчинъ *имамъ* читаетъ *джаназю* (нѣчто вродѣ нашей панихиды), по окончаніи которой всѣ присутствующіе произносятъ надъ покойникомъ послѣдній *селамъ* <sup>(1)</sup>.

До кладбища носилки съ трупомъ или везутся людьми, или ставятся на арбу. Сопровождающіе, одни только муж-

(1) Хоронить стараются въ день смерти или не позже слѣдующаго утра.

чины, имѣютъ въ правой рукѣ посохъ и синій платокъ. По дорогѣ на кладбище оплакиваніе совершается, сравнительно рѣдко, только въ случаяхъ смерти богатыхъ мужчинъ; обыкновенно же похоронная процессія двигается въ молчалии.

Могила имѣетъ видъ большой и глубокой ямы, не менѣе человѣческаго роста въ глубину, вдоль западнаго края дна которой выдѣлывается ниша, идущая въ направленіи съ сѣвера на югъ. По прибытіи похоронной процессіи на кладбище, трупъ, покрытый простынею, спускается въ могилу, при чемъ простыню эту держать за края и углы надъ отверстиемъ могилы все то время, пока могильщики не уложатъ покойника въ нишу. Здѣсь трупъ укладывается на спину, головой къ сѣверу. Отверстіе ниши закладывается кирпичами или камнями, а яма засыпается землей. Затѣмъ *имамъ* читаетъ молитву и всѣ расходятся по домамъ.

Женщины отправляются на могилу на слѣдующій день рано утромъ и воютъ здѣсь также, какъ и на дому.

*Юрты* за свою работу получаютъ или деньги, или небольшое платье покойницы. Если у послѣдней дочерей не было то мужъ продаетъ оставшіяся отъ нея вещи и дѣлаетъ на эти деньги поминки.

Тѣмъ изъ родственницъ, которыя плачутъ по покойницѣ, отдаютъ *параджы* или что нибудь и изъ ея стараго платья.

На третій день (*урт*) родные и наиболѣе близкіе изъ знакомыхъ собираются на поминки. Кроме угощенія здѣсь происходитъ еще и специальное оплакиваніе покойника или покойницы женщинами. Для этого надѣваются траурные рубахи, подпоясываются синими кушаками и берутъ въ правую руку посохъ и синій платокъ.

По одной (поочередно) или всѣ сразу онѣ становятся по серединѣ комнаты и, прилясывая, начинаютъ выть и причитать также, какъ и въ день похоронъ. (1). Зачастую во время исполненія обряда этой тризны женщины входятъ въ такой экстазъ, что начинаютъ царапать себѣ лицо, рвать волосы и пр.

(1) Этотъ обрядъ, кажется, совсѣмъ не практикуется въ другихъ частяхъ средней Азии.

Первые три дня пища въ домѣ покойника или покойницы, будь то хотя бы и ребенокъ, не готовится, а доставляется сосѣдями и родственниками.

На шестой или на седьмой, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сороковой день снова собираются родственники и родственницы. Одна изъ женщинъ моетъ бѣлье семьи покойнаго или покойницы. Всѣ собравшіеся получаютъ угощеніе и по куску мыла, которое раздается имъ для мытья того ихъ бѣлья, въ которомъ они присутствовали на похоронахъ. Обычай этотъ называется *кыр* (грязь, грязное бѣлье).

Въ состоятельныхъ семьяхъ въ теченіи сорока дней горитъ ночникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ или гдѣ былъ обмытъ покойникъ.

Послѣдующіе поминки дѣлаются на сороковой день и въ годовщину смерти усопшаго.

## ПРОСТИТУЦІЯ.

Читателю извѣстно уже, что во времена ханскаго владычества мусульманское правительство и его агенты, однимъ изъ которыхъ за частую являлось само общество, преслѣдовали казнями не только проституцію, но даже и простое, такъ называемое, прелюбодѣяніе; тѣмъ не менѣе то и другое практиковалось отнюдь не рѣдко, такъ какъ уличить мужчину или женщину въ данномъ преступленіи представлялось не всегда удобнымъ и даже возможнымъ (1), а въ мотивахъ толкавшихъ женщину на путь проституціи или незаконной связи съ мужчиною, прежде, также какъ и теперь, недостатка не было. Большинство мужчинъ всегда было склонно къ разнообразію своихъ впечатлѣній въ сферѣ половой жизни; женщины, большія охотницы до любовныхъ похощеній и всяческихъ усладъ этого норадка, никогда не были прочь даже отъ самыхъ мелкихъ подарковъ, такъ какъ у большинства ихъ личныя матеріальныя средства, находившіяся и находящіяся въ полной почти зависимости отъ му-

(1) См. Коранъ. Глава 4. ст. 19 и Глава 24. ст. 4—9.



жей, никогда не были въ положеніи настолько хорошемъ, чтобы ими могли удовлетвориться потребности и прихоти женскаго кокетства; молодыя жены тѣхъ лицъ, у которыхъ супругъ было по нѣскольку, также какъ и теперь за частую оставались слишкомъ мало удовлетворенными, а бѣдность, встрѣчавшаяся отнюдь не рѣже теперешняго, заставляла женщину пробовать всё имѣвшіеся въ ея рукахъ средства для борьбы съ нищетой. Такимъ образомъ вся разница между прошлымъ и настоящимъ состоитъ въ томъ, что прежде страхъ казни заставлялъ женщину и мужчину быть крайне осторожными, почему и самая проституція имѣла исключительно тайный характеръ, тогда какъ теперь она практикуется въ обоихъ своихъ видахъ. Были, впрочемъ, и прежде такіе историческіе моменты, когда тайная проституція, поощряемая эпикурейцами ханами, разрасталась, но крайней мѣрѣ въ самомъ Коканѣ, до степени грандіозности, какъ напр. во время царствованія Мадали-хана. (См. Краткую исторію Кокандскаго ханства. В. Наливкинъ. Изданіе 1886 г.).

Теперь предаваясь воспоминаніямъ недалекаго еще прошлаго, сарты старательно увѣряютъ насъ, что до прихода русскихъ благодаря-де строгости и бдительности ханскаго правительства не только не существовало проституціи, но даже и случаи незаконныхъ связей являлись будто бы чрезвычайно рѣдкими исключеніями. Вѣрить этимъ рассказамъ нѣтъ ни какой возможности, такъ какъ и туземныя сочиненія по части исторіи Кокандскаго ханства и исторіи первыхъ же дней нашего существованія здѣсь говорятъ намъ совсѣмъ иное. Приведемъ нѣсколько фактовъ. Какъ только осенью 1875 года были заняты правый берегъ Сырь-Дарьи (нынѣшніе Чустскій и Наманганскій уѣзды) проститутки, по большей части жены, доставлялись своими мужьями въ нашъ отрядъ, расположенный въ г. Наманганѣ въ очень большомъ сравнительно количествѣ и безъ особеннаго труда. Въ началѣ слѣдующаго 1876 года мы знали уже русскихъ, обзаведшихся сартианками, при чемъ послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, были довольны своимъ положеніемъ, такъ какъ новая ихъ матеріальная обстановка была неизмѣримо лучше и относительная свобода неизмѣримо больше прежнихъ. Въ это же самое время многія изъ туземныхъ женщинъ стали обращаться къ нашей русской администраціи съ

просьбой развести ихъ съ мужьями, такъ какъ они желаютъ поступить въ число явныхъ, открытыхъ проститутокъ. Все это несомнѣнно доказываетъ, что контингентъ будущей открытой проституціи давно уже былъ готовъ и ждалъ лишь того времени, когда гласно и на законномъ основаніи могъ бы заявить о своемъ существованіи.

Когда въ 1875 году въ Наманганѣ была учреждена русская администрація, одинъ изъ членовъ ея обратился къ пожилому уже туземцу, принадлежавшему къ числу прежней ханской администраціи, съ вопросомъ о томъ, насколько была развита здѣсь проституція при ханахъ и много ли въ Наманганѣ тайныхъ проститутокъ, сартъ отвѣчалъ, что, если сказать правду, то въ Наманганѣ слѣдуетъ назвать проститутками всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, пачиная съ 12-ти и кончая 60 лѣтнимъ возрастомъ. Онъ, разумѣется, перехватилъ немножко, но былъ очень близокъ къ истинѣ. Впослѣдствіи, дѣйствительно, пришлось убѣдиться въ томъ что лишь рѣдкую женщину нельзя склонить къ временной любви за соотвѣтствующее вознагражденіе, что рѣдкая женщина отказывается отъ гонорара въ 3—5 рублей и что въ туземной жизни размѣры этого рода платъ не сходятъ иногда до баснословно ничтожныхъ нормъ, при чемъ съ русскихъ взимается обыкновенно въ 5—10 разъ больше чѣмъ съ сартовъ.

Послѣднее замѣчается, впрочемъ, не въ одной только сферѣ проституціи. Если сартъ продаетъ лошадь за 20 рублей, то русскому ту же лошадь онъ продаетъ не дешевле 30; русскіе всегда и за все платятъ гораздо дороже туземцевъ и виноваты въ этомъ, конечно, сами же. Занимая новую провинцію, получая въ военное время усиленные оклады, мы даемъ полный просторъ и безъ того широкимъ русскимъ натурамъ, швыряемъ деньгами направо и налево и хвастаемся другъ передъ другомъ тѣмъ кто больше расшвыряетъ въ данный промежутокъ времени.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Ташкентѣ другри-венные и пятиалтынные платились нами уличному мальчишкѣ за то, что онъ держалъ у крыльца верховую лошадь въ теченіи 15—20 минутъ. Подобное швырянье денегъ здѣсь, гдѣ они рѣдки, а капиталъ вообще дорогъ, не могло, конечно, пройти безслѣдно. Такая размашистость русской природы сначала поразила сартовъ, а затѣмъ заста-

вила ихъ прійти къ тому заключенію что каждый русскій Крезъ, а если онъ Крезъ, то взять съ него нѣсколько лиш-нихъ рублей ему, бѣдному въ сравненіи съ Крезомъ сарту, не грѣхъ. Эти отношенія вошли въ привычку и врядъ ли скоро замѣнятся чѣмъ либо другимъ, не смотря даже и на то, что чѣмъ дальше, тѣмъ сартамъ все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ широкомъ знакомствѣ многихъ изъ воображаемыхъ Крезовъ не только съ теоріей, но даже и съ практикой запутанныхъ долговыхъ обязательствъ и другихъ не менѣе сложныхъ финансовыхъ операцій.

И такъ въ настоящее время здѣсь существуетъ два вида проституціи: открытая или явная, и тайная.

Первые публичные дома появились въ городахъ вновь занятой тогда Ферганской Области немедленно же вслѣдъ за ея занятіемъ. Однимъ изъ первыхъ дѣяній первой же мѣстной проститутки было то, что она немедленно же стала ходить по улицамъ съ открытымъ лицомъ. Это было чѣмъ-то среднимъ между плевкомъ брошеннымъ ею въ старое, давни-шее еѣ вчера только общество, и своеобразной марсельёзой, пѣтой ею на развалинахъ того режима, который такъ не-давно еще грозилъ ей побиваніемъ камнями. Это было своеобразное ликованіе свободы, своеобразный привѣтъ тѣмъ, кто заранѣе простилъ ей, далъ ей право гражданственности и избавилъ отъ вѣчнаго страха за свою жизнь.

Тѣмъ не менѣе по старой привычкѣ открытое лицо сартички, одѣтой по прежнему въ ея національный костюмъ, отнюдь не гармонировало съ окружающей туземной же обстановкой. не только въ глазахъ сартовъ, но даже и въ глазахъ тѣхъ русскихъ, которые прожили въ Туркестанѣ долго и при-выкли видѣть сартичку на улицѣ съ закрытымъ лицомъ. Повят-но, какъ все это должно было шокировать сартовъ. Здѣсь сар-тичка съ открытымъ лицомъ равносильна женщинѣ, гуляющей по европейскому городу въ одной сорочкѣ. На ту бѣду въ од-номъ изъ уѣздныхъ городовъ временно, за недостаткомъ помѣ-щенія, пріемный покой, въ которомъ лечились, между прочимъ и заболѣвавшіе проститутки, помѣщался при уѣздномъ уп-равленіи. Между сартами сталъ было распространяться слухъ о томъ, что по русскимъ законамъ при каждомъ присут-ственномъ мѣстѣ полагается публичный домъ, пансіонерки

котораго содержатся будто бы на казенный счетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ число проституткокъ, а слѣдовательно и число женщинъ, ходящихъ по улицамъ съ открытыми лицами постепенно воз-росло. Благочестивые мусульмане не только были возму-щены всѣмъ этимъ, но даже и начали уже поговаривать о не сомнѣнномъ наступленіи послѣднихъ временъ. На пер-выхъ порахъ туземное общественное мнѣніе настолько возта-ло противъ открытой проституціи, что администраціи нѣ-сколько разъ подавались прошенія объ отводѣ подъ публич-ные дома мѣстъ гдѣ-нибудь за городомъ, возможно по даль-ше отъ послѣдняго и въ окрестностяхъ его наименѣе оби-таемыхъ (').

Однако же продолжалось это сравнительно не долго. Ан-тогонизъ мало по малу улегся; къ открытымъ лицамъ при-смотрѣлись; посѣтителей нашлось не мало таки и въ средѣ самихъ туземцевъ, а въ заключеніе многіе нашли, что содер-жаніе публичнаго дома дѣло хотя и безпокойное но очень небезвыгодное. Недавно въ одномъ изъ здѣшнихъ городовъ новый домъ терпимости былъ открытъ даже и духовнымъ лицомъ; открылъ его одинъ *кады*, занимавшійся передъ тѣмъ заучиваніемъ и чтеніемъ Корана наизусть.

Въ первое время существованія здѣсь публичныхъ до-мовъ, проститутки рекрутировались самыми различными спо-собами. Главнымъ образомъ это были женщины, или раз-ведшіяся съ мужьями, или просто сбѣжавшія отъ послѣд-нихъ.

Вступая въ разрядъ публичныхъ, они всегда почти по-ступали на содержаніе къ учредителямъ домовъ терпимости, сартамъ и значительно рѣже по двѣ по три составляли об-щечитія. Очень не рѣдко были случаи такого рода. Жена, неимѣющая почему либо возможности развестись съ мужемъ законнымъ порядкомъ, или дѣвушка, зависящая отъ родите-лей, убѣгаетъ изъ дому, является къ содержателю публична-го дома и проситъ принять еѣ сюда въ качествѣ проститут-ки. Еѣ, конечно, принимаютъ съ большой охотой, всячески ухаживаютъ за ней и снабжаютъ въ долгъ болѣе или менѣе

(') Просьбы эти всегда исполнялись нашей администраціей при первой же возможности.

наряднымъ платьемъ съ обязательствомъ уплатить сдѣланные расходы потомъ, изъ предстоящихъ заработковъ. На первое время и новая, до той поры неизвѣстная свобода, и веселое препровожденіе времени правятся на столько, что является даже опасеніе, какъ бы мужъ или отецъ, напавъ на слѣды, не увелъ бы домой. Тогда еѣ увѣряютъ, что избѣгнуть послѣдняго очень легко, стоитъ только выдать содержателю дома долговой документъ на такую сумму, которую ни она сама, ни ея родственники не были бы въ состояніи заплатить. Документъ выдается, и проститутка попадаетъ въ кабалу.

Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что къ чести русскихъ кабака эта была больше воображаемой, ибо за документами вродѣ вышеописаннаго никакой силы обыкновенно не признавалось и каждая подобная проститутка всегда легко получала освобожденіе чрезъ посредство русской администраціи.

Оттого въ настоящее время способъ рекрутирования публичныхъ домовъ какъ женщинами, такъ и дѣвушками въ сравненіи съ прежнимъ нѣсколько измѣнился и до нѣкоторой степени можетъ считаться установившимся. Содержатели публичныхъ домовъ почти исключительно мужчины—сарты, а имѣющіеся въ содержимыхъ ими домахъ суть законныя ихъ жены, почему въ каждомъ отдѣльномъ домѣ имѣются обыкновенно не болѣе 4-хъ проститутокъ (по числу законныхъ женъ). Желая открыть заведеніе, сартъ беретъ на законномъ основаніи три—четыре жены и открываетъ торговлю ими.

Обыкновенно въ такой бракъ вступаютъ разведенныя съ мужьями женщины, гораздо рѣже дѣвушки. Последнее объясняется тѣмъ, что большинство родителей нерѣшаются отдавать сюда дочерей съ своего согласія, боясь преслѣдованія со стороны общественнаго мнѣнія; что же касается до разведенныхъ или вдовъ, то, какъ мы уже это видѣли выше, онѣ располагаютъ собою по своему личному усмотрѣнію, при чемъ дальнѣйшее поведеніе ихъ, послѣ выдачи родителями въ первое замужество, не ставится обществомъ въ укоръ послѣднимъ.

Въ первое время существованія здѣсь публичныхъ домовъ главнѣйшими посѣтителями были солдаты, казаки и

другіе низшіе, такъ сказать, слои мѣстнаго русскаго общества. Со временемъ очень много нашлось охотниковъ и изъсартовъ; за послѣдніе годы толпы послѣднихъ окружаютъ дома терпимости въ теченіи всѣхъ дней праздниковъ Рамазана и Курбана, когда здѣшніе публичные дома обращаются въ очень людные клубы сартовской черни, а на *сайлахъ* <sup>(1)</sup> послѣднихъ лѣтъ всегда присутствуетъ нѣсколько десятковъ проститутокъ, являющихся теперь уже одной изъ непремѣнныхъ принадлежностей этихъ народныхъ гульбищъ.

Въ настоящее время, когда практика открытой проституціи въ Ферганѣ имѣетъ за собой сравнительно небольшой промежутокъ времени, трудно сказать что-нибудь вѣрное о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ проститутокъ, которыя отказываются отъ этой профессіи по тѣмъ или другимъ причинамъ. Мы знаемъ, правда, нѣсколько случаевъ, когда молодая женщина, наскучивъ этимъ образомъ жизни и оставляя развѣ навсегда дома терпимости, въ самомъ непродолжительномъ времени находила себѣ мужей, но къ этимъ примѣрамъ по всей вѣроятности, слѣдуетъ относиться лишь какъ къ счастливымъ случайностямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дальнѣйшею судьбою большинства. Можно думать, что со временемъ, участь открытыхъ проститутокъ здѣсь будетъ въ общихъ чертахъ такая же, какъ и въ Европѣ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ сказаннаго мы считаемъ то обстоятельство, что по мнѣнію сартовъ женщина, долго занимаемая открытой проституціей, становится совершенно не способною къ дѣторожденію, а вмѣстѣ съ тѣмъ читателю извѣстно уже, какъ большинство туземцевъ относятся къ безплодію женщины.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ стоятъ проститутки тайныя. Прежде всего замѣтимъ, что имя имъ—легионъ, и что особенности ихъ положенія прежде всего зависятъ отъ соблюденія общечеловѣческаго правила гласящаго: все возможно до тѣхъ поръ, пока оно дѣлается или на законномъ основаніи или, что главнѣе всего, съ соблюденіемъ условныхъ приличій даннаго общества. (Кажется мы не ошиблись, сказавъ, что это правило общечеловѣческое).

(1) Весеннія загородныя гулянья.

Открытых проститутокъ называютъ — *джалыгъ* (проститутка); тайныхъ — *кунйя* (тайная) безъ прибавленія слова *джалыгъ*; такимъ образомъ *кунйя* какъ бы не признается за проститутку.

Какъ между открытыми, такъ равно и между тайными проститутками число дѣвушекъ сравнительно очень не велико. Въ отношеніи тайныхъ проститутокъ объясняется это между прочимъ и тѣмъ, что дѣвушка выходитъ замужъ очень рано, а потому въ число проститутокъ въ большинствѣ случаевъ успѣваетъ попасть лишь послѣ ея замужства.

Число тайныхъ проститутокъ дѣвушекъ начинаетъ замѣтно возрастать лишь за послѣднее время, когда случаи продажи невинности стали повторяться все чаще и чаще.

Мы знали между прочимъ нѣсколько примѣровъ продажи невинности и при такихъ условіяхъ. Дѣвушку выдаютъ замужъ за старика; черезъ 2—3 мѣсяца она разводится съ нимъ по причинѣ его импотенціи, послѣ чего родители или воспитавшіе ее родственники продаютъ ее невинность, а сама она поступаетъ въ разрядъ тайныхъ проститутокъ.

Размѣры проституціонной платы между сартами очень не велики; начинаясь отъ 10—15 коп. они, какъ кажется, никогда не превосходятъ 5 р. сер. Лишь наиболѣе шикарнымъ изъ тайныхъ проститутокъ удается получать отъ своихъ обожателей сколько-нибудь цѣнные подарки. Насколько сарты скарены вообще, читатель можетъ судить изъ слѣдующаго факта. Осенью 1883 года въ Наманганъ пріѣзжала труппа гимнастовъ и танцовщицъ. Для сартовъ представленія давались въ одномъ изъ каравансараевъ; цѣна каждаго входнаго билета была назначена въ 15 к. Часто случались такія сцены: у воротъ каравансарая стоитъ богатый купчикъ сартъ и торгуется, предлагая за билетъ 8½, 9, 9½, коп.

За послѣдніе 3—4 года тайная проститутка произвела въ буквальномъ смыслѣ этого слова, безкровную революцію въ средѣ значительной части мѣстнаго мусульманскаго населенія. Она совсѣмъ почти изгнала *батидей*. Рѣдкая пріятельская мужская вечеринка обходится теперь безъ нея; она появляется здѣсь то въ качествѣ плисуньи, то просто въ роли дамы легкаго поведенія. На такихъ вечеринкахъ вы встрѣ-

невинность

чаете въ настоящее время представителей и туземной администраціи, и крупнаго туземнаго купечества, и иногда даже туземнаго духовенства. Она предписываетъ моды, заставляетъ богобоязненнаго сарта смотрѣть на ея пляску, слушать ея пѣсни и даже пить съ ней вино; одурачивъ своего поклонника—старичка изъ мѣстной буржуазіи, она выходитъ за него замужъ, втирается въ высшее туземное общество, вербуетъ тамъ новыхъ сподвижницъ, разводится съ мужемъ, обзаводится собственнымъ своимъ домкомъ и устраиваетъ здѣсь маленькій, но очень веселенькій моплезирчикъ. Такимъ манеромъ она жуируетъ до тѣхъ поръ, пока благоразуміе не подскажетъ ей, что будетъ дескать, пора остановиться у тихаго пристанища, пора выйти опять за кого нибудь замужъ и принимать участіе въ служеніи дѣлу свободной любви лишь въ качествѣ маклера.

Есть не мало и такихъ тайныхъ проститутокъ, которыя одновременно съ проституціей занимаются и сводничествомъ. „Если я сама вамъ не нравлюсь, то я могу познакомить васъ съ моей дочерью, съ моей младшей сестрой или съ моей племянницей“. Если много тайныхъ проститутокъ, то еще больше сводней, ибо кромѣ женщинъ, ремесломъ этимъ занимаются еще и мужчины; иногда это отцы, братья и даже мужья.

На первыхъ порахъ русская администрація пробовала было бороться съ развитіемъ тайной проституціи, привлекая всѣхъ замѣченныхъ ею женщинъ къ свидѣтельствуванію, но попытки эти оставались совершенно почти тщетными, такъ какъ услѣдить за легиономъ тайныхъ проститутокъ, благодаря особенностямъ туземной жизни, оказалось болѣе чѣмъ невозможнымъ.

Приглашаютъ васъ къ такому-то на *базмъ*, на вечеринку. Пріѣзжаете. Въ *михмаханъ* застаете 5—6 дамъ и нѣсколько мужчинъ. Одна изъ присутствующихъ, вся въ шелку, въ браслетать, кораллахъ и другихъ украшеніяхъ, пляшетъ; остальные поютъ и бьютъ въ бубень. Спрашиваете, кто-такія. Это вотъ дочь такого-то купца; это жена такого-то старшины, это бывшая жена такого-то волостнаго управителя и т. п.

невинность

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается, что всѣ онѣ болѣе или менѣе доступны.

На прощанье съ читателемъ приведемъ сартовскую поговорку:

همہ آدم بر آدم = всѣ люди—люди.

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	
Краткій очеркъ Ферганской долины. . . . .	1.
Религія и духовенство. . . . .	39.
Жилище и утварь. . . . .	72.
Наружность женщины и ея одежда. . . . .	88.
Запятія и нища. . . . .	107.
Характеръ женщины, ея привычки, запятія и поведеніе въ отношеніи окружающихъ. . . . .	133.
Беременность и роды. Дѣвочка. . . . .	167.
Дѣвушка. Сватовство и бракъ. . . . .	192.
Многоженство. Разводъ. Вдовство и смерть женщины. . . . .	219.
Проституція. . . . .	235.